

ISSN 0134-8515

**СЕВЕРНО-
РУССКИЕ
ГОВОРЫ**

ВЫПУСК

14

**SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
INTRADEPARTMENTAL LEXICOGRAPHICAL STUDIO
named after Prof. B. A. Larin**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES**

NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

Published since 1969

Issue 14

Interuniversity collection of articles

Editors *A. S. Gerd, E. V. Puritskaya*

**Nestor-Historia
Saint Petersburg
MMXV**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ
им. проф. Б. А. Ларина

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Издается с 1969 года

Выпуск 14

Межвузовский сборник

Отв. редакторы А. С. Герд, Е. В. Пурицкая

**Нестор-История
Санкт-Петербург
2015**

УДК 800.87
ББК 81.2Рус-67я5
С28

Редакционная коллегия: д.ф.н. проф. А. С. Герд (отв. редактор, С.-Петербург), д.ф.н. проф. Л. А. Ивашко (С.-Петербург), к.ф.н. доц. И. С. Лутовинова (С.-Петербург), к.ф.н. проф. Л. П. Михайлова (Петрозаводск), д.ф.н. проф. С. А. Мызников (С.-Петербург), к.ф.н. ст. науч. сотр. Е. В. Пурицкая (отв. редактор, С.-Петербург).

Редакционный совет: д.ф.н. проф. Н. В. Богданова-Бегларян (С.-Петербург), д.ф.н. проф. В. В. Колесов (С.-Петербург), к.ф.н. доц. Н. В. Маркова (Петрозаводск), д.ф.н. проф. И. И. Муллонен (Петрозаводск), д.ф.н. проф. Е. А. Нефедова (Москва), д.ф.н. проф. Н. С. Сергиева (Сыктывкар), д.ф.н. проф. Г. В. Судаков (Вологда), д.ф.н. проф. О. А. Черепанова (С.-Петербург).

Печатается по решению Ученого совета ИЛИ РАН

Севернорусские говоры. Вып. 14: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. — СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2015. — 318 с.

Сборник «Севернорусские говоры» (вып. 13 вышел в 2014 г.) продолжает традиции сборника «Слово в народных говорах Русского Севера», издававшегося под редакцией Б. А. Ларина. Это научное издание посвящено проблемам диалектологии, а также межъязыковым и межэтническим контактам. Статьи сборника отличает широкий сравнительно-исторический фон, внимание к фактам этнографии и древнерусской региональной письменности.

Сборник предназначен для филологов-русистов, финно-угроведов, диалектологов, этнографов.

ББК 81.2Рус-67я5

ISBN 978-5-4469-0766-3

9 785446 907663

ISSN 0134-8515
ISBN 978-5-4469-0766-3

© СПбГУ, 2015
© ИЛИ РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЭТНОГРАФИЯ*

Аннотация. В статье рассматриваются история, становление и современное взаимодействие диалектологии и этнографии в России, особенности метаязыка этнографии и диалектологии.

Ключевые слова: этнография, диалектология, метаязык, моделирование.

В 1947 году Н. П. Гринкова выступила на Всесоюзном географическом съезде с докладом на тему «Этнография и диалектология»¹. Посмотрим, каково состояние и взаимоотношение этих наук сегодня.

В этом докладе Н. П. Гринкова особо подчеркнула, что в спорах об определении этнографических границ важны и диалектные данные. На материале костюма и построек она показала, какое большое значение имеет параллельное изучение этнографических и диалектных материалов.

Здесь особо следует отметить деятельность М. А. Бородинной, организовавшей совместно с С. И. Бруком, К. В. Чистовым,

*Статья подготовлена по гранту СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.292.2014. В статье термины «языкознание» и «лингвистика» употребляются как синонимы. Статья не касается проблем этнопсихологии, этнодемографии, исторической географии, этнолингвистики, фольклористики. Таким образом, настоящая статья рассматривает преимущественно роль лингвистических источников в решении задач традиционной русской исторической этнографии.

¹Гринкова Н. П. Этнография и диалектология // Труды второго всесоюзного географического съезда. Т. 3. М., 1949. С. 300–314; Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. В целом Н. П. Гринковой было опубликовано более 20 работ по этнографии. Те же тенденции характерны для историко-этимологических работ Н. П. Гринковой: Гринкова Н. П. Об областных словах в современном литературном русском языке // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1956, т. 122; Гринкова Н. П. Из истории областных слов русского языка // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1957, т. 130, с. 121–148; Гринкова Н. П. Вопросы исторической лексикологии русского языка // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1962, т. 231.

Н. И. Толстым при поддержке В. М. Жирмунского не только серию конференций по проблемам языкознания и этнографии, но и совместно с А. Н. Кононовым специальную секцию лингвогеографии в Русском географическом обществе².

Н. И. Толстой ввел проблемы языкознания и этнографии в широкий контекст этнолингвистики. Он еще раз указал на роль языка в формировании народной культуры, на необходимость во многих случаях изучать лексику в тесной связи с этнографическим анализом, на экспансию методов лингвистики в этнографию³.

Постепенно под руководством Н. И. Толстого и С. М. Толстой возникла славянская этнолингвистика, ставящая своей целью изучение языка и культуры в их органической связи, реконструкцию древнейших представлений о мире и человеке, того, что сейчас называют картиной мира славян⁴.

Более чем за сто лет языкознание немало сделало и делает, пополая со своей стороны материалами и идеями этнографию⁵.

²Лингвогеография / Отв. ред. М. А. Бородина. Л., 1983; Проблемы картографирования в языкознании и этнографии / Отв. ред. С. И. Брук. Л., 1974. (См. перечень конференций «Ареальные исследования в языкознании и этнографии»); Мельникова Т. Н., Сухачёв Н. Л. Лингвистические и этнографические атласы. Л., 1971; Сухачёв Н. Л. Лингвистические атласы. Л., 1984.

³Толстой Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 40, № 5. С. 397–405; Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005; Герд А. С. Социоллингвистика. СПб., 2012.

⁴Толстая С. М. Никита Ильич Толстой и его путь к этнолингвистике // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 10–25.

⁵Шахматов А. А. Русская диалектология. Лекции. СПб., 2010; Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Пг., 1916; Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1949. Т. 80; Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию. 1825–1880. Вып. 3. М., 1955; Этерлей Е. Н. Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре // Диалектная лексика. 1974. Л., 1976. С. 13–26; Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983; Комягина Л. П. Соотношение лингвистических и этнографических ареалов на территории Архангельской области // Эволюция лексической системы севернорусских

В аннотациях к диалектным словарям мы, филологи, обычно пишем: «Для филологов, этнографов, историков, краеведов». Почему же этнографы даже в описаниях локальных этнических групп и регионов далеко не всегда используют данные диалектных словарей?

Первое и главное различие заключается в характере описания понятия. В словаре приводится только сам народный термин и его значение — как правило, достаточно лаконичное.

Этнограф, описывая предметы материальной культуры, оперирует не изолированными терминами, а создает связный научный специальный текст, детально описывающий тот или иной предмет, обряд и т. д.

Диалектолог, определяя значение слова, также оперирует не изолированными терминами, извлеченными из контекста полевых записей. Однако это записи в транскрипции, записи на языке информанта и главное — с точки зрения этнографа, энциклопедически часто довольно фрагментарные. Совсем особое место занимает словарь «Славянские древности»⁶.

Таким образом, диалектные словари, содержащие в лучшем случае три-четыре цитаты, нередко оказываются недостаточно информативными, хотя в последнее время и появились словари, приводящие почти все цитаты из полевых записей, например словарь «Селигер»⁷.

Целые поколения даже лучших лингвистов, лексикографов выросли на том, что в определение слова в словаре не должно вноситься ничего из того, что к самому значению не относится. Практика научно-технической лексикографии и разработка термино-

говоров. Вологда, 1984. С. 8–19; Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996; Лутовинова И. С. Слово о пище русских. СПб., 1997; Проценко Б. Н. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-н/Д., 1998; Судаков Г. В. История русского слова. Вологда, 2010; Традиционный быт псковских крестьян. Опыт этнолингвистического словаря. Псков, 2012.

⁶Славянские древности. Т. 1–5 / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.

⁷Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1. СПб., 2003. Вып. 6. Тверь, 2014.

логических словарей давно уже отказалась от этого положения, и в толкования терминов в разной форме, как правило, вносятся все основные и дополнительные признаки понятия⁸.

Как известно, этнограф, описывая понятие, использует самые разные источники, в том числе архивы музеев, материалы путешествий, начиная с XVIII века, полевых экспедиций, дневники, рисунки, фотографии.

Большинство современных диалектных словарей (исключение — ПОС и СРНГ) довольно строго ограничены хронологически только материалами из экспедиций середины и последних десятилетий XX и начала XXI века, в то время как этнограф воссоздает историю объекта в глубокой хронологической ретроспективе, нередко вплоть до использования археологических артефактов. Этнографу, целью которого является описание жизни, быта, обрядов, содержание, характер понятия, его история, как правило, ясны еще до того, как он обратился к диалектным словарям.

Обилие синонимов в диалектных словарях хорошо показывает особенности диалектной речи, но часто уже мало что добавляет к раскрытию содержания понятия.

В лучших работах по этнографии приводятся народные названия объектов, но и они часто почерпнуты из собственных полевых записей этнографов или из других источников. В частности, по этнонимике локальных групп населения этнографы сами часто находят больше данных. Так, Т. А. Бернштам подробно анализирует этнонимы *кокшара*, *усьяна*, *усьяки*, *ваганы*, *важаньы*⁹.

Лингвистические источники для этнографа релевантны, интересны, но не всегда пертинентны, значимы. Они выполняют в этнографии роль вторичных материалов.

Этнографию и языкознание разделяют не объекты, а тип создаваемого специального текста и метаязык описания. Этнограф создает специальный развернутый связный текст по этнографии,

⁸Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии. СПб., 1986.

⁹Бернштам Т. А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север / Под ред. Т. А. Бернштам. СПб., 1995. С. 208–317.

а лингвист — совсем особый вид специального текста — словарь. При этом этнограф пишет на современном литературном языке и там, где можно, он чаще всего пользуется литературными стандартными терминами, а диалектные названия приводит в скобках, в кавычках или курсивом.

Приведем пример: Вокруг всей избы имелись *лавки* вдоль стен и *полавошники* — полки над лавками.

Из избы имелся вход в подполье через люк в полу, иногда шкафообразной надстройкой над ним, известной в более восточных и северных губерниях под названием *голбец*. Здесь (в Псковской губернии — А. Г.) это устройство называлось *ленуха*. Но в русских избах эта ямка (в печи — А. Г.) имела под разными названиями во всех губерниях до конца XIX в., в том числе и в Псковской, под названиями *ямка*, *пазуха*, *загнетка*, а в других местах — *горнушка*, *жараток*, *камелек* и т. д.¹⁰

Если мы хотим, чтобы диалектные словари (и шире — лингвистические источники) стали для этнографа более пертинентны, более востребованны, мы должны повернуться лицом к опыту научно-технической лексикографии, не ограничиваться только определением значения, а должны там, где необходимо в разных формах давать дополнительные описания объекта, а иногда и рисунки (виды рыболовных орудий, части строений, одежды)¹¹.

И в наши дни, в начале XXI века из традиционных направлений, источников актуальны для этнографии классификация языков и диалектов, лингвистические атласы. Этнографу чаще всего легче и удобнее использовать обобщающие работы филологов по истории диалекта, топонимов, по происхождению и истории слов. Топонимика важна, но чаще уже как лингвистически обработанный материал с точки зрения этимологии, как свидетельство о субстрате и волнах этнических переселений.

¹⁰Шенников А. А., Привалова О. Е. Строительная культура псковских крестьян: поселения, усадьбы, постройки // Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1999. С. 177.

¹¹См., например: Сыщиков А. Д. Лексика крестьянского деревянного строительства. СПб., 2006.

В последнее время в лингвистике появилось немало работ о моделировании живой народной картины мира. На этой базе актуальным представляется следующий шаг — разработка строгих логико-понятийных моделей отдельных этнографических объектов и соответствующих им понятий¹².

Хорошую основу здесь представляет опыт программы Лексического атласа русских народных говоров¹³.

Многочисленные рассказы информантов-диалектоносителей, записанные в последнее время диалектологами специально для изучения связной речи, во многом все же фрагментарны и относятся скорее к этнопсихологии.

И здесь мы подходим к главному выводу. Все сказанное выше в конечном счете обусловлено различием в предмете изучения. В языкознании — это язык, диалект как лингвистическая субстанция, в этнографии — этнос, народ и его быт и культура в самом широком смысле. Отсюда и разница в методах.

В течение долгих десятилетий отечественная диалектология была ориентирована на описание фонетики и морфологии диалектов вне всякой связи с лексикой и тем более с этнографией¹⁴.

Считалось, что для выяснения основных фонетических и морфологических особенностей диалекта достаточно одноразового обследования пункта по определенной сетке и программе.

Для этнографа традиционным объектом служит население избранного ареала, та или иная отдельно избранная этническая группа. С этой целью этнография издавна неоднократно, как правило, обращается к полевому и источниковедческому изучению этого населения.

¹²См. серийные ежегодные сборники «Лексический атлас народных говоров». (Вып. 1. Л., 1990); Герд А. С. Прикладная лингвистика. СПб., 2000; Табанакова В. Д. Моделирование научно-исследовательского текста. Тюмень, 2004.

¹³Лексический атлас русских народных говоров (Проект). СПб., 1994; Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1, 2. СПб., 1994.

¹⁴Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947. Из 294 вопросов лексика занимала вопросы 141–294.

Постепенно в 60-е–80-е годы XX века с расширением масштабов работ над диалектными словарями стало ясно, что сбор полноценных лексических материалов также требует неоднократных обследований одних и тех же районов, пунктов, а нередко и специальных вопросников и программ.

Приведем один современный пример. В 2006 году была опубликована монография К. К. Логинова «Этнолокальная группа русских Водлозерья»¹⁵. Автор в течение ряда лет посвятил себя как полевому, так и архивному изучению района Водлозера на востоке Карелии.

В 2005 году вышел шестой, последний том СРГК. За долгие годы полевых исследований обширного ареала СРГК от Мурманска до Ильмена, озер Лача и Белого озера было проведено не более трех экспедиций на Водлозеро, и то в разные деревни.

В монографии К. К. Логинова мы находим такие названия жителей Водлозерья, как *рибушник*, *озёра*, *озёрные люди*, *белогвардейцы*. Слов этих в качестве этнонимов нет в СРГК, да и программы обследования для СРГК не предусматривали специальных вопросов по названиям жителей.

В то же время в СРГК нет слова *рибушник* как названия жителя или прозвища на Водлозере, но зато есть свыше двадцати слов с корнем *риб/рёп/рибуш* в значении 'плохая, ветхая, рваная одежда' или 'плохо, неопрятно одетый человек' (*рибушник*, *рибушница*), откуда, по-видимому, и название жителей Водлозера.

На этом примере ясно видна разница в целях лингвистического и этнографического сбора материала.

Для диалектолога главное — записать максимум диалектных контекстов и слов в разных значениях, употребляемых во всем ареале, подлежащем отражению в словаре; слова с корнем *рибуш* отмечены к северу от Белозерья и Свири и по всей Карелии.

По методам полевого обследования диалектология приближается к этнографии там, где лингвист использует специальные программы.

¹⁵Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006.

Что касается программы ЛАРНГ с некоторой долей осторожности, до начала картографирования, можно думать, что такой специальный, углубленный характер носят программы О. А. Черепановой по духовной культуре и И. С. Лутовиновой по теме «Питание», О. Н. Мораховской, А. Д. Сыщикова и В. Л. Чалова по строительству и постройкам.

Пример Н. П. Гринковой — диалектолога и этнографа, работавшего долгие годы рядом с этнографами, до сих пор остается непревзойденным.

В идеале и в экспедиции лингвист и этнограф должны работать рядом, уточняя, просвещая и обогащая друг друга.

Каковы же сегодня, спустя 66 лет после опубликования работы Н. П. Гринковой, наши перспективы? Это расширение полевых и экспериментальных исследований, создание обобщенных атласов, словарей и монографий разных типов.

В связи с дальнейшей дифференциацией и интеграцией разных наук и появлением новых смежных направлений (структурная и прикладная лингвистика, этнолингвистика, семиотика, культурная антропология, культурная география) — это совершенствование современных методов исследования и поиск новых точек соприкосновения и пересечения близких гуманитарных наук, включая также философию, психологию, когнитологию, географию¹⁶. И этнографы, и лингвисты могут многое сделать — в уточнении таких общих категориальных понятий, как этническая общность, этнос, субэтнос, идентичность.

Сокращения

ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред.

Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова. Вып. 1–25. Л./СПб.:

Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2014 (издание продолжающееся).

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2005.

¹⁶Очерки исторической географии Северо-Запада. Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 2001.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–48. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2015 (издание продолжающееся).

A. Gerd. Linguistics and Ethnography

In the article discusses the history, formation and interaction of modern dialectology and ethnography in Russia, especially the meta-language of ethnography and dialectology.

Keywords: ethnography, dialectology, meta-language, modeling.

СЛЕДЫ ДРЕВНИХ РУССКО-НОРМАННСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Аннотация. В статье описываются норвежское слово *lefsa* и русское слово *лѣваши*, обозначающие кулинарные изделия, имеющие сходство внешнее и в технологии приготовления. Рассматриваются исторические предпосылки возможных русско-норманнских языковых контактов.

Ключевые слова: кулинарное изделие, северно-русские говоры, норманны, А. А. Шахматов, этимология слова, внутренняя форма русского слова.

В кулинарной культуре современной Норвегии имеет широкое распространение выпечное изделие из дрожжевого теста, в основном пшеничного, в виде тонкой сухой лепешки, которую перед употреблением в пищу смачивают водой, а затем смазывают маслом или джемом, или посыпают сахаром, часто корицей. Затем одной лепешке придают форму трубочки или конвертика, или складывают друг на друга несколько лепешек в виде прямоугольника или треугольника. Для начинок фантазии хозяек беспредельны: это может быть и сыр, и копченое мясо, и сливочный крем, и свежие ягоды.

Некоторые норвежцы делают эти лепешки из картофеля или добавляют картофель в тесто. Называется это изделие *lefsa* (*lefse*) (название употребляется во множественном числе). Стоит отметить, что в разных частях Норвегии, напр., в Западной или Северной, есть различия в употреблении начинок, в Северной Норвегии (*Nord-Norge*) любят использовать сметану.

Изделие может быть и из мягкого теста в виде блина. Эти *lefsa* лучше есть свежими, только что приготовленными.

В магазине в Норвегии мне попала упаковка западно-норвежских *lefsa* (*Vestlandlefsa*). На упаковке можно было прочитать красочное описание кулинарного изделия, рецепты его использования, но главное, был указан год (1630) и точное название места

в Западной Норвегии (Hardanger), когда lefsa впервые были приготовлены в данном регионе. Было в частности написано: «lefsa в те времена, равно как и сейчас, использовались и для ежедневного употребления, и в праздник. Различие в начинках (для праздника сливочный крем, свежие ягоды)». Lefsa могут быть приготовлены дома или их можно купить в замороженном виде в магазинах.

А что же дают норвежские словари?

В «Большом норвежско-русском словаре» В. П. Беркова: «lefsa (lefsa) — одна из традиционных выпечек, которую готовят из картофеля и белой муки в форме мягкого плоского хлеба, выпекается он на специальных плоских противнях. Рецепт lefsa, как и название (это может быть и лемса, и лепса) варьируется от региона к региону по всей Норвегии. Изготовление lefsa занимало, как правило, несколько дней, т. к. выпекалось очень много lefsa. Готовые они выглядели так: приблизительно 1 метр в диаметре и обычно 1 миллиметр толщиной. Они должны сохраняться сухими в больших стопках до момента использования. Lefsa были так приготовлены, что они имели хорошую способность к длительному хранению — иногда с осени (после уборки урожая картофеля) до следующего лета. Готовить красивые и тонкие lefsa — большое искусство.

После выпечки для lefsa рекомендуется сухое место для хранения, а перед употреблением обязательное увлажнение» (Берков: 703).

В «Норвежском словаре» 1937 г. lefsa (leiv, lev) ‘плоский хлеб’, указывается, что чаще используется lev. Lefse «блин, лепешка, хлебец. Изготавливают из муки высшего сорта, едят с маслом, сахаром, сиропом, точнее наносят эти ингредиенты на готовую лепешку» (Knudsen, Sommerfelt: 2906–2907). В «Норвежском словаре народного языка...» 2008 г.: «Lefse — один из видов выпечки, тонкой круглой. Выпекаются на противне, смазываются маслом, присыпаются сахаром, затем скручиваются в трубочки или режутся на кусочки, а также lefse — это разновидность жесткой

выпечки (круглый тонкий плоский хлеб)» (Grønvik: 247–249). Об этом изделии можно прочесть также и в Википедии¹.

В «Норвежском словаре...» 2008 г. (Grønvik) указано, что lefse скручиваются в трубочки, и мне вдруг вспомнилось, что в 60–70 гг. XX века в экспедициях по сбору материала для «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК) я видела в некоторых районах, напр., в Каргопольском, Онежском и др., как крестьяне ведрами собирали чернику, потом ее давили пестом, раскладывали ягодную массу на широких деревянных досках и ставили на солнце, а в непогоду подсушивали эту массу на стопившейся русской печи. На мои вопросы, для чего это делается, мне показывали свернутые в трубочки сухие ягодные пластины, которые в зимнее время после размачивания служили начинкой для пирожков и шанег. Эти сухие ягодные пластины называются *леваши́*. В СРГК это слово описано как *лева́ш* (СРГК, 3: 103), но следует подчеркнуть, что слово употребляется только во множественном числе, и материал словаря это подтверждает: *Леваши́ можно изо всех ягод делать. (Плес.) Лева́шница – доска называется, нацедил земляники, называется леваши. (Карг.). В «Словаре областного олонецкого наречия»: леваши́ ‘консервы из земляники, изготовленные крестьянами, землянику мнут, получается жидкая масса розового цвета, ее наливают на гладкие доски тонким слоем и сушат на солнце’ (Куликовский: 48). В СРНГ лева́ш (обычно мн.) ‘род смоквы или сухого варенья, приготавливаемого из протертых ягод (редко с добавлением сахара или меда), высушенных на специальных досках (на солнце или в печи) в виде тонкого листа’. Слово сопровождается пометами Каргоп., Олон., Твер., Арх., Новг., Костром. (СРНГ, 16: 306). В форме единственного числа слово отмечено в (ОСАГ: 337). Еще более точные подтверждения находим в «Словаре Р. Джемса 1618–1619 гг.»: lévasshī ‘род русского мармелада, приготавливаемого из ягод с медом’ (Джемс: 190, 260). Англичане, которые вели записи в Архангельске, поставили ударение на первом слоге, так они услышали*

¹URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Lefse>

это слово. Думаю, что это достоверно. Впервые в памятниках русской письменности это слово зафиксировано в «Домострое»².

Хочу вернуться к норвежскому изделию lefsa (lefse), которое имеет некоторое внешнее сходство с *лѣваши* — сухие тонкие лепешки длительного хранения. Замечу, что в Норвегии слово lefsa зафиксировано на 100 лет позже (XVII в.), но это, кажется, не столь важно, т. к. технология приготовления кулинарного изделия, а именно тонкое раскатывание и подсушивание, могла возникнуть намного раньше, ведь, как установлено учеными, русские и норманны — жители Норвегии, Дании, Швеции, начиная с VIII в. могли иметь очень близкие контакты. «Начиная с VIII в. Европа в разных частях своих становится поприщем деятельности норманнов. Небольшими отрядами норманны совершали морские набеги на прибрежные страны (берега Белого и Балтийского (Варяжского) морей). По мнению Шахматова, археологические данные устанавливают наличие более или менее обширных скандинавских поселений в IX–X вв. на территории России в пределах бывших Петроградской, Новгородской, Ярославской и др. губерний»³. А. А. Шахматов писал, что почти «всё восточное славянство... попали под влияние разных политических сфер: север и северо-запад — в сферу скандинавского влияния»⁴. «Походы норманнских викингов вызывались разнообразными причинами: главными являются скудость доставляемого их странами пропитания, а также установления в Норвегии единодержавия, разрушившего самостоятельность областей и стоявших во главе их вождей»⁵. Кроме того, «варяги-норманны состояли на службе в качестве наемной дружины и у русских князей»⁶. «Благодаря брачным союзам скандинавов они в течение XI в. смешались

²Лутовинова И. С. О некоторых названиях пищи в «Домострое» // Язык и текст. СПб., 1998. С. 137.

³Державин Н. С. Происхождение русского народа. М., 1944. С. 67.

⁴Державин Н. С. Указ. соч. С. 66.

⁵Шахматов А. А. Русская диалектология. СПб., 2010. С. 245.

⁶Державин Н. С. Указ. соч. С. 60.

с туземным населением, финским и славянским»⁷. Подтверждения русско-норманнским связям находим и в трудах современных ученых, например, Санкт-петербургского историка Н. И. Милютенко, по словам которой: «в IX в. на южном побережье Балтийского моря была скандинаво-славянская мешанина»⁸.

Возвращаясь к названным выше кулинарным изделиям, хочу подчеркнуть, что не следует говорить о каких-либо заимствованиях, но контакты людей, безусловно, отразились в языке. Хотелось бы отметить также, что и норвежское, и русское (севернорусское) слово произносятся с ударением на первом слоге и употребляются только в форме множественного числа. Важно и то, что в основе обозначаемых ими изделий — засушивание и длительное хранение.

Однако, рассуждая о русском слове *лѣваши*, необходимо привести гипотезу его происхождения, высказанную В. И. Далем: он предположил, что слово *левашник* ‘выпечное изделие с левашами’ образовано от глагола *лить* (формы *лей*, *влей*) (Даль, II: 242), и мне думается, что это правильно: важно, что ягодная масса разливается. В других словарях не совсем точно *левашник* определяется как ‘пирожок с ягодной начинкой’ (САР, Сл. 1847, Даль, II: 242). Точнее — с начинкой из размоченных ягодных пластинок. В «Домострое», памятнике XVI в. читаем: «А левашы ягодные... дѣлать варить ягоды добрѣ долго, да... протереть сквозѣ сито, да с патокою упарит<и> густко... то лити на доски на солнце... а как сядет... А не сядет от солнца, ино против печи сушить, а как сядет — вертети в трубы» (СРЯ, 8: 184). В памятнике XVII в.: «Высушимъ на солнце по обычаю, аки левашы» (СРЯ, 8: 184).

Кстати, при изготовлении тонких бездрожжевых *lefsa* тесто также наливается на противни. Можно предположить, что ягодные *лѣваши* могли возникнуть раньше, т. к. на Севере, где жили скандинавы и славяне, пшеница не растет.

⁷ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 246.

⁸ Откуда пришел Рюрик? Беседа с Н. И. Милютенко // Санкт-Петербургские ведомости. 2015. 7 октября.

Этимологи связывают происхождение слов *леваш* с тюркским лаваш⁹. Теперь я могу не согласиться с этой этимологией: слишком прозрачна внутренняя форма слова. Норвежские этимологи следующим образом трактуют *lefse*: в норв. ‘сочный и плоский хлеб’, в сев. диал. *lefsa, lev*, в дат. *lev* ‘хлеб’, норв. фольклорн. *leiv* ‘плоский хлеб’, стар. норв. *hleifr* ‘круглый пирог’, равняется готскому *hlaifs* ‘хлеб’, англо-саксонск. *hlâf* (англ. *loaf*), старый разг. нем. *leip*. От германского происходит старославянский *chlěbŭ* ‘хлеб’, литовский *klėpas*, латвийский *klaipas*, финский *leipä*. Родственно латинскому *libum* ‘жертвоприношение, пирог’ (Falk, *Torp*: 450, 455; *Bjorwand, Lindeman*).

Сокращения

- Берков — Большой норвежско-русский словарь [Stor norsk-russisk ordbok : словарь / Отв. ред. В. Берков. —1 utgave]. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2003.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.-СПб., 1880–1882. Т. 2. М., 1881.
- Джемс — *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-разговорник Ричарда Джемса 1618–1619 гг. Л., 1959.
- Куликовский — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- ОСАГ — Обратный словарь архангельских говоров. М., 2006.
- САР — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Тт. 1–6. СПб., 1806–1822.
- Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. I–IV. СПб., 1847.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Тт. 1–48. М.; Л.; СПб., 1965–2015.
- СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.
- Bjorwand, Lindeman* — *Bjorwand, H., and Lindeman F.* *Våre arveord: etymologisk ordbok* [Этимологический словарь норвежского языка]. Oslo: Novus Forlag, 2000.

⁹*Лутовинова И. С.* Судьба древних заимствований в говорах Русского Севера (названия пищи) // Севернорусские говоры. Вып. 7. СПб., 1999. С. 102.

Falk, Torp — Falk, Hjalmar, og Torp, Alf. Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog [Этимологический словарь норвежского и датского языков]. Oslo: Universitetsforlaget, 1994.

Grønvik — Norsk ordbok. Ordbok over det Norskefolkemålet og det Nynorske Skriftmålet / Hoviredaktorar Oddrun Grønvik og andre. Bind 1, annet halv bind B. VII [Норвежский словарь народного языка и нового норвежского письменного языка. Т. VII]. Oslo, 2008.

Knudsen, Sommerfelt — Knudsen T., Sommerfelt A. Norsk riksmålsordbok [Норвежский словарь государственного языка, изданный для защиты государственного языка вне дома]. Oslo: Aschehoug, 1937.

I. Lutovinova. Traces of Ancient Russian-Norman Language Contacts

The author describes the Norwegian word *lefsa* and Russian word *levashi* which means culinary products that are similar in form and preparation. The historical background of possible Russian-Norman language contacts is discussed in the article.

Keywords: culinary product, the Northern Russian dialects, Normans, A. Shakhmatov, etymology, the interior form of the word.

СЕВЕРНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ*

Аннотация. В статье предпринимается попытка этимологического анализа севернорусской лексики, которая трактовалась ранее как прибалтийско-финская по происхождению. Особый акцент в работе делается на широкий охват материала, включая данные восточнославянских языков. Отмечается важность учета различных направлений иноязычного воздействия. Рассматривается вероятность различных этимологий с учетом бытования в диалектном континууме и общенародном лексиконе.

Ключевые слова: этимология, украинский, белорусский, прибалтийско-финские языки, севернорусские говоры.

Маргинальные диалектные ареалы довольно часто сохраняют в лексической системе архаизмы, представляющие собой следы восточнославянского единства. Хотя вряд ли следует оспаривать мысль Ф. П. Филина, что «остается несомненным одно: лексико-семантические особенности русского и украинского языков стоят на языковом, а не диалектном уровне»¹. Анализируя возможное количество единиц праславянского фонда, он писал об их ареальной специфике: «Примеров древних лексических восточнославянских слов, обособляющих древнерусский (прарусский) язык от словарного состава других славянских языков, в ЭССЯ очень много. Еще больше праславянских слов, которые с древнерусской эпохи были диалектизмами внутри самой восточнославянской территории. Многие восточнославянские диалектизмы выходили за пре-

*Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-04-00166а «Лингвогеографическое описание лексики русских народных говоров на материалах “Лексического атласа русских народных говоров” и данных региональных словарей».

¹Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка / Под общ. ред. и с предисл. В. Я. Дерягина. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 159.

дела этой территории и имели причудливые изоглоссы в южных и западных славянских областях. Все это нуждается в подробном исследовании»².

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть севернорусские лексические единицы, которые также отмечаются на украинской, белорусской почве, а также в русских говорах позднего заселения, в этимологическом аспекте. Источниками послужили восточнославянские диалектные лексикографические источники.

Анализируя совокупность единиц, имеющих севернорусские фиксации и украинско-белорусские соответствия, можно выделять различные аспекты такого сходства.

В первую очередь выявляются единицы, которые репрезентируют былое славянское единство, например русск. сев. лексема **вѣко** 'крышка плетеной емкости (корзины, короба, теса и т. п.), деревянная или плетеная', отмеченная в Вельском, Вилегодском, Ленском, Лешуконском, Устьянском, Холмогорском районах Архангельской области и Бабушкинском, Великоустюгском, Нюксенском, Тарногском, Тотемском районах Вологодской (СГРС, 1), при имеющихся и других диалектных севернорусских материалах, например: **вѣко** 'крышка теса или лукошка' Арх. (Подвысоцкий). Имеются следующие славянские соответствия: укр. **віко** 'крышка сундука, квашни, бадьи, гроба и пр.' (Гринченко, 1: 237), словен. **véka** ж. 'крышка, веко', чеш. **víko** 'крышка', при литов. **vóka** 'крышка', латыш. **vâks** 'крышка' (Фасмер, 1: 286). А. К. Матвеев предполагает, что русск. сев. **рѣпало** 'крышка пестеря, кузова' (Матвеев, 1995: 32) имеет такую же семантическую основу для крышки пестеря (Матвеев, 1995: 32), полагая, что для последней может иметь место конкретный прибалтийско-финский словарный источник, однако ближайшие аналогии в современных прибалтийско-финских языках обнаружить не удалось (Матвеев, 1995: 32). Ср., однако, **рѣпало** 'тот, кто часто моргает глазами'

²Там же. С. 42.

Холмог. Арх., 1907 (СРНГ, 35: 104), связанное с фин. *girata*, вепс. *giritada* 'моргать' (SKES: 805).

В ряде случаев севернорусское слово при тождественной семантике на восточнославянской почве имеет вариативную форму, например *кука-бака* 'одуванчик' Вожегод. Волог. (СРНГ, 16: 31), при укр. *кульбаба* 'растение одуванчик' (Гринченко, 2: 323). Вряд ли следует севернорусские данные сопоставлять с коми *кукабак*, *кукобака* 'трутовик, березовая губка' (ССКЗД: 272), также как и сопоставлять это слово с русск. диал. *куколь*, которое фиксируется для различных наименований растений, ср., например: *куколь* 'клевер' Пошех.-Волод., Молог. Ярослав., 1849. Новг. (СРНГ, 16: 42). Однако, исходя из тождества семантики, более вероятно рассматривать севернорусское *кука-бака* как преобразование русск. *кульбаба* 'одуванчик' Кубан. (Ст. Удобная), Дон. (Миртов, 1929). *Кульбаба* 'растение *Senecio vulgaris* L., сем. сложноцветных; крестовник обыкновенный. Екатеринослав. (Анненков). 'Растение *Leontodon Taraxacum*, сем. сложноцветных; одуванчик' Южн. (Даль), которое может иметь связь с тюркскими данными, ср. казах. *бақбақ* 'одуванчик' (Бектаев, КРС: 84). В. Б. Колосова, однако, полагает, что «свойство стеблей одуванчика сворачиваться, будучи расщепленными, отражено в фитонимах *кульбаба* (Ср. Приобье), белорусск. *кульбаба*, укр. *кульбаба*, *кульбака*: «як задерти бадилля, то кулится» (Анненков, 1876: 350; Колосова, 2009: 190).

В ряде случаев русское диалектное слово имеет широкую ареальную дистрибуцию, при маргинальной украинской, причем, вероятно, связанной с русским же влиянием. Ср. русск. диал. *мо́ршни* 'грубая рабочая обувь из сыромятной кожи' Сольвыч., Никол., Ярен., Великоуст. Волог., 1841. Волог., Сев.-Двин., Арх., Забавная., Нерч. Иркут., Бурят. АССР, Читин., Амур. (СРНГ, 18: 281); при укр. *моршень* 'башмак, сделанный из цельного куска кожи' Сумский уезд (Гринченко, 2: 446).

Одно из наименований обуви фиксируется в украинском, белорусском и русском языках, при том, что оно является прибалтийско-финским заимствованием. Ср.: укр. *Кендя*, -ді, ж. Чаще во

мн. ч. **кѣнді**, -дів. 1) Валенки, валеные калоши. 2) В насмешку так называют большие сапоги (Гринченко, 2: 235). Авторы ЭСУМ, при белорусск. **ке'ньги** 'теплі калоші', укр. **кенді**, **кінді**, в том же значении, что и в словаре Гринченко, рассматривают как заимствование из русского языка, при прибалтийско-финских источниках русской единицы (ЕСУМ, 2: 423). Ср. также: *Надів на ноги кинді нові і рукавиці взяв шкапові* (И. П. Котляревский. Энеида).

Следует отметить, что в русском языке соответствующее слово в XVIII веке было представлено в общенародном лексиконе, ср.: **Кѣньга**, употребительнее во множ. **Кѣньги** «зимняя из телячьей или оленьей кожи с шерстью обувь, которая и внутри подпушена мехом или байкою, похожая на коты и надеваемая для тепла сверх башмаков и сапогов»: *Купить кеньги. Надеть кеньги* (САР 1, 3: 507). В XIX веке слово также еще отмечается как единица широкого распространения: **кѣньга** «зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкою, и надеваемая сверх башмаков или сапогов» (Слов. Акад., 1847, 2: 170). Ср. также данные В. И. Даля: **Кѣнги** «калоши, головка с подошвами сверх сапог; теплая обувь, валенная, меховая или кожаная с теплым подбоем, но без голенищ» (Даль, 2: 105). Традиция подачи этого слова продолжается в БАС, однако в XX веке слово уже имеет диалектную помету: **Кѣньги**, мн. (ед. **кеньга**, ж.). Обл. Особая зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкой и надеваемая сверх башмаков или сапог. // Сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу (БАС, 5: 925).

Об общерусском характере распространения слова в XIX веке свидетельствует его широкое представительство в литературных источниках того времени:

Зимой путники и часовые поверх сапог или валенок надевали кеньги — высокие, выше щиколоток, кожаные, меховые или валяные галоши. В сырую непогоду в XIX в. стали носить низкие галоши, сначала кожаные, с конца XIX в. — резиновые. (Л. В. Беловинский История русской материальной культуры)

Как бы мне dokonать этого долгохвостого хахаля и сделать из шкуры его детям тулупы и кеньги. (В. А. Жуковский. Письма к А. С. Пушкину)

Тут барин подоспел домой из булеvara, Снял кеньгу мокрую, снял мокрый сапожек. А ножку? — нет ее он поберег. И высушил, согрев водой из самовара. (П. А. Вяземский. Кеньга, сапог и нога)

На ногах натянуты были белые кеньги, а на туловище мохнатый ергак с шерстью снаружи придавал Василию Ивановичу красоту гомерическую. (В. А. Соллогуб. Тарантас. Путевые впечатления)

А я плюнул ему в эти кеньги и сказал: — Ну, так вот, скажи же своему королю, что я ему в калоши плюнул. (Н. С. Лесков. Смех и горе)

Жид купил мне поношенный тулуп, шапку и кеньги; Рифка дала на дорогу целую связку баранок. (Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин).

Вероятно, достаточно широкое распространение этого слова связано с внедрением реалии им обозначаемой в военный обиход.

Образовалось отверстие, голова в него проходила свободно. Вспомнил он, как хлопали по грязи кеньги часового, удалялся влево отблеск штыка. (В. А. Гиляровский. Беглый)

Калош тогда и в помине не было, а если бы военный человек надел кеньги, или что-нибудь подобное — его осмеяли бы. (В. В. Крестовский. Уланы Цесаревича Константина)

Гренадеры, подторкнув полы шинелей под патронные ремни, с чавкающим звуком вытягивали из грязи чудовищные кеньги, облепленные глиной. (И. Лукаш. Пожар Москвы)

В этой связи следует отдельно рассматривать источники, относящиеся непосредственно к описанию материальной культуры Севера, которые представлены в этнографических исследованиях и путевых записках.

Для езды в гости сбрую на оленей держат унизанную бисером и ушитую маленькими лоскутками разных цветных сукон. Обувь свою или кеньги по сторонам так же унижают бисером; ноги обвертывают сукном, которое плотно и гладко увивают шерстяными крашеными оборами или поясами. Когда же к лопарю придет гость. (Н. Я. Озерецковский. Описание Колы и Астрахани)

*Летом норвежский терский лопарь надевает юпу — та же ма-
лица, только из серого сукна, с нашитыми на ней яркими сукон-
ными лоскутками, — шерстяной колпак и кеньги.* (В. И. Немиро-
вич-Данченко. Лопари)

Весьма обширные фиксации слова **кеньги** имеются в русских
говорах, причем все они дифференцируются этимологически.

Выделяются материалы, которые соотносятся со смежными
прибалтийско-финскими языками (диалектами). Так, например,
имеются данные влияния тверского диалекта карельского языка:
Кёнги 'плетеная обувь из веревок': — *Кенги плели из верёвок, оне
наподобие лаптей. Кенги из верёвки, чуни, у кеног пряменький но-
сочек и низ из верёвок.* Борович. (НОС, 4: 38). Ср. кар. твер. kengä
'обувь, обувка (чаще об изношенной обуви)' (СКЯП: 94).

Сугубо севернорусские данные соотносятся с прибалтийско-
финскими этимонами.

Кёньги 'сапоги' Олон. (Куликовский). «На языке русских сло-
во кеньги означает большие неуклюжие сапоги, сшитые из белой
кожи, худо смазанные дегтем. Кореляки же называют кеньгат вся-
кую кожаную обувь» Олон. (Лесков; КСРНГ). **Кеньги́** 'сапоги с за-
гнутыми кверху носками из грубой кожи, предназначенные для
рыбной ловли' Кандалакш. (СРГК, 2: 340). 'Зимняя обувь из ме-
ха или войлока' Кондоп., Кандалакш. (СРГК, 2: 340). 'Войлочные
тапочки' Подпорож. (СРГК, 2: 340). **Кёньги-упаки** 'сапоги из оле-
ньей шкуры мехом внутрь с загнутыми кверху носками': *Так ещё
звали: — Ке'ньги-у'паки одева'й. Не знаю ф шутку или как кень-
ги-упаки назывались. Ребяти'шкам шы'ли, укра'сят и верх тако'й
за'гнутый.* Беломор. (Княжая Губа) (ПЛГО).

Причем данные коми языка вряд ли следует трактовать как
ненецкое заимствование, как это делается в КЭСКЯ, ср. коми
ижем. кольск. теньгей 'пимы для детей' (ССКЗД: 367), при ненец.
t'ejkdei p'ibva 'то же' (КЭСКЯ: 279). На наш взгляд, направление
заимствования может быть следующим: прибалтийско-фин. >
русск. диал. > коми > ненец. Причем вариативность [k] / [t] пе-
ред гласными переднего ряда весьма характерны и для русских
говоров: **Тёньки** 'легкая обувь из кожи, без каблуков и без задни-

ков; теньки привязывались к ноге шнурками или тесёмками»: — *На сенокос всей семье шили теньки*. Любим. Ярослав. (ЯОС). **Тѣньги** «теплые короткие сапоги» Перм. (Даль, 4: 408). **Тѣньги** «зимняя обувь из войлока или меха; кожаная обувь без голенищ с меховой подкладкой» Нижегород. (Kalima, 1915: 111). **Тѣньги, теньгири́** «зимняя обувь из кошмы в виде галош, одеваемая на сапоги» Р. Урал (Малеча). «Легкая обувь без каблучков из овчины мехом внутри» Р. Урал (Малеча).

Уральские и сибирские данные трудно трактовать как-то однозначно, возможно, что их распространение обусловлено распространением реалии в казачьих войсках, например: **Кѣньги** «меховые галоши, надеваемые часовыми и арестантами сверх сапог и бродней» Сиб., Дубке, 1893 (СРНГ, 13: 181). **Кѣньги** «сапоги из оленьих шкур» Урал, 1930 (СРНГ, 13: 182). **Кѣньги** «Сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу» Перм., 1848 (СРНГ, 13: 182). **Кенги** «оленьи хребтовые сапоги» Перм. (Даль, 2: 105).

Донские данные совершенно очевидно фонетически соотносятся с украинскими: **Кѣнди** «род галош из валенной шерсти» Дон. (Калмыков, 1897; СРНГ, 13: 181). «Валенки с отрезанными голенищами» Дон. (Миртов, 1929; СРНГ, 13: 181), при укр. **кенді́** «зимние чулки», «большие сапоги» (Фасмер, 2: 223).

В этимологическом плане севернорусское **кеньги** имеет давнюю традицию исследования, которая относит эти материалы к карельско-вепским источникам: Kalima, 1915: 111; Веске, 1890: 89; Лесков, 1892: 99; Погодин, 1904: 29; Фасмер, 2: 223; Аникин, 1997: 294. Ср. также: кар. *kengä* «обувь, сапоги» (KKS, 2: 127), кар. твер. *kengä* «обувь, обувка (чаще об изношенной обуви)» (СКЯП: 94), ливв. *kengu* «сапог, обувь» (СКЯМ: 132), при вепс. *keng'ad* «обувь (любая)» (СВЯ: 194), люд. *keng* «сапог», фин. *kenkä* «обувь», водск. *tšentša* «обувь» (SKES: 181). Из ливск. *käänga* «обувь» было заимствовано в латыш. *k'eng'e* «вид обуви», а из фин. в современный шведский — *käng* «обувь» (SKES: 181).

Изолированный анализ происхождения севернорусской лексики нередко приводил и приводит к не вполне оправданной уникализации севернорусских данных, тогда как рассмотрение их

этимологии на широком фоне дает возможность дифференцировать как будто однородный материал на гетерогенные гнезда. Еще один пример подобного рода:

Ла́ты ‘деревянный настил в чуме’ Печор. (СРГНП, 1: 376), «деревянные доски, которыми огораживают раскладываемый среди самоедского чума огонь» Мезен. (Подвысоцкий: 81); **ла́ты** ‘пол в чуме’, ‘дощатый стол для разделки рыбы’ Мезен. (Матвеев, 1996: 74). Вероятно, приводимые материалы восходят к коми ижем. лата ‘доски, настилаемые в чуме вместо пола’ (ССКЗД: 194), причем коми данные прибалтийско-финского происхождения, ср. фин. *lattia*, ливв. *lat'e*, люд. *lat't'i* ‘пол (в помещении)’, которые в свою очередь из древнегерманских источников, ср. др.-норв. *flet*, pl. *fletja* ‘земляной пол’, англосакс. *flett* ‘пол’, при том, что саамские данные — из финского языка, ср. саам. швед. *latte*, лулск. *làhtté*, саам. норв. *lat'te*, инар. *lätt'é* ‘пол’ (SKES: 280). Причем авторы SKES семантически сходные данные, ср. фин., ливв. *lau*, вепс. *loud*, *laud*, *lād* ‘доска’ (СВЯ: 279), ливв. *lawdu* ‘доска, тес’ (СКЯМ: 180), — рассматривают на прибалтийско-финской почве (SKES: 283). Следует отметить, что ненец. лата ‘доска; пол (в чуме)’ (Терещенко: 178), вероятно, является коми заимствованием. А. К. Матвеев приводит только ненецкие сопоставления (Матвеев, 1996: 74).

Также прибалтийско-финское происхождение имеет лексема **ла́та** ‘поперечная жердь в изгороди’, зафиксированная в Причудье (Мехикоорма) (Мюркхейн, 1973: 3). Однако она возводится к смежным эстонским источникам, ср. эст. *latt* ‘жердь, шест’ (Мюркхейн, 1973: 3). Кроме того, на общевосточнославянском фоне имеются обширные данные, которые следует уже рассматривать в контексте германо-славянских контактов: **ла́га** ‘поперечная жердь в изгороди’ Кубан. (Бесстрашная, Калиболотская) (РГК), **ла́тка** ‘доска, переброшенная через речку, ручей’ Кубан. (Ахметовская) (РГК), **ла́ты** ‘специальные доски для крыши (вероятно, для стропил — С. М.)’ Кубан. (Воздвиженская) (РГК), **ла́га** ‘длинная толстая жердь’ Курганин., Динск., Мостов. Краснодар. (Борисова, 2005: 140), **ла́га** ‘деревянная жердь’: — *Мы называли извяски, а тут, большы лата называютъ*. Казаки-некрасов-

цы (Грязнова), *ла́га* ‘решетник’: — *На стропилы латы пришива-
ють, а потом накладывают крышу саломой или чаканам.* Дон.
(БТСДК). При укр. *ла́га* ‘длинная жердь или доска, которую кла-
дут поперек стропил’, белорусск. *ла́га, ла́ты, ла́тэ* ‘жерди, на ко-
торые настиляется крыша’, ‘жердь, которой прижимают солому
на крыше’, при ст.-белорусск. *лата, латва* ‘то же’ (XVI в.). При-
чем, белорусские данные рассматриваются как заимствование из
ст.-польск. *lata*, восходящее к германским источникам так же как
и эстонское слово: ср.-верх. нем. *Latte, late* ‘планка, рейка, дран-
ка’ (ЭСБМ, 5: 249; ЕСУМ, 3: 199). Таким образом, данные печор-
ских говоров на уровне конечного источника можно представить
следующим образом: герм. > прибалтийско-фин. > коми > русск.
диал.

Имеется ряд широко распространенных данных, относящих-
ся к рыболовецкой терминологии, которые отмечаются в север-
норусских кубанских говорах, донских говорах и представлены в
украинском и белорусском языках: *балбэра* ‘поплавок у невода,
трала’ Мезен., Примор., Вашк. *Вверху поплавки, березовой попла-
вок балбера называется, внизу кибас.* Мезень. *Балберы из красного
дерева делаются.* Мезен. *Балберы есь металлические, есь стеклян-
ные.* Примор. *Балбэрка* ‘то же’ Мезен., Примор. *Балберки на верх-
ней тетивы у больших неводов.* Мезен. (СГРС, 1). *Балбэра* ‘по-
плавок рыболовной снасти’ Терск. (Меркурьев, 1979: 20); *балбэра*
‘поплавок из коры дерева или из пенопласта’ Терск., Севмор.
(СРГК, 1: 35); *балбёр* ‘то же’ Кандалакш. (СРГК, 1: 35). Причем
первая фиксация по СРНГ относится к Терскому казачьему вой-
ску: *балбэра* ‘кора дерева (обычно тополя, ивы, осины); поплавок
из нее для рыболовных снарядов’ Терек., 1907. Колпаш., Верхне-
кет. Том. (СРНГ, 2: 77–78); *балбэрка* ‘поплавок из древесной ко-
ры, привязываемый к рыболовной сети’ Астрах., 1840. Волж., Вят.,
Обь-Енисейск. водн. бассейн, Том., Ульч. Хабар. (СРНГ, 2: 78).
Сходные данные отмечаются в других казачьих говорах: *балбэрка*
‘поплавок’ Юго-вост. Кубан., *балберá* ‘поплавки у невода’: — *Пра-
вильно балберá, а мы называем чинбура́.* Дон. (Миртов). *Балбёр*
‘поплавок’, *балбэра, барбэла, балбэрка, барбэлка* ‘поплавок из де-

рева, коры, прикрепляемый к верхней подворе сети или невода, чтоб они не утонули' Р. Урал. (Малеча). Бурнашев отмечает **балберочные снасти** у волжан (низовых) и каспийских рыбаков (Бурнашев). Следует подчеркнуть, что анализируемые данные отмечались в словарях русского языка с XVIII века, хотя фиксировалась их региональная специфика: **балбёрка, бабáшка** «поплавок, сделанный из древесной коры, прикрепляемой к удам на самоловах, или к называемой так шашковой снасти, употребляемой на Волге и в Сибири рыбаками» (САР 2); **балбёрка, бабáшка** «обл. поплавок из древесной коры, прикрепляемый к удам а самоловах, употребляемых на Волге и в Сибири» (Слов. Акад., 1847); **балбёра, балбёрка** 'бабашка, шашка,' поплавок из дерева или коры на неводах и переметах' (Слов. Акад., 1895); **балберочная снасть** 'перемет с крючьями, с удочками без наживы для ловли красной рыбы' (Слов. Акад., 1895).

В отношении этих данных высказывались различные версии — как о заимствованном, так и об исконном характере их происхождения. Исходя из широкого распространения вряд ли следует сопоставлять севернорусские материалы с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *rola* 'поплавок или палка, на месте где поставлена крючковая рыболовная снасть, верша или сетка,' 'рыболовная снасть, с леской и плавающим бум,' 'удочка на щуку,' которое рассматривается как саамское заимствование (SKES: 594). Также вряд ли возможно несмотря на сходство формы и семантики сопоставлять с лексемой **балда́к** 'большой стакан, кубок' (Слов. Акад., 1895: 102), при **набалда́шник** 'толстый конец, головка трости' из ***набалдачник**, тюркского происхождения, ср.: татар., казах., турец. *baldak* 'гладкое кольцо без камня,' 'эфес сабли; шар; головка на сабельной рукояти,' чагат. *baldak* 'то же' (Радлов, 4: 1503; Фасмер, 1: 114). Отмечаются сходные данные в украинском языке: укр. **балбёра, балбёра** «род рыболовного снаряда: ряд крючков на веревке с поплавками» Черномор.; **балбёрка** «поплавок в рыболовных сетях» Черномор. (Гринченко, 1: 24). Причем в ЕСУМ украинские данные наряду с русскими трактуются как заимствование из итал. *barbaia* 'большая ры-

боловная сеть', с мотивацией на итальянской почве, связанной с названием рыбы, которую ловят такой сетью (ЕСУМ, 1: 125). Эту версию А. Е. Аникин рассматривает как неприемлемую, при румын. *bulber* 'поплавок самоловной снасти' из русского (Аникин, 2: 131–132). На почве белорусского языка, ср. белорусск. *балберка* 'поплавок', трактуется как слово темного происхождения, хотя и высказывается предположение о его исконной основе **балаб-*, **балб-* 'что-либо круглое, кругляшок' (ЭСБМ, 1: 290).

В ряде случаев диалектная севернорусская лексика прибалтийско-финского происхождения, представленная сходными вариантами на восточнославянской почве, выходит за пределы диалектного континуума и функционирует как терминологическая единица. Рассмотрим в этой связи лексемы *ка́рты* и *ка́рда*. Только севернорусскую локализацию имеет следующая лексема:

Ка́рты 'парные дощечки с ручками, с множеством проволочных зубьев для чесания шерсти' Беломор. (Сумский Посад) (ПЛГО). **Карта** «щетка для чесания шерсти» Северомор., Терск., Кандалакш., Медвежьегор., Кондоп., Пудож., Подпорож., Кирил., Вытегор. (СРГК, 2: 329). **Карты́** 'чесалка' Кандалакш. Мурман. (Меркурьев, 1979: 63). «Доска с железными шпиньками для расчесывания овечьей шерсти». Пинеж., Мезен., Арх. (Подвысоцкий). «Проволочная щетка для расчесывания овечьей шерсти» Мурман., Медвежьегор. КАССР, Арх. (СРНГ, 13: 98).

Данный материал восходит к карельским источникам, ср. кар. *kartta*, люд. *kartte* 'чесалка' (SKES: 166), ливв. *karti* 'одна из щеток для расчесывания шерсти' (СКЯМ: 126), кар. сев. *kartta* 'чесалка' (KKS, 2: 79); причем прибалтийско-финское гнездо в свою очередь было заимствовано из скандинавских языков, ср. швед. *karda*, датск. *karde*, *karte*, куда через немецкое посредство, ср. средн.-нижненем. *karde* 'чесалка' (SKES: 166). Однако имеется сходный вариант, который представлен в общенародном лексиконе. Вероятно, единица, зафиксированная в БАС, напрямую восходит к германским источникам, ср. нем. *karde*: **Карда**, -ы, ж. Спец. 1. Стальная щетка для расчесывания волокна, хлопка, шерсти; игольчатая лента. 2. В льняном производстве — то же, что

чесальная машина (БАС, 5: 813). Причем это слово во французском языке известно с XIII в., как заимствование из провансальского, ср. франц. *carde*, прованс. *carda* (DELFL: 142). На наш взгляд, следует разграничивать диалектное слово **карты** и единицу одной из терминологических система русского языка — **карда** (варианты **карта**, **кард**) ‘щетка из репейных шишек или проволоки для чесания хлопка и шерсти и начесывания ворса’ (СРЯ XVIII, 2: 256), возводимое авторами к немецкому или голландскому источникам, при современном: **карда** — «кардная лента — лента из кожи или многослойной прорезиненной ткани, усаженная стальными согнутыми под углом иглами; примен. в чесальных (кардных) машинах», заимствованное из франц. *carde* ‘шерсточесалка’ (СИС, 1989: 221). Преображенский слову **карда** ‘ворсильная щетка’ дает немецкую этимологию, нем. *karde* (Преображенский: 298), Фасмер не исключает и польское посредство, ср. польск. *karda* (Фасмер, 2: 196).

Имеются также сходные украинские данные, ср. укр.: **Карда** ‘железная щетка, которою расчесывают шерсть или лён’ (Гринченко, 2: 221). Авторы ЭСУМ предполагают заимствование из немецкого языка через польское посредство (ЕСУМ, 2: 389). Спорадически фиксируется севернорусская единица: **Кáрды** ‘щетки для чесания шерсти и льна’: — *Кардами лён чешут: на руку намотают, расчешут, потом перевернут, а шерсть двумя кардами чешут*. Чагодош. (Приворот) (СГРС). Поскольку лексема **кáрда** является принадлежностью одной из терминологических систем, то при заимствовании в русские говоры из этого источника, мы должны иметь интердиалектную единицу со спорадическими фиксациями на всем общерусском пространстве без ареальных ограничений. Совершенно очевидно, что ареальная дистрибуция лексемы **кáрты**, очерченная территорией Мурманской, Архангельской, Вологодской областей и Республики Каре-

лии (контактной зоной), явно указывает на этимологическое различие внешне сходных вариантов *карда* / *карты*³.

Таким образом, основой для эвристического исследования в сфере этимологии может быть только полная совокупность данных: варианты формы слова, полный семантический объем гнезда, ареальная привязка анализируемых данных. При этом следует учитывать, что семантика номинативной единицы обычно гораздо устойчивее ее звуковой реализации.

Сокращения

- Аникин — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Выпуск 2. Б-Бдынь. М., 2008. 336 с.
- Анненков — *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. М.; Л., 1948–1965.
- Бектаев, КРС — *Бектаев Калдыбай.* Казахско-русский и русско-казахский словарь. Алма-Ата, 1995. 703 с.
- Борисова — *Борисова О. Г.* Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005. 252 с.
- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. Ростов н/Д., М.: 2003. 608 с.
- Бурнашев — *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Тт. 1–2. СПб., 1843–1844.
- Веске — *Веске М. П.* Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1890. Т. VIII. Вып. 1. 303 с.
- Герасимов — *Герасимов М. К.* Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, 1910. С. 1–111.
- Гринченко — *Грінченко Б. Д.* Словарь української мови. Тт. I–IV. Киев, 1907–1909.

³О соотношении этих данных с лексемой *карзы* см.: *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. С. 199.

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Тт. 1–4. М.–СПб., 1880–1882.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Тт. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Колосова — *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: «Индрик», 2009. 352 с.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.
- Куликовский — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСЛЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Лесков — *Лесков Н. Ф.* О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина, 1892, № 4, С. 97–103.
- Малеча — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Тт. 1–4. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.
- Матвеев, 1995 — *Матвеев А. К.* Аппелятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания, 1995, № 2. С. 29–42.
- Матвеев, 1996 — *Матвеев А. К.* Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 72–79.
- Меркурьев — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.
- Миртов — *Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. 415 с.
- Мюркхейн — *Мюркхейн В.* Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР // Советское финно-угроведение, 1973, т. IX, № 1. С. 1–9.
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- Носович — *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование автора.
- Погодин — *Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия, 1904, № 4. С. 1–72.
- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

- Преображенский — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- Радлов — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1899–1911.
- РГК — Русский говор Кубани (словарь). Под ред. доц. Е. П. Шейниной, доц. Е. Ф. Тарасенковой. Авторский коллектив: Шейнина Е. П., Тарасенкова Е. Ф., Флоровская В. А., Кузнецова Р. Д., Скорлуповская Е. В., Шабалин М. Н. Краснодар, 1991 (Рукопись).
- САР 1 — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. Тт. 1–6. СПб., 1789–1794.
- САР 2 — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Тт. 1–6. СПб., 1806–1822.
- СВЯ — Словарь вепсского языка. Сост. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Л., 1972.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–6 / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001–2014.
- СИС — Словарь иностранных слов. М., 1989. 621 с.
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990. 495 с.
- СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
- Слов. Акад., 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. I–IV. СПб., 1847.
- Слов. Акад., 1895 — Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. 1–41 и в выпусках / Ред. Я. К. Грот., А. А. Шахматов. СПб.; Пг.; Л., 1891–1929.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Тт. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–20 / Ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова и др. Л.; СПб., 1984–2013.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- СУМ — Словник української мови. Тт. 1–11. Київ, 1970–1980.
- Терещенко — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. М., 1964–1973.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Тт. 1–11. Мінск, 1978–2006.

ЯОС — Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

DELFL — Dictionnaire étymologique de la langue française. Dauzat A. Paris, 1938. 824 P.

Kalima — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5. Helsinki, 1968–1997.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

S. Myznikov. **Northern Russian Lexicon in the East Slavic Context**

The paper attempts to etymological analysis of the North Russian language, which was interpreted earlier as Baltic-Finnish origin. Particular emphasis is placed on the wide coverage of the material, including the data of East Slavic languages. It noted the importance of integrating the various areas of foreign language exposure. We consider the probability of various etymologies given existence in dialect continuum, and nation-wide vocabulary.

Keywords: etymology, Ukrainian, Belarusian, Baltic-Finnish languages, Northern Russian dialects.

МАТЕРИАЛЫ К ЭТИМОЛОГИИ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИКАМЬЯ: ПАХТА, РОМОДА*

Аннотация. В статье приведены некоторые материалы, касающиеся этимологии двух лексем тематической группы «Метеорология» в русских говорах Прикамья: *пáхта* ‘свежевывавший мелкий рассыпчатый снег, по которому трудно идти, ехать’, ‘мягкий липкий снег’ и *ромодá* ‘метель’.

Ключевые слова: русские говоры Прикамья, метеорологическая лексика, пахта, ромода.

Пахта

Во второй половине 1950-ых гг. в Северном Приуралье, в верховьях камской Вишеры и её притока Колвы А. К. Матвеев записал слово *пáхта* в двух близких значениях ‘мелкий рассыпчатый снег, по которому плохо ехать (*некать*)’ (Дий Чердынского р-на, Акчим, Писаная, Усть-Улс Красновишерского р-на) и ‘мягкий липкий снег’ (Акчим, Писаная, Усть-Улс Красновишерского р-на). В этих же деревнях им зафиксированы дериваты *запахтеть*, *запахтить*, *пахточка* (даны без ударения и семантики)¹.

Более поздние диалектологические экспедиции Пермского государственного университета по сбору данных для «Акчимского словаря» подтвердили бытование в Акчиму указанных слов, вве-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: «Финно-угорский субстрат в топонимии и русских говорах Верхнего и Среднего Прикамья», проект № 13-34-01018 (финно-угорские данные); «Сохранение и исследование лингвистического наследия поликультурного региона: применение информационных технологий», проект № 14-34-01279 (русские данные).

¹Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. С. 33.

ли в научный оборот иные производные и богатый иллюстративный материал: *пáхта* 1. 'свежевыпавший мелкий рассыпчатый снег, по которому трудно идти, ехать' «Пахта. Выпадает снег на застывший снег, не снег – твёрдый снег. Пластиночками. Далеко не уйдёшь: пахта»; 2. 'свежевыпавший мягкий липкий снег, тормозящий продвижение по нему' «Пахта выпала. Говорят: некатко будет. Пахта льнёт на полозья; Пахта пала – лыжа не идёт»; *пахтíть* 'быть лёгкому необильному снегопаду' «Пошёл на охоту. Снежок вроде пахтил»; «Снежок пахтит, валит маленькой»; «Что-то пахтит, что-то вроде того-де» (АС, 4: 19); *напахтíть* 'выпасть лёгкому, пушистому снегу, припорошив или толстым слоем покрыв землю' «Осенью снежок напахтил – и видно следы»; «Сегодня опять напахтило. Мороз»; *напахтáрить* '= *напахтíть*' «Снежок выпал, а потом снег набухал вот – напахтарило»; «В воскресеннэ домой пошёл – под осень было – ужо снежок напахтарил» (АС, 3: 36); *запахтíть* 1. 'начать *пахтíть*' «Снежок пахтит, валит маленькой. Чуть-чуть заморозит, запахтит»; 2. 'припорошить лёгким снегом, *пахтой*' «Снежок напорошит немножко. Пахта выпала, говорят. Сёдни запахтило, навалилась пахта» (АС, 1: 317).

А. К. Матвеев, сравнивая русские лексемы с данными Ф. Видемана, ср. коми *pakta* 'kalter Regen, gefrorene Dünste' (Wiedemann: 223), не исключает при этом связь с рус. диал. *пахтать* 'болтать, сбивать', *пахта* 'отходы, остающиеся после сбивания масла'². Позже к сопоставлению привлекается эвенк. бб́кта 'дождь с градом', 'град', 'зернистый снег; снежная крупа' (Василевич: 59)³. Остановимся подробнее на каждом из предложенных вариантов, начав с описания русских диалектных слов.

1. Повсеместно русским говорам в разных значениях известны лексемы с основой *пахт-*, ср. *пáхта* 'сыворожка, остающаяся после приготовления творога' (Волог.), 'снятое, обезжи-

²Там же.

³Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1964. Т. 14, f. 3-4. P. 301.

ренное молоко' (Костром., Новосиб., Иркут.), 'квас с толокном' (Костром.), *náxтáлка* 'ручная маслобойка' (Сталингр., Саратов., Горьк., Р. Урал, Даг. АССР, Пенз., Ряз., Брян., Груз. ССР, Кемер.), *náxтáнка* 'жидкость, остающаяся после сбивания масла; пахта' (Даг. АССР, Кокчетав.), *náxтанье* 'то же' (Пенз., Свердл.), 'снятое топлёное молоко' (Костром.), 'отходы после топления масла' (Яросл., Сиб.), 'вода после промывки сбитого из сметаны масла' (Волог.), *náxтать* 'взбивать (сметану, сливки и т. п.) мутовкой, рогаткой' (Новг., Костром.), (Волог., Самар.), *náxтовать* 'сбивать (масло) из сливок, сметаны' (Влад.), *náxтóнье* 'сыворотка' (Тамб.), *náxтус* 'сбитое из сметаны масло; нетоплёное масло' (Костром., Волог., Арх., Перм.) и мн. др. (СРНГ, 25: 295–297). Слова *náхта* 'обезжиренная молочная жидкость; сыворотка, остающаяся при сбивании сливочного масла как побочный продукт', *náхтать* 'сбивать (масло) из сливок или сметаны' и отдельные производные представлены в академических словарях русского языка (САР-1, 4: 737; Сл. Акад. 1847, 3: 164; БАС-1, 9: 325; БАС-3, 15: 503–504).

Традиционно исследователи возводят это лексическое гнездо к прибалтийско-финским этимонам, предлагая для сравнения разные данные, ср. фин. *raksu* 'густой', *rahtaа* 'сгущать, давать свернуться'⁴, *ryöhtää* 'сбивать масло'⁵, карел.-олон. *rüöhtä* 'то же'⁶, *rüöhteä*, *rüöhtiä*, люд. *rüöhitä* 'сбивать масло' (SKES, 3: 534), вепс. *röht'imaid* 'пахта' (СВЯ: 455)⁷. Считается при этом, что лексемы с корнем *náхт-* отражают более древнюю основу **röhtä-*, в которой

⁴Грот Я. К. Областные великорусские слова финского происхождения // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. I–III / ред. И. И. Срезневский. СПб., 1854. Стлб. 67. Также см. (Преображенский, 2: 30).

⁵Meckelein R. Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. I. Die finnisch-ugrische Elemente im Russischen. Berlin, 1914. S. 56.

⁶Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. S. 184. Также см. (Фасмер, 3: 222).

⁷Кожеватова О. А. Заимствования в лексике говоров Русского Севера и проблема общего регионального лексического фонда: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. С. 48–49. Также см. (Аникин: 443).

долгий гласный первого слога **-ö-* на русской почве даёт *-a*⁸, а коми верх.-вычег. пакта ‘пахтанье (сыворотка, остающаяся при сбивании коровьего масла)’ (ССКЗД: 246) заимствовано из русских говоров, «на что указывают как география, так и фонетика коми лексемы»⁹. Если принять гипотезу о прибалтийско-финской природе русских слов, тогда южнорусские фиксации (см. выше: Ряз., Пенз., Сталингр., Саратов., Даг. АССР, Груз. ССР и др.), не характерные для общепринятых финно-угорских заимствований, могут быть объяснены давним выходом слова за пределы диалектов и вхождением его в состав литературного языка. Примечательно, что ещё столетие назад, по сведениям А. Г. Преображенского, южнорусским говорам слово было не известно (Преображенский, 2: 30).

Итак, по одной из возможностей, *пáхта* как метеорологический термин в русских говорах Верхнего Приволжья является результатом метафорического переноса на русской почве от соответствующего прибалтийско-финского заимствования (‘сыворотка’ / ‘накипь’ / ‘отходы’ > ‘мелкий рассыпчатый снег’ / ‘мягкий липкий снег’). Эта версия поддержана фиксацией в акчимском говоре лексемы *пáхтаньё* ‘накипь при топлении сливочного масла’ (АС, 4: 19), которая могла быть одним из катализаторов процессов семантического переноса в говорах куста деревень на ограниченной территории. Согласно другой гипотезе, семантический сдвиг произошёл ещё в севернорусских говорах, то есть в материнских по отношению к прикамским, косвенным подтверждением чему может служить слово *пáхта*, отмеченное в Тихвинском р-не Ленинградской обл.¹⁰ с семантикой ‘рыхлый снег, снеж-

⁸ Kalima J. Op. cit. S. 185; Кожеватова О. А. Указ. соч. С. 49.

⁹ Кожеватова О. А. Там же.

¹⁰ Рус. *пáхта* ‘изморозь с туманом’ Тихв. Новг. (Маштаков; КСРНГ), сначала воспринятое нами как ошибочное прочтение рукописного *пахта*, видимо, всё же связано с рус. диал. *пáхмурно* ‘пасмурно’ (Курск., Пск., Арх., Костром.) и подобными словами (СРНГ, 25: 290), объясняемыми «эффектом Глускиной», подробнее о котором см.: Костючук Л. Я. Псковские говоры и их изучение // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2007. № 27. С. 37.

ная слякоть': «На улице пахта такая, ноги поминутно проваливаются» (СРГК, 4: 415). Рассматриваемый материал имеет продолжение в русских диалектах Сибири: *пáхточка* 'мягкий снег' Верхнекет. Том. (КСРНГ). Наконец, что не исключено, значения тихвинского и прикамских слов могли развиваться независимо друг от друга, являясь параллельными инновациями на противоположных краях севернорусского ареала.

2. Коми пахта дано словарём Ф. Видемана без диалектной пометы (см. выше), чем, очевидно, обусловлено включение слова пахта 'изморозь, сухой мелкий снег' в словарь современного коми литературного языка (КРК: 476). Диалектный словарь ограничивает ареал распространения лексемы тремя самыми восточными коми-зырянскими диалектами: верх.-вычег. (с. Помоздино), печор. (п. Медвежская) пахта, ижем. пахта¹¹ 'снег пылью, сухой мелкий снег, падаемый при сильно разреженном воздухе' (ССКЗД: 272). Сходные варианты не обнаружены в печатных и некоторых рукописных источниках по другим коми диалектам, включая коми-пермяцкие. Учитывая ареал коми и русских диалектизмов, а также факт отсутствия [h] в исконных коми словах (и, как следствие, регулярную субституцию её на [k] в заимствованиях), можно предполагать, что коми слово заимствовано из русских говоров Приуралья. Известно о тесных контактах верхнепечорского и верхнекамского населения в XVIII–XIX вв., не ослабевающих и в XX в.¹²

3. Что касается эвенкийского материала, то здесь, как нам кажется, имеет место случайное звуковое сходство (притом не абсолютное). Определённые затруднения есть и на уровне семантики. Значение 'мелкий снег, снежная крупа' зафиксировано только в восточных говорах эвенкийского языка, в то время как для всех остальных родственных тунгусо-маньчжурских слов, также яв-

¹¹См. также в специальном исследовании: Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка / под ред. В. И. Лыткина. Сыктывкар, 1976. С. 195.

¹²Подробнее см.: На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. / В. А. Александров, И. В. Власова, И. А. Кремлёва [и др.] / отв. ред. В. А. Александров. М., 1989. С. 18.

ляющихся рефлексамии тунг.-маньчж. *ббна, присуща семантика 'град', см. *ббна 'град': эвенк. (вост.: тоттин.) ббйкта, (вост.: аян., сахалин., урмий., учур., чумикан.) ббкта 1. 'град', 2. 'мелкий снег, снежная крупа', ббктат-/ч- 'идти, падать (о граде, о мелком снеге)'; негид. (нижне-амгунь.) бокта 'град'; орок. бокто 'град'; нанай. (кур-урмий.) бокта 'град' (ССТМЯ 1: 94). Кроме того на всём протяжении от Урала до Енисея искомое слово встретилось только в русском говоре севера Томской области, но не обнаружено в самодийских языках или в тюркских языках Сибири.

Ромода

В «Словаре пермских говоров» нам встретилось слово *ромодá* 'метель' («А у нас зимой ромода-то сильная бывает»), записанное в Усть-Урлке Чердынского района (СПГ, 2: 298).

В говорах севернорусского наречия найдено лишь одно слово, сходное по форме, но семантически не тождественное: *рамадá* 'пасмурная, туманная погода с мелким дождём' (Ладож. Петерб. 1898) (КСРНГ).

При этом в севернорусских говорах обширно представлены слова *рамодитьсá* 'проявлять беспокойство о ком-, чем-н., хлопотать, возиться' (Волог.), *ромадá* 'тот, кто много болтает, пустословит' (Волог.), 'простой человек' (Олон.), 'суетливость, толкотня' (Новг.), *ромадítь* 'суетиться, торопиться' (Новг.), 'работать', 'болтать, пустословить' (Волог.), *ромадítь* 'устраивать, сооружать, строить что-либо замысловатое', 'лечить' (Р. Урал), *ромодá* 'дело, занятие, доставляющее много забот, хлопотливого труда; возня, хлопоты' (Новг., Волог.), 'беспокойный человек' (Новг.), 'тот, кто много работает' (Волог.), 'неурядица, скандал, беспокойство' (Олон., Влад.), 'шум' (Беломор.), 'глупый человек' (Беломор., Арх., Яросл.), *ромодítь* 'делать что-л. медленно' (Оренб.), *ромодítьсá* 'хлопотать, много работать', 'хлопотать, беспокоиться о чем-л.' (Новг.), 'суетиться, торопиться, спешить' (Волог.), *ромодлívый*, *ромоднóй* 'хлопотливый, неугомонный' (Волог.), *рóмодно* 'хлопотно, трудно, затруднительно' (Волог.) (КСРНГ; СРГК, 5: 442, 557–558; НОС: 1038) и мн. др.

В прикамских говорах см. *ромодá* ‘ерунда’ (Редикор Чердын.) (КСРГСП).

Считалось, что происхождение этих слов прибалтийско-финское. А. Л. Погодин сравнил их с фин. *gomi* ‘шум’, ‘брань’, ‘скандал’¹³, что вызвало отрицание Я. Калимы, на слух которого русское слово «звучит не по-фински»¹⁴. М. Фасмер постулировал исконное происхождение русских диалектных слов (Фасмер, 3: 500). Высказывалось мнение, что в говорах осваивалась не литературная форма *gomi*, а диалектный финно-угорский вариант слова, не известный по источникам¹⁵. По нашему мнению, финаль *-да* могла развиваться на русской почве под влиянием слов вроде *ерунда*, *белиберда* и др.

Как бы то ни было с идентификацией этимона, здесь наблюдается явная связь слов со значениями ‘шум’ / ‘суета’ и ‘метель’. Прикамское *ромодá* ‘метель’, таким образом, встаёт в следующий ряд подобных примеров: рус. *кижа* ‘род танца’ (Арх.), ‘вереница (людей, животных и пр.)’ (Яросл.), *кита* ‘суета при наплыве гостей, многолюдстве’, ‘род хоровода’ (Яросл.) ~ *кижа* ‘выпадение снега, снегопад; снег, выпавший в течение одного снегопада’ (Волог., Арх.) (КСРНГ; ЯОС, 5: 29, 32); *кутить* ‘мести, кружить снег, пуржить’, *кутерга*, *кутерьга*, *кутерьма*, *кутиха* и др. ‘пурга, метель’ (Волог., Арх., Твер.) (СГРС 6: 315–316, ТСГТ 1: 25).

Судя по всему, ладожское *рамадá* ‘пасмурная, туманная погода с мелким дождём’, как и рус. *рям* ‘вьюга, метель, пурга, буран’ (Олон., Арх.) (СРНГ, 35: 350), происходит от финно-угорских язы-

¹³Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 56.

¹⁴«Erstens kann man kein original auffinden, zweitens klingt *рамадá* gar nicht finnisch». См.: Kalima J. Kritisches zur Frage über die finnisch-ugrische Elemente im Russischen. II // Rocznik slawistyczny. 1913. T. VI. S. 78.

¹⁵Федоров А. И. Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах // Диалектная лексика 1969 / отв. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, 1971. С. 225.

ков, ср. фин. *riemu* ‘метель’¹⁶, саам. *gēmi* ‘ураган, вихрь’¹⁷. В таком случае прикамское *ромодá* ‘метель’ берёт начало ещё в русских говорах Приладожья, сохраняя, в отличие от них, исходное значение этимона.

Сокращения

- Аникин — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.
- АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): Вып. 1–6 / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь, 1984–2011.
- БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка: Т. 1–17 / гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1950–1965.
- БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–23. М.; СПб., 2004–2014.
- Василевич — *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- КРК — *Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-роч кывчукор: Коми-русский словарь / под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар, 2000.
- КСРГСП — Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края. Кафедра общего и славянского языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.
- НОС — Новгородский областной словарь / авт.-сост. А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.
- Преображенский — *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка: Т. 1–3. М.; Л., 1910–1949.
- САР-1 — Словарь Академии Российской по производным порядком расположенный: Т. 1–6. СПб., 1789–1794.

¹⁶*Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. S. 210.

¹⁷*Itkonen T. I.* Lappische Lehnwörter im Russischen // *Mélanges de philologie*, offerts à M. J. J. Mikkola à l'occasion de son 65 anniversaire, le 6 Juillet 1931. Helsinki, 1932. P. 64. Также см. (Фасмер, 3: 537).

- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка / ред. П. А. Аристэ, А. В. Петухов. Л., 1972.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014.
- Сл. Акад. 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка: Т. 1–4 / под ред. А. Х. Востокова, В. А. Поленова и др. СПб., 1847.
- СПГ — Словарь пермских говоров: Вып. 1–2 / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: Т. 1–6 / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–48. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2015.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева / под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю: Т. 1–2 / отв. ред. В. И. Цинциус. Л., 1975–1977.
- ТСГТ 1 — Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1 / под ред. Т. В. Кирилловой, Л. Н. Новиковой. Тверь, 2003.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: Т. 1–4 / перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: Вып. 1–10 / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.
- SKES — *Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja: O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- Wiedemann — *Wiedemann F. J.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch, nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang, und einem deutschen Register. St. Petersburg, 1880.

R. Gaidamaško. Data for Etymology of Meteorological Lexics in Russian Dialects of the Kama Region: *pahta*, and *romoda*

There are some data for etymology of Russian dialectal words of the Kama region given in the article: *pahta* ‘new-fallen fine crumbly snow on which it is difficult to walk, ride’, ‘soft sticky snow’, and *romoda* ‘snowstorm’.

Keywords: Russian dialects of the Kama region, meteorological lexics, *pahta*, *romoda*.

ЛЕКСИКА СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ ЭСТОНИИ И РУССКИЕ ГОВОРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА: К 50-ЛЕТИЮ ВЫХОДА «МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ СЛОВАРЯ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ ПРИБАЛТИКИ»*

Аннотация. «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» (1963 г.) — уникальный источник диалектных данных, сохраняющий записи живой диалектной речи, сделанные в 1950–1960-е годы на территории Эстонии, Латвии и Литвы. Однако за прошедший период появились новые диалектные словари, активно продолжается изучение языка и культуры староверов Эстонии. Все это позволяет анализировать лексику русских говоров Эстонии в контексте диалектов Северо-Запада, и — шире — в контексте русских говоров в целом. В результате наблюдений над лексическими данными делаются некоторые предварительные выводы о своеобразии лексической системы старожильческих говоров, о происхождении диалектной лексики, а также о различиях в функционировании диалектных слов в речи староверов Эстонии и в речи русского крестьянского населения России.

«Материалы к Словарю русских старожильческих говоров Прибалтики» — источник уникальной, зачастую архаической и неизвестной другим говорам лексики, имеющей большое значение для изучения региональных языковых форм в исторической перспективе.

Ключевые слова: русская диалектология, лексикология, диалектная лексикография, старожильческие говоры, староверы, Эстония.

Почти 50 лет назад вышли в свет «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» (МСРСГП). Сегодня этот словарь — уникальный источник диалектных данных, содержащий записи, сделанные в 1950–1960-е годы. «Материалы...» стали одним из первых послевоенных диалектных словарей, ведь до этого диалектологи были заняты преимущественно

*Статья подготовлена при поддержке гранта СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.291.2014.

работой над ДАРЯ, и решение о необходимости создания диалектных словарей было принято на Совещании по вопросам диалектологии только в 1955 г.

«Материалы...» — словарь по своему типу дифференциальный, при составлении словника авторы руководствовались ТСУ и академическими словарями русского языка и «включали только слова, имеющие помету обл. или вообще отсутствующие в словарях» (МСРСГП: 7). В разделе «Принципы составления словаря» указано, что в словарь «включается только диалектная лексика..., а именно: а) слова, отсутствующие в современном русском литературном языке (*пúня, засék*)... б) слова, имеющие отличия от соответствующих литературных слов *леной* (ленивый), *забítь* (убить) и в) слова, имеющие в говорах иное значение *клюка́* (кочерга), *лихой* (сердитый, злой)» (МСРСГП: 8). Однако заметно, что авторам «тесно» в дифференциальных рамках, поскольку общерусское слово функционирует в диалекте иначе, нежели в других формах существования языка (разговорном слое литературного языка или художественной литературы) — что и доказала последующая практика составления диалектных словарей. Так, например, существительное *кусóк* в значении ‘большое расстояние’ *Дэ́л’акó да Бу́льва?* — *Кусóк, кусóчк на́да прайти́*. Лат. (МСРСГП: 140), глагол *кусáться* ‘жалить’ о насекомых *Мúх’и так’ийи злы́и, кусáйуца, в’ýнна, доши буд’и*. Эст. (МСРСГП: 139), прилагательное *ла́дный* ‘хороший’ *Ла́нный ф т’аб’а мужы́к, кара́хт’вр хáрошгый в йавó*. Эст. (МСРСГП: 141) и др. в тех же значениях зафиксированы словарями литературного языка (ср.: *кусóк*: ‘вообще отдельная часть чего-л.’ (*кусок местности*) (БАС, 5: 1892); *кусáться* ‘причинять боль укусами’ (*кусались блохи*) (БАС, 5: 1890); *ла́дный* разг. ‘хорошо сложенный, статный; хороший, дельный’ (БАС, 6: 27) — однако авторы помещают указанные лексемы в словник. Понятно — и это также оговаривается в предварительных замечаниях к словарю — недостаточное количество записей и недостаток времени для полного сбора материала и его проверки. «Некоторые диалектные слова, встречающиеся в иллюстративном материале, не внесены в словник,

например: *кольцевьё, мармус, глядины, веничыё*, за неимением достаточного материала, хотя в некоторых случаях все же вводятся слова и с малым количеством примеров и даже с такими недостаточными иллюстрациями, которые только называют слово, а не объясняют его значения» (МСРСГП: 6). Надо отметить, что наличие такого материала неизбежно, и связано это не только и не столько с недостаточностью базы словаря, сколько с внутри- и внеязыковыми явлениями. Во-первых, в говорах, как и в разговорной речи вообще, немало единичных лексем — такое слово, как *кольцевьё*, пусть и образованное по активной словообразовательной модели, может быть окказиональным. Во вторых, конец 1950 — начало 1960 гг. (как показывают наблюдения на материале Диалектного подкорпуса НКРЯ и на материалах Картоотеки ПОС¹) — очевидно, время ухода старого поколения диалектоносителей и начало резкого снижения употребления диалектной лексики в речи жителей деревни, когда «старые» слова начинают забываться, переходить в пассивный запас: *мармус, кольцевьё, веничыё* — не отмечены ПОС, а, например, *глядѝны* отмечено в двух значениях.

Заканчивается Предисловие к «Материалам...» замечанием о том, что «из-за ограниченности во времени и месте данные других диалектных словарей не привлекались..., хотя это, несомненно, представляет большой интерес» (МСРСГП: 7).

За прошедшие 50 лет период появились новые диалектные словари (ПОС, СРГК, Селигер, АОС, СВГ, СРГНП и др. — а некоторые были и переизданы, как НОС) активно продолжилось изучение языка и культуры староверов Эстонии (3 выпуска «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии», СГСЭ и др.); вышло более 40 томов СРНГ. Все это позволяет анализировать лексику русских говоров Эстонии в контексте диалектов Северо-Запада, и — шире — русских говоров в целом и сделать некото-

¹Пурицкая Е. В. Диалектный подкорпус Национального корпуса русского языка как источник изучения лексической динамики диалекта // Севернорусские говоры. Вып. 12. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 14–22.

рые предварительные выводы о своеобразии лексической системы старожильческих говоров, о происхождении диалектной лексики, а также о различиях в функционировании диалектных слов в речи староверов Эстонии и в речи русского крестьянского населения Северо-Запада России.

Как уже было отмечено, некоторые диалектные слова, встречающиеся в иллюстративных цитатах «Материалов...», не внесены в словарь. К числу таких не выведенных в словарь лексем относится существительное **скóромь** 'скоромная, мясная и молочная пища' — оно зафиксировано в статье на слово **сре́да** 'третий день недели, среда' *Срэ́'да д'эн'ь по́снэй, м'áса и скóрэм'и н'и йéл'и*. Эст. (МСРСГП: 311). В СГСЭ это существительное в том же значении приводится с твердой основой **скóром** (м. р.): *Был пост, и я говорю, что рижанам дать скóром нельзя, что мы должны постное что-то приготовить* (СГСЭ: 135). Рассмотрим, как это слово представлено в русских народных говорах.

В псковских говорах **скóром** (м. р.) зафиксировано в том же значении: *Скóрам-та ф пастáх ни éли; Ры́бу вари́ли то́лькэ ф сре́ду и ф пýтницу, скóрэм не éли на сре́дам и пýтницам; Ра́ньше пасты́ саблюда́ли, скóрам ня éли, а бы́ла куда́ фкусне́я ма́сла*. (КПОС). Всего в Картотеке ПОС 12 фиксаций слова **скóром**, из них 7 — в Гдовском, и по 1 — в Печорском, Сланцевском, Псковском, Опочецком, Середкинском районах, но основной материал записан в Причудье. При этом слово с мягкой основой **скóромь** в КПОС не зафиксировано. В СРГК в значении 'скоромная пища' указаны существительные **скóром** *А теперь всё скорóм, поста нету, скóромь Постны дни справляли, не ели скóромь.* и **скорóма** (хотя последний вариант вызывает сомнения: в высказываниях *Великий пост семь недель, скорóму не давали есть и Петров день начинается, так раньше старухи скорóму не едят* употреблено скорее всего существительное мужского рода **скорóм** в родительном падеже с окончанием -у) (СРГК, 6: 126). В НОС **скóром** 'мясная или молочная пища' *Фсё скóром большээ едят теперь*. В СРНГ **скóромь** с мягкой основой отмечено в том же значении в Арх., Ворон., Саратов., Горьк., Твер., Р. Урал., с твердой основой **скóром** —

в Арх., Олон., Мурм., Новг., Твер. (СРНГ, 38: 99), т. е. слово имеет ярко выраженный северный ареал. Возможно, это одно из слов, которое подтверждает связь между лексикой говоров Причудья и европейского Севера России.

Фиксация 1960-х гг. на территории Причудья, отраженная в «Материалах...», и в целом северный ареал слова, возможно, подтверждают гипотезу о том, что лексика причудцев «помнила» о расселении древних новгородцев и их потомков поморов по Северу и Сибири. Гипотезу о северном расселении древних новгородцев до Раскола высказывали, в частности, историки А. Касиков, Е. А. Васильченко и Ф. А. Савихин: «Наличие столь большого числа “северных”, точнее, старон Новгородских слов даже в середине XX века и их география распределения по России однозначно свидетельствуют о том, что основное ядро предков русских полуверцев Северного Причудья и западнопричудцев, в том числе и предков староверов, сформировалось в Причудье во времена расселения новгородцев по европейскому Северу России, то есть задолго до Раскола. Кроме того, столь большое количество “северных” слов говорит о том, что в среду полуверцев и западнопричудцев вплоть до середины XX века не было массового переселения русских из России, иначе старые слова оказались бы «накрытыми» словами более поздних переселенцев»².

Примером такого «северного» слова может также служить и существительное **крень** в значениях ‘кривое, согнувшееся дерево’, а также ‘плотная древесина’. В «Материалах...» видим это слово (ж. р.) в значении ‘кривое, косое дерево’ *Гарás кр’эни многа, харошгий жэрз’д’и ни палучыцца*. (МСРСГП: 132). В НОС **крень** (м. р.): 1. ‘дерево с твердослойной древесиной, кривое, с сучками’ *Крень, говорит, попал, зажимает пилу, кривой лес, крениватый на одну сторону*, а также 2. ‘плотный слой древесины’ *Крень пилишь, пилишь, а там как железный клин вбит, ижно пила нейдёт* (НОС:

²Касиков А., Васильченко Е. А., Савихин Ф. А. Русские Причудья Эстонии в XVI–XVIII веках (по историческим и языковым данным) // Рябининские чтения — 2007 / Отв. ред Т. Г. Иванова. Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2007. 497 с.

456); в СРГК **крень** ‘кривое крепкое дерево’ *Крень — дерево тако крепковато* (СРГК, 3: 17). В ПОС **крень** (м. и ж. р.) имеет 2 значения: ‘дерево с крепкой тонкослойной древесиной’ *Крень, крень такой бывае, а эта крень — дэрева такоэ, почти и слоя не знают, крёпкае такоэ.* и ‘трубчатый древесный гриб, загорающийся от искры, трут’ *Такой крень окала деревóф растёт, искёрку фсё выбивают.* (в последнем значении зафиксировано на территории Эстонии) (ПОС, 16: 116). Данные СРНГ также указывают на северный ареал бытования этого слова: **крень** ‘кривое, согнувшееся дерево’: *Арх., Сев-Двин., Беломор., Олон., Том., Новосиб., Колым., Якут., Север., Урал* (СРНГ, 15: 214). Представлено это слово и в говорах Низовой Печоры (где также живет старообрядческое население): **крень** 1. ‘изогнутое, кривое дерево’ *Крень — дерево есь, оно горбатое.* и 2. ‘плотный слой древесины на месте искривления ствола’ *Дэрево горбатое, на горбу-то — крень.* (СРГНП, 1: 350). Таким образом, два значения слова **крень** — ‘изогнутое, кривое дерево’ и ‘плотная, твердослойная древесина’ выделяются на территории Эстонии и на Севере и в Сибири.

Как показывают наблюдения, многие включенные в «Материалы...» лексические единицы достаточно широко представлены в русских говорах Северо-Запада, но при этом в Причудском ареале они имеют свою специфику, отличающую их даже от сопредельных и близких псковских говоров. Так, например, в «Материалах» зафиксирован глагол **склескаться** в значении ‘встать с постели слишком рано; вскочить’: *Скл’аска́ица с но́чы, а д’элат’-та н’эчыва, скла’ска́ишы.* (МСРСГП: 296). Также в «Материалах...» находим глагол **клескаться** в значениях ‘баловаться, шалить’ и ‘баловаться’ (записан на территории Латвии и Литвы), и зафиксированное на территории Эстонии значение ‘баловаться, шалить в воде’ (МСРСГП: 22) (строго говоря, тут два значения: 1. ‘о рыбе плескаться, играть’ *Ры́ба на со́нцы ф т’оплу паго́ду л’уби кл’аска́ица* и 2. ‘о детях плескаться, баловаться в воде’ *По́лна вам в вады́ кл’аска́ица, по́лный д’эн’ с вады́ н’и в’ыгнэ́ть’, р’уб’ат’ишк’и ба́львныйи*). Откуда же у глагола **склескаться** такое значение — ‘вскакивать с постели’?

Данные СРНГ не особенно проясняют этот вопрос: у глагола **клеска́ться**: указаны три значения: 1. шалить, резвиться; 2. плескаться (о рыбе); 3. бродить, таскаться. Причем ареал распространения этого слова указан исключительно псковский или прибалтийский со ссылками на «Материалы...», фиксаций в других регионах не выявлено. На глагол **склеска́ться** в СРНГ также приведены данные из «Материалов...», а также ссылка на рукописные материалы Карпова с пометой «псковское», других указаний на бытование этого слова в говорах нет (СРНГ, 13: 383).

Обратившись к данным других словарей, в НОС обнаруживаем глагол **склестáться** ‘забраться наверх, подняться; вскочить’ *Садилась за стол, и она (кошка) склещется на колени.* (НОС: 1093); а в Картоотеке ПОС глагол **склеска́ться**, зафиксированный в двух значениях: 1. ‘сходить, сбегать куда-н.’ *Ольга фси вярёфки срэзала ф саду, во аферістка, а как гряхі атмáливать, так ф цэркву склэшишица, иш бажэственная.* и 2. ‘вступить в близкие отношения, сойтись с кем-н.’ *Вот ён и склеска́лся с ней.* (КПОС). Обращают на себя внимание контексты, в которых употреблено слово: заметно, что **склеска́ться** — это экспрессивный и оценочный глагол движения, который помимо экспрессии, т. е. сильной степени проявления какого-либо признака (не просто встать или подняться, а слишком рано или очень быстро или же неожиданно), выражает и отрицательную оценку действий объекта речи (неодобрение, осуждение). Экспрессивные значения образуют и глаголы этого корня с другими приставками: **наклеска́ться** ‘съесть, выпить в большом количестве’ *Вот ишьяс наклашишюсь! Мнóга на зáfтрак пригатóвили!* и ‘напиться пьяным’ *Ма́й парни наклеска́юцца саладу́хи и иду́т гуля́ть.* (ПОС, 20: 24); **наклеска́ть** ‘поручить много делать, навалить’ *Наклеска́ли вам много писать.* (НОС: 601). Кроме того, заметно варьирование фонемного состава корня — клескаться и клестаться. Значения глагола **клеска́ться** / **клестáться** без приставки представлены в диалектных словарях следующим образом:

клеска́ться и **клестáться**: 1. Биться, трепыхаться (о рыбе) *Как принясу́т рыбу, ана́ жива́я, клéшищеца.* 2. Перемещать-

ся из одного места в другое. *Ба́тька с нам ма́ла жыл, усё клиска́лся пы странé. Памаги́ мне карто́фель капа́ть, ня кляши́бсь ты ф калхо́с.* 3. Долго заниматься чем-н. возиться. *Ана́ дбама кле́шишица часо́ф да двина́ццати, а здесь сразу лажы́цца.* 4. Шалить, озорничать, баловаться. *Рабёнак кле́шатца, а патом зарявэ́ть.* 5. перен. неодобр. Вести распутный образ жизни (о женщине). *Зина кле́шишеца с мальца́м, мужыка́м, гуляе.* 6. Войти в период течки (о собаке). *Соба́ка мой ста́рый отпра́вился на сва́дбу. У сасéда сука кле́шишеца, трéбуе́т э́тих саба́к.* (ПОС, 14: 194).

клеска́ться 'шалить, озорничать' *Пойдэ́те туды клеска́ться.* (НОС: 389).

клеска́ться 'бить друг друга' *Пьяные дерутся, кле́щутся.* (СРГК, 2: 365).

Заметно, что семантика переносных значений определена семей 'повторяющиеся быстрые, резкие движения' исходного значения 'биться, трепыхаться' (очевидно, звукоподражательного). На этой основе и возникают значения 'двигаться, перемещаться' и другие, в том числе и значение 'вскочить, подняться' — возможно, утраченное говорами на смежных территориях или не зафиксированное собирателями (перенос в семантике поддерживается и семей резкого, неожиданного движения).

Сходную картину демонстрирует еще одно слово, вошедшее в «Материалы...» — глагол **ра́чить**.

Глагол **ра́чить** зафиксирован в «Материалах...» в значении 'согласиться, не пожалеть' *Ра́чыш ты мнэ́ на́ день машы́нку глад'ил'ну дам', майа́ слама́фшы. Я́на́ ни ра́чыт и жы́тну муку́ адбл́жыт', гдэ́ ш пшо́ннэй даст. Ни ра́чу и са́ма ад'э́т', и дачк'и́ н'и дам.* Эст. (МСРСГ: 279). Кроме того, в «Материалах...» есть и производный глагол **разра́читься** 'раскошелиться, раздобриться' *Как э́та йон разра́чылс'а вам сто́лка д'э́ник аддалжы́т', то ни кап'зы́ки ни ра́чыт вьда́ть, байы́ца.* Эст. (МСРСГ: 274).

Надо сказать, что глагол **ра́чить** фиксируется словарями литературного языка как устаревший или областной (БАС, 12: 1036–1037) — а носителям литературного языка известно только при-

лагательное **рачительный**. Однако данные исторических словарей говорят о том, что в прошлом слово было весьма актуальным. Так, в СРЯ глагол **рачити** описан как полисемант: 1. Любить, желать, вожделеть. 2. Задумывать, замышлять. 3. Хотеть, благоволить. 4. Заботиться, думать о ком-л. (СРЯ, 22: 121).

В разнообразных значениях глагол **рачить** встречается и в современных говорах Северо-Запада. Так, в русских говорах Карелии зафиксированы глаголы **рачить** и **рачиться**:

рачить: 1. Хотеть, желать. *Я не рачила ее будить, жалко было, пусть спит.* 2. Проявлять заботу о ком-н., чем-н. *О себе-то и то не рачит ничего.* 3. Обращать внимание на что-н., замечать. *Ничего не рачу: камнем так камнем, поленом так поленом пазгану.* 4. Проявлять усердие, старание. *Кремьяки, они прижимистые, не рачили, не косили.* 5. Жалеть. *Рачить — это жалеть значит.* 6. Брезговать. *Наоборот, их рачу в руки взять, убиваю и аставляю так.* 7. Обижать. *Не рачию ведь я тебя, не обижу.* 8. Использовать, употреблять. *Раньше лампу не рачили, лучину жгли.* (СРГК, 5: 501).

рачиться ‘быть щедрым’ с отрицанием *Белое тесто о праздники ели, богатые тоже не рачились, скупились.* (СРГК, 5: 501).

В новгородских говорах **рачить** демонстрирует 7 значений: 1. Иметь желание что-н. сделать, стараться. *Рачить, это когда человек старается сделать добро людям, хочет помочь.* 2. Беречь, сохранять. *А я своих ребят сызмальства приучала всё рачить.* (и оттенок ‘жалеть, скупиться, жадничать’ *Какая жидкая каша-то у тебя, ты, наверно, рачила крупы-то сыпать.*) 3. Мочь, смочь что-н. сделать. *Я матери всю жизнь не рачила грубить, не смела говорить поперёк.* 4. Понимать, разбираться в чем-н. *Ничего она не рачит в математике.* 5. Действовать, брать. *Глаза не рачат, руки не рачат.* 6. Обижать. *Зачем рачишь его? Он же еще малой.* 7. Говорить. *Что-то ты много рачишь.* (НОС: 1017).

Также в новгородских говорах зафиксированы глаголы **рачиться** ‘смотреть с завистью, завидовать’ *Что ты рачишься? Не завидуй ему* (НОС: 1017) и **разрачиться** ‘проявить доброту, щедрость, раздобриться’ *Никак разрачился, купил детям гостинцев; А дала конфету-ту, разрачилась жадина.* (НОС: 1002).

На фоне такого семантического разнообразия обращает на себя внимание именно то значение глагола **ра́чить** ‘обычно с отриц. Не жалеть потратить, использовать что-л.’, которое отмечено «Материалами...» и в котором глагол активно функционирует сегодня в говорах староверов Эстонии: в СГСЭ видим примеры, записанные в деревнях Муствэе и Новая Казапель, а также на острове Пийрисаар: *Шли босиком [до Тарту]... А если туфли, то несли на плече по лесу — не ра́чили по лесу обувь трепать; Мама у меня говорит: «Другой раз даже не ра́чу получше есть что-нибудь купить, всё думаю: а вдруг пенсии не хватит? Не ра́чу»; И вот конфетинку-то ты не ра́чишь себе купить, денежку бережёшь.* (СГСЭ: 128).

В псковских говорах, по данным Картотеки ПОС, глагол **ра́чить** зафиксирован в том же значении, что и в говорах староверов Эстонии: ‘Обычно с отриц. Не жалеть потратить, использовать что-л.’ *Ня ра́чала дать — ёта значит не хотела, не решалась дать; Ёта скупые старики не ра́чат на мельницу, штобы не платить, эконómства была,* причем обе записи сделаны в Гдовском районе, других фиксаций нет. Учитывая то, что записей в других районах Псковской области нет (т. е. там слово или утрачено или неизвестно, что более вероятно, если принять во внимание объем Картотеки ПОС и длительность наблюдений, — оно просто не свойственно говорам), а староверы Эстонии его так хорошо помнят и активно употребляют сегодня — можно сделать вывод, что слово **ра́чить** именно в этом значении характерно для лексики Причудья.

Авторы «Словаря говоров староверов Эстонии» приводят параллель из эстонского языка, сравнивая **ра́чить** с глаголом *gaatsima* в значении ‘быть внутренне готовым сделать что-н., как-либо поступить, не скупиться (обычно с отриц.)’. На мой взгляд, связь с этим глаголом есть — (возможно, что эстонская параллель как бы «поддерживает» существование этого древнего слова в говоре староверов, не дает ему забыться). Хотя глагол **ра́чить** широ-

ко распространен в славянских языках³, в данном ареале, в Причудье — и семантика, и синтаксическая связанность говорят об общности двух глаголов.

Обращает на себя внимание и еще один факт — лексические «ниточки» от Западного Причудья тянутся к новгородским говорам, ведь и *склескаться*, и *разраться* обнаруживаются в новгородском словаре и в тех же значениях, что и в говорах староверов Эстонии. На факт такого родства уже обратила внимание О. Г. Ровнова, заметившая любопытную параллель в трудах фольклористов: в Музее Крейцвальда был обнаружен текст старинной новгородской свадебной опевальной песни, записанной от жительницы дер. Колькья⁴. И дело здесь, наверное, не столько в том, что говоры Причудья, говоры староверов Эстонии — наследники древнего псковско-новгородского диалекта. Как и в случае с опевальной песней, записанной от информантки-староверки с новгородскими корнями, видимо, существовали более поздние перемещения носителей новгородских говоров на берега Чудского озера.

В заключение можно отметить, что на вопросы междиалектных лексических связей могут пролить свет только широкие ареальные исследования⁵. Фиксация или отсутствие фиксации сло-

³Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 8. СПб., 2004. С. 173–235. (И, К, Л, М); Вып. 9. СПб., 2008. С. 209–262. (Н, О, П, Р); (Фасмер, III: 450–451).

⁴Ровнова О. Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 и 2003–2007 гг. // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II. Главный редактор И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 2007. С. 176–201.

⁵См. напр.: Бурдакова О., Бурдакова Н. О словаре прибалтийско-финских заимствований в русских говорах эстонского Причудья // Eesti Keele instituudi Toimetised 7. Inter dialectos nominaque. Tallinn, 2000. Lk. 18–38; Штейнгольд А. В. Лексика староверов Западного Причудья в этимологическом аспекте // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Тарту, 2007. С. 164–175; Пурицкая Е. В. Староверы острова Пийриссаар 50 лет назад (по материалам диалектологических экспедиций филологического факультета ЛГУ) // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Acta slavica estonica I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Тарту: University of Tartu

ва в том или ином значении «...сами по себе не являются свидетельством того, что слово утрачено к настоящему времени или не функционировало в говоре в определенный период или на определенной территории. Скорее они утверждают нас в мысли, что лексикографирование лексического пласта говора старообрядцев, живущих на западном берегу Чудского озера, находится лишь на начальной стадии и должно быть продолжено»⁶.

Сокращения

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–16. М., 1980–2014 (издание продолжающееся).
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.-Л.: Наука, 1948–1965.
- КПОС — Картотека Псковского областного словаря с историческими данными (хранится в Межкафедральном словарной кабинете им. проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ).
- МСРСГП, Материалы... — *Немченко В. И., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / Под ред. М. Ф. Семеновича. Рига, 1963.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru/>.
- НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подг. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова. Вып. 1–25. Л./СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2014 (издание продолжающееся).
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / под ред. Т. Г. Паникаровой. Вып. 7–12 / под ред. Л. Ю. Зориной. Вологда: ВГПУ, 1983–2007.

Press, 2012; *Ровнова О. Г.* О современном языке староверов Западного Причудья // *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. I. Тарту, 2004. С. 144–154; *Ровнова О. Г., Кюльмоя И. П.* Говоры староверов в современной Эстонии // *Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов* / Отв. ред. Л. Л. Касаткин; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. и др.

⁶*Паликова О. Н.* Школьный словарь говора староверов Эстонии // *Слово и текст в культурном сознании эпохи. Материалы всероссийской научно-практической конференции*. Вологда, 13–15 октября 2008 г. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 133.

- ГСЭС — Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говора староверов Эстонии. Тарту: Общество культуры и развития староверов Эстонии, 2008.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1–6. СПб.; Тверь: Изд-во СПбГУ; Тверской ун-т, 2003–2014 (издание продолжающееся).
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2-х тт. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003—2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–48. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2015 (издание продолжающееся).
- СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29, М.: Наука, 1975–2011 (издание продолжающееся).
- ТСУ — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1941.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.

E. Puritskaya. Vocabulary of Russian Dialects in Estonia and Russian North-West Dialects: The 50th Anniversary of the “Materials for the Vocabulary of Russian Dialects in Baltic Countries”

The “Materials for the Vocabulary of Russian dialects in Baltic Countries” (1963) is a unique source of dialect data recorded in 1950s–1960s on the territory of Estonia, Latvia and Lithuania. Since that period new dialect dictionaries have been published and new studies of the language and culture of the Old Believers in Estonia have emerged. It allows us to analyze the vocabulary of Russian dialects in Estonia in the context of the dialects of the Russian North-West and, even wider, in the context of Russian dialects in general. The article analyzes the lexical system of Russian dialects in Estonia, as well as differences in the functioning of dialect words in the speech of the Old Believers in Estonia and in the speech of peasant population in Russia.

Keywords: Russian dialectology, Russian dialects, lexicology, dialect lexicography, Old Believers, Estonia.

ЛЕВОБЕРЕЖНЫЕ ГОВОРЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК МАРГИНАЛЬНЫЙ АРЕАЛ СЕВЕРНОРУССКОГО КОНТИНУУМА

Аннотация. В данной статье дается общая характеристика говоров левобережья Ульяновской области. Особенности данной группы говоров складываются в определенных этнокультурных и географических условиях. Исследование выявляет владимирско-поволжскую основу говоров данной территории, при этом в них присутствуют признаки южно-русского влияния, а также межэтнического взаимодействия. Особенности данной группы говоров проявляются на разных языковых уровнях, что иллюстрируется материалами данной статьи.

Ключевые слова: Владимирско-Поволжская группа говоров, фонетические особенности, морфологические признаки, диалектная лексика, заимствования.

Материалом для данного исследования послужили записи диалектной речи, производившиеся в течении последних четырех лет в левобережной части Ульяновской области, а именно в ряде населенных пунктов Старомайнского и Чердаклинского районов: в селах и деревнях Кремёнки, Кременские выселки, Ивановка, Красная Река, Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка, Большая Кандаля Старомайнского района, Крестово Городище Чердаклинского района, а также в поселке Старая Майна. В настоящее время большинство жителей указанных населенных пунктов считают себя русскими. Однако информанты сообщают, что прежде большую часть жителей некоторых из указанных населенных пунктов (Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка, Красная Река) составляла мордва, в окрестных селах проживали татары, чувашаи. На севере Ульяновская область граничит с Республикой Мордовия, Чувашской Республикой и Татарстаном, поэтому смешанный состав населения вполне закономерен.

По переписи 2010 года основную часть населения области составляют русские — 73,6%. Кроме русских в области живут татары — 12,2%, чувашаи — 7,8%, мордва — 3,2% и другие национальности — 3%. Татары, чувашаи, мордва жили на территории Среднего Поволжья еще до заселения края русскими. Преобладающая часть русских населенных пунктов возникла в середине XVII века. Говоры Ульяновской области являются говорами позднего заселения. Как показывают наши данные, говоры левобережья Волги в Ульяновской области имеют севернорусскую базу при достаточно заметном южнорусском влиянии, а также при смежном влиянии тюркских и финно-угорских языков.

Фонетика говоров левобережья Ульяновской области имеет выраженную владимирско-поволжскую основу, при этом отмечены и некоторые южнорусские черты.

В первом предударном слоге произносится этимологически закономерный гласный. После твердых согласных различаются *о* и *а*: *хорóши, тоиши́ая овца́* (Русские Юрткули); *робóтала* (Красная Река); *ромáшики расту́т, колоко́льчики, голова́ боле́ла* (Кремёнки). Форма *доржа́ли* имеет соответствия с ударным *о*: *до́ржут, до́ржим*, которые представляют фонетический диалектизм *доржа́ть*, характерный для говоров Среднего Поволжья¹.

В первом предударном слоге после мягких согласных, как правило, тоже сохраняется этимологический гласный *е, а, о* (о сохранении *о* мы говорим не с исторической точки зрения, а в сопоставлении с ударной позицией для этого гласного): *увёзла́, чоса́ть, племя́нная, лёдо́к, нека́к, паяви́лись, пьгляде́ла мяки́ну, два часа́, русский язы́к, яви́лса, ночова́ли* (Базарно-Мордовские Юрткули); *чьрвячки́, запрети́ть, бело́к, пчоло́, жолто́к, в рятка́х* (Красная Река); *лягу́шки, бе́гут, ле́та́т* (Кремёнки).

Иногда после мягких согласных и шипящих в предударном слоге наблюдается яканье, которое в этих же словах, и даже у этого же информанта, может чередоваться с еканьем и ёканьем:

¹Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб.: Наука, 2005. С. 75, 296.

вясна́, цвято́чки, петух́ и пята́х, атлята́т, лебядо́й (Кремёнки); *яво́, цвято́к, вылята́т, мяста́, фчара́, мятярэ́й, убляти́ца* (Красная Река); *племяна́я, ня слы́шит, сядо́дни, няка́к, мимо́* Красной Ряки́ (Базарно-Мордовские Юрткули). Однако в большинстве зафиксированных нами случаев «яканье» тяготеет к определенным языковым единицам (частица *не*, лексемы *летать, петух, цветок* и производные от них).

Гласные второго и далее предударных и заударных слогов подвергаются разной степени редукции (и количественной, и качественной): *ма́тчы́ники, до́яркэ́й, мятярэ́й, пса́ди́ли, сьбира́ют* (Красная Река); *сля́кэ́т', псы́нэ́ли, ди́кэ́й лук, ма́льчы́шка ма́лен'кэ́й, пьца́ны, кво́нпля́* (Кремёнки); *пса́бля́ли, пэ́гляде́ла, вы́пэ́стит, сьдамо́йка* (Базарно-Мордовские Юрткули); *сы зава́рчы́кой с тако́й / с трыва́но́й* (Русские Юрткули). Наиболее слабыми оказываются позиции во втором предударном и в первом заударном слогах, здесь редукции может подвергаться даже гласный *у*: *бэ́лтыхаю́ца, вьы́лтит, перэ́души́ли* (Красная Река). Редукция до нуля звука обычно происходит в слабой позиции после сонорного (прежде всего, после *р*): *саркаво́ва* (года рождения), *Ма́сленцу́ жгли, перэ́ ако́шками, перверну́ли, пергороди́ли, и спаги́ рези́навы, персыха́т, пербива́цца* (Кремёнки).

Во втором предударном слоге (и далее) в абсолютном начале слова на месте *о* реализуется *у*, что характерно для говоров Владимирско-Поволжской группы²: *утогна́ть, она́ самоу́пыля́ема / пчола́ её не упы́ля́т, уста́вля́ет, э́та* (корова) *утели́лас, утде́ля́ли, убляти́ца, уде́яло, уобра́тывали, удды́ха́ть, уста́льно́е* (Красная Река); *ут не́ё пожа́р-тэ́ бы́л / ут ни́ё / ут ково́-тэ́ нача́ло́сь, убрати́ца, утгоро́жу́* (Базарно-Мордовские Юрткули).

Еще одна особенность, отмеченная П. С. Кузнецовым во владимирских говорах³, встречается и в ульяновских: после конечного гласного предыдущего слова начальный *о* предударных слогов

²Кузнецов П. С. О безударном вокализме говоров Ставропольского и Кольчугинского районов Владимирской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 4. М.-Л., 1948. С. 42–43.

³Там же. С. 42.

следующего слова редуцируется до нуля звука: *Картошку, маркошку, свёклу, гурицы, дыню* // *Фсё эта растили; Щас вон у меня на гарбде / ничо не пасадила; Да нас здесь що не стаёца* низко; *Сьнек не жидáцца* зимой; *А ты работай д упáду* (Кремёнки); *А нокóшках* шторы были только... *мобыть занавесочки небольшие / нокóшечках*; как *вот раньше я жила / я сичас вот жизньню* низко *не бижáю / ни грама* (Крестово-Городище).

В системе консонантизма основные особенности говора связаны с реализацией шипящих и аффрикат, со спецификой палатализации некоторых согласных и процессами ассимиляции.

Отметим твердое произношение долгих шипящих и ч: *вошшына, ешишо, очыстка, вопиэ, ошиэнилас, пчоловот* (Красная Река); *пишиша, приежжали* (Русские Юрткули); *трэшишит, дожжык, теперь фсе приежжы, зарошишона* была, *дрожжовник, учылишишы* (Кремёнки). Долгое ш иногда произносится как твердое шч: *с вошчыной, шчытай, женишчыны, мушчына* (Красная Река); *шчавель* (Кремёнки). В сочетаниях *чн, чк ч* теряет смычку более последовательно, чем в литературном языке: *палошку, станошник* (Кремёнки); *тут рещка была* (Старая Майна). Отмечены случаи потери смычки у *ц* в соседстве с сонорным: *эт на фабрике дають порсии* (Красная Река); *вот Еремеевъ есть там же / кансе села* (Базарно-Мордовские Юрткули).

Описывая сочетания зубных согласных в окающих говорах, Р. Ф. Пауфошима выделяет владимирские говоры, как наиболее последовательно реализующие ассимиляцию по мягкости и сравнивает ситуацию в этих говорах с состоянием русского литературного языка, но не на современном этапе, а в начале XX века, «когда перед всеми мягкими зубными были возможны только мягкие же зубные»⁴. В речи жителей Ульяновской области регрессивная ассимиляция согласных по мягкости чрезвычайно распространена и устойчива, сохраняется и у получивших об-

⁴Пауфошима Р. Ф. О распределении мягкости в двойных сочетаниях зубных согласных в некоторых окающих русских говорах // Исследования по русской диалектологии. Москва: Наука, 1973. С. 101–102.

разование информантов: *д'ве, с'нимают, с'пиливали, с'них / из'них делали спасать'ныэ круги, привез'ли, нёт'лю, с'вер'ху верёфка т'вёрдая с'вязываеца, кир'пишный* (Старая Майна); *чет'вёртый гот, вер'хавик* (Кремёнки). В некоторых случаях палатализация предшествующего согласного настолько отчетлива, что после него различается призвук переднерядного гласного: *мы свинюшки не р(ь)вём* (Кремёнки); *одна гор(ь)сть пчол* (Красная Река).

Можно отметить и еще некоторые явления, характерные для владимирско-поволжских говоров. Так, зафиксирован переход [к'] в [т']: *Оне вылетают уже называца это поройти / поройти* (поройки) (Красная Река). Укажем также на выпадение [j] и стяжения в окончаниях прилагательных: *Их надо жарить / оне красны делаюца / а мясо у них фкусно* (Кремёнки); *корова котора дойна / котора недойна, утреишо молоко; гречка у нас самауныляема* (Красная Река). Выпадения [j] и стяжения происходят и в личных окончаниях глаголов, особенно регулярно у самых частотных: *знам, знаиш, называца, делат, быват*. Стяженные формы отмечены для глаголов в 1-м л. мн. ч., 2-м л. ед. ч. и 3-м л. ед. ч.: *А мы у них отымам / но им хватат* (Красная Река); *Он лётат / а эт ползат по земле тока* (Кремёнки); *Саляркай паливаиш эти драва* (Кременские Выселки).

В области морфологии также ярко выражены черты, связывающие ульяновские говоры с Владимирско-Поволжской группой. В связи со склонением местоимений отметим, прежде всего, регулярность употребления формы *оне* в качестве личного местоимения 3-го л. мн. ч.: *Курица зовёт цыплят // клохчет и оне бёгут фсе* (Кремёнки); *Как звуки дают оне?* (Красная Река); *А лапти / оне вот такие* (Базарно-Мордовские Юрткули).

Специфика склонения местоименных прилагательных *такóй, какóй, никакóй, какóй-нибудь, какóй-то* и под., а также прилагательных с ударением на окончании (типа *плохóй, большóй*) проявляется в наличии у них особых ударных окончаний: *-е, -еи* в именительном и винительном падежах мн. ч., *-ех* в родительном падеже мн. ч., *-ем* в творительном и предложном падежах ед. ч.: *А вот марозы-тё были какéи* (Кремёнки); *Сапок и харóших и плахéх*

(Кременские Выселки); *Когда Писе-ть умер? // какэм году-т?* (Базарно-Мордовские Юрткули); *А эти большѣи-ть / которыз заготовили* (Старая Майна). В им. п. мн. ч. чаще представлены формы со стяженным окончанием: *Идѣт дождик и вот такѣ шарикки мѣлки* (Кремѣнки); *А надевать-ть худы сѣпаги / какѣ-нибуть* (Кременские Выселки); *А какѣ птички / я даже не скажу* (Старая Майна).

Такие же окончания (-е, -ех, -ем) зафиксированы и для числительного-прилагательного *один, -а, -о* (мн. ч. *одне*): *Соловьѣи / оне на разны голоса / не то шть однем а...* (Кремѣнки); *Фсѣ-т гадамы на днем ы на днем месте* (сажали картошку) (Кременские Выселки); *Вот у однех прямъ вот / и иголки не осталос там* (Базарно-Мордовские Юрткули); *Ну я ему сплѣл одне лапти по книшки* (Старая Майна). Окончание -е в им. п. мн. ч. встречается и у притяжательных местоимений, в частности, в наших записях у местоимений *свои, мои*: *Оне тоже уш стали / обрусели так же / как свое; Вот пожалуста мое рѣбятишки // рѣбятишечки мое любимые* (Базарно-Мордовские Юрткули). К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова описывают указанные особенности склонения местоимений и прилагательных как черты северной части Владимирско-Поволжской группы говоров⁵.

В области морфологии отразилось и южнорусское влияние. В сфере образования глагольных форм следует отметить совпадение безударных окончаний 3-го л. мн. ч. глаголов 1-го и 2-го спряжений: *Ну рыбу ловют там ходют // ну в эта время ни ходют / видют кагда речка не застыват* (Кремѣнки); *Они фсѣ находят сами* (Красная Река).

В именной сфере следует отметить характерную для южнорусских говоров замену форм среднего рода на формы мужского рода. Особенно это касается прилагательных: *Вот эти вот торгофцы фсе / позорят весь село; Не знаю / какой помящений?* (Русские Юрткули); *Это вот в лес поедут / такой дерево есть / специ-*

⁵Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Промсвещение, 1970. С. 157.

альный / ну / липа наверно / наверна липы кора; Большой вымя — хорошая корова // Вымя хороший / большой вымя; Яйцо бес скордупы эт недоспелый (Базарно-Мордовские Юрткули).

В области синтаксиса следует отметить использование выделительных приименных частиц, которые чаще всего имеют форму *-ть*: *А дама-ть саломай балышынство были крыты* (Кременские Выселки). Иногда форма частицы уподобляется форме (конечному гласному) существительного, что характерно как для некоторых севернорусских, так и для восточных среднерусских говоров: *Ну эта уш стары теряют перья гуси-ти вот* (Красная Река); *Ну он / видна / взял палачку-ту* (Кремёнки).

В синтаксической сфере данной группы говоров интересно отметить такую особенность, как отсутствие предлога в синтагмах, обозначающих обстоятельства времени и места. В большинстве случаев отсутствует предлог *в*: *Каждый гот переменяют / на одном месте не бывают калхозе // ани это / обрабатывают землю и сажают разных местах // этат гот например / кукуруза тут / другой гот другом месте / потсолнух этат гот тут / апать другой гот другом месте* (Красная Река); *Мы айда-те маленьку Чалгу / там за грибами* (Кременские Выселки). Случаи отсутствия предлога не объясняются чисто фонетическими условиями, например, процессами ассимиляции. В то же время следует указать, что данная особенность отмечена в контактных регионах, где русские говоры могут взаимодействовать с языками типологически отличных систем⁶. Так, в мордовских и тюркских (чувашском и татарском) языках временные и пространственные отношения выражаются синтетически, аффиксально, в частности, при помощи направительных и местных (местно-временных) падежей. Потенциал грамматической системы русского языка вполне допускает такую синтетическую форму выражения грамматических значений.

⁶Мызникова Я. В. Специфика функционирования предложно-падежных конструкций в говорах Приладожья и Среднего Поволжья // Севернорусские говоры. Вып. 13. СПб., 2014. С. 149–157.

Лексика русских говоров Ульяновской области также весьма пестра по своему составу. Она содержит как севернорусские, так и южнорусские лексемы. Заметную роль в лексическом составе говоров играют и заимствования из финно-угорских и тюркских языков. Для иллюстрации рассмотрим функционирование в ульяновских говорах лексических единиц тематической группы «Жилище и хозяйственные постройки».

Из общих наименований крестьянского жилища в говорах левобережья используются лексемы *дом* и *изба*. Для людей сравнительно молодого возраста, которые помнят уже только жизнь после затопления и образования Куйбышевского водохранилища, *изба* — это старое название дома: *Изба / этъ раньше у нас называли дома / рублена изба / как иё называли / шас уже называют дом / патаму штъ уже больше на-современнаму // и была раньше передняя / и задняя / а теперь зал / и кухня... у богатых людей назывался не дом / а терем / а у нас изба / избёнка* (Крестово-Городище). В рассказах же пожилых людей *дом* — это строение целиком, а *изба* — отапливаемая часть крестьянского дома, отделенная капитальной стеной: *Изба / эт задня / передня // чулан; — А было в избе такое место, которое не отапливалось? — В избе? Нет / галанки были и печки // фсё утоплялось // вот ф сениях нет / ф сениях не утапливалось / там холодна / а изба / в избе дров заготовляли...* (Крестово-Городище). Лексема *хата* для именования жилища в исследуемых говорах не только не была отмечена, но была определена информантами как неупотребительная.

Вполне традиционно используются в говорах левобережья такие лексемы, как *сэни* и *чулан*. Так, значение лексемы *сени* ‘прихожая, помещение между крыльцом и жилой частью дома’ (*Вот щас верандысь вот их называют / а мы сениями звали их раньше / сени! // вот калидор / сени / а раньшеи сени фсе были / а щас веранда да вот* (Крестово-Городище)) вполне соответствует данным БАС (БАС, 13: 644). Лексема *чулан* используется в трех значениях, одно из них также является общеупотребительным (БАС, 17: 1194): *чулан* ‘неотапливаемое помещение рядом с сениями для хранения хозяйственных принадлежностей и продуктов’ (*Изба и тут сени /*

и зделана горница там вот фсё этъ / где чо была туда клали / она без окошѣк / бес фсево была / или маленька окошечка зделают / и фсё // Вот эта горница / чулан вот / которы чуланом ево называли / кто горницей (Крестово-Городище).

Второе значение слова чулан — ‘кухня, место для приготовления пищи’: *Мы пошли / жених с невестай / и зошли / родны сидят / «вы где?» / и ф чулан / топерь кухня называца / а тогда чулан (Красная Река). Данное значение (‘место для приготовления пищи’) характерно именно для говоров Поволжья, пензенских и некоторых других говоров (Даль, 4: 1375; СРГМ, 2: 1485–1486).*

В говорах левобережья Ульяновской области был зафиксирован и третий вариант значения слова чулан — ‘отгороженное помещение за печью для хранения посуды’: *Тут же загораживали место у печи / где эт самый шесток / да фсё / эт штоп не видна была / сток пасуды / чугуны / чугунки / скаваротки бальшие фсё эта / и вот ево атгараживали перегароткай / переборкай как у нас называли / дверь закрыли занавескай / и там не видна / што тварица в этам чулане (Крестово-Городище). В этом случае помещение со столом, где едят и готовят пищу, называют задняя: *А задняя / эт кухня // там стол стаял под бажницей (Крестово-Городище). Соответственно, передняя — это ‘чистая половина в избе, выходящая окнами на улицу’: Передняя / эт што вот / зал (Крестово-Городище).**

Лексема *гóрница* в ульяновских говорах имеет свою специфику, ее значение не является традиционным для севернорусских говоров. *Горница* ‘неотапливаемое помещение для хранения имущества, чулан с окном (или без окна), пристроенный к сеням избы’: *Вот эт сама горница вот значит / изба и тут сени / и зделана горница там вот фсё этъ / где чо была туда клали / она без окошѣк бес фсево была / или маленька окошечка зделают // горница — это ещѣ у нас как кладовая // или горница, или чулан по-другому (Крестово-Городище).*

У В. Даля «Горница ж. у крестьян задняя изба, чистая половина, летняя гостиная, холодная изба; налево из сеней обычно изба (сев. и вост.), направо горница, без полатей и без голбца, и печь

с трубой или голанка; в углу, вместо кивота, образная. | В нашем быту покой, комната вообще» (Даль, 1: 929). Таким образом, традиционно горница — чистая половина избы, но может быть и летняя гостиная. С XVI века классическое крестьянское севернорусское жилище представляло собой трехкамерную постройку: «изба да клеть, а промеж ними сени». Неотапливаемая клеть использовалась для хранения зерна, скарба, а в летнее время как спальня, и в XVII веке в некоторых местах она превращалась в горницу — чистую комнату (последнее было характерно для жилища зажиточных крестьян)⁷. Со временем у зажиточных крестьян летняя горница преобразуется во вторую избу, соединенную с первой общими сенями. К XX веку становится повсеместным возведение пятистенки, в которых капитальной пятой стеной отделялись кухни от чистых горниц-зал, число комнат увеличивалось⁸. Таким образом, горница, традиционно, — жилая комната, отапливаемая или летняя, в избе или отдельно пристроенная к сеням.

В ульяновских говорах левобережья неотапливаемая пристройка к сеням также получила наименование *горница*, сохранив при этом функцию кладовой с маленьким окошечком (или без него). Итак, пристройка к сеням для хранения продуктов и утвари здесь именуется *горницей* (или *чуланом*): *Горница? Там стояли мучные лари / подвешены плетёны карзины / в них зимой разрубят мяса положут / даже мама капусту вынет лишнюю ис погребца / ана вот так калапками её отождёт / тоже туда...* (Крестово-Городище).

Что же касается лексемы *клеть*, она в говорах левобережья также имеет особое значение. В Словаре В. Даля «Клеть ж. холодная половина избы, через сени; под нею подклеть; или омшеник, отдельная избушка для поклажи, без печи; чулан, амбар, кладовая; летом спят в клетях, там же устраивают новобрачных» (Даль, 2: 294). Ульяновские информанты не смогли ответить на вопрос

⁷Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 203.

⁸Там же. С. 278.

о том, что хранили в клетях: *Нет / ничего за клетью не хранили / это для животных* (Красная Река). Приведем описание клетки диалектоносителем: *Клеть эта вот в клеву перегаротки / разгаротки для мелких животных / для парсят / для казлят / для телёнка / для ягнят атдельно / вот эти вот клетушки / если их многа / если адна / значит клеть* (Крестово-Городище). Таким образом, клеть — ‘помещение для скота, хлев’; клетушка — ‘отгороженное для животных место в хлеву’.

Помещения для скота тоже имеют разные именованья. Помимо лексем *клеть* и *клетушка*, широко используется такое общее именование помещений для скота, как *клев* (если маленький, то *клебушок*): *Держали животных в этих вот клевами и / то глиной обмажем / то вот корова накакат и этим фсё обделывали / итобы верта (!) не было / потёплее / вот в эдаких клевах и жили; Гусей? Зезь же вот на дворе / тоже клебушок им особе делаешь вот* (Крестово-Городище).

Загон для скота, летнее помещение для скота в ульяновских говорах носит наименование *калда* (фонетический вариант *карда*): *Ну вот калда вот / называли мы их // вот шас вот эта вот у меня / раньше тут лошадь у нас стояла / была калда* (Крестово-Городище). Слова *калда* и *карда* используются еще и в значении ‘скотный двор’, особенно по отношению к большому колхозному двору: *вот доила я фсю дорогу / калда там угромадна / по двести голоф ф каждой / она тоже эдак же называлась кардай / тока большая / эта чово-т под одну лошадь была / маленькая / а там большие прям* (Крестово-Городище). Лексема *калда* встречается и в значении ‘хлев’: *Ну и гусятник был / проста называлась гусин(а) калда* (Красная Река). В данном случае *гусин(а) калда* может быть прямым заимствованием из мордовского или «стяжением» словосочетания *гусиная калда* в речевом аллере.

Слово *калда* (*карда*) является весьма употребительным в Поволжье не только в русских говорах, но и в мордовских, а также в тюркских языках. Вопрос о его этимологии поднимался неод-

нократно и однозначного решения не имеет⁹. Вариативность его фонетического оформления, а также оттенков значения этой лексической единицы в русских говорах подтверждает ее заимствованный характер.

Конечно, лексика группы «Жилище и хозяйственные постройки» не исчерпывается теми единицами, которые приведены в статье, но даже этот небольшой фрагмент лексической системы говора демонстрирует его специфику в целом.

Таким образом, собранные материалы по левобережным говорам Ульяновской области позволяют выявить севернорусскую основу этих говоров на разных языковых ярусах. Наиболее отчетливо эта основа проявляется в области фонетики. Грамматические особенности данной группы говоров свидетельствуют об определенном южнорусском влиянии, а также о взаимодействии с тюркскими и финно-угорскими языками. Специфика лексической системы данного региона также свидетельствует об особом, маргинальном статусе этих говоров в рамках севернорусского континуума.

Сокращения

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.-Л., 1948–1965.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией И. А. Бодуэна де Куртене: в 4-х т. СПб.-М., 1903–1909.

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. СПб.: Наука, 2013.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–48. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2015.

⁹Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб.: Наука, 2005. С. 89–90.

Y. Myznikova. The Dialects of the Middle Volga as the Marginal Area of the Northern Russian Continuum

This article provides an overview of the Russian dialects of Ulyanovskiy region. The features of this group of dialects are formed under certain ethno-cultural and geographical conditions. The study reveals the North Russian basis of Ulyanovskiy region dialects and the features of the South Russian influence. The traces of inter-ethnic interaction also can be found in the dialects of the Middle Volga in this language contact region.

Keywords: North Russian dialects, phonetic features, grammatical peculiarities, dialect vocabulary, loanwords.

ЭТНОНИМЫ В СОСТАВЕ ФИННО-УГОРСКИХ ФИТОНИМОВ*

Аннотация. Ряд названий растений в финно-угорских языках мотивированы этнонимами или содержат этноним в качестве компонента сложного фитонима. Больше всего таких названий известно в финском и эстонском языках, а также в удмуртском языке. Всего нами рассмотрено около ста пятидесяти фитонимов. Этноним, мотивирующий название растения, указывает на происхождение (действительное или мнимое) растения. В ряде случаев фитоним, содержащий этноним, оказывается калькой научного названия, проникшим в народные говоры.

Ключевые слова: финно-угорские языки, лексика, фитонимы, фитонимия, этнонимы.

В данной статье рассматриваются народные названия растений в ряде финно-угорских языков: прибалтийско-финских, мордовских (эрзянском и мокшанском), марийском и пермских (удмуртском и коми), содержащие этнонимы. Чаще такие названия растений являются сложными по форме (двухкомпонентными), однако в этой группе встречаются также простые фитонимы, образованные суффиксацией.

Рассматриваемая группа фитонимов весьма разнообразна: она содержит как существительные со значениями названия национальности или страны, так и прилагательные, называющие национальность. В составе названий растений эти слова служат обычно для обозначения предполагаемого «национального происхождения» обозначаемых ими растений, происхождения их из какой-либо страны, местности. В то же время есть ряд примеров, в которых семантическая связь слова, называющего национальность, и содержащего его фитонима необъяснима. При этом даже

*Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 15-04-00063а «Формирование диалектных ареалов вепсского языка».

в пределах одной ветви близкородственных языков (прибалтийско-финские, мордовские, пермские) каких-либо общих семантических моделей почти не встречается. Это объясняется многообразием языковых контактов и связанных с ними явлений материальной и духовной культуры.

Наполнение данной статьи материалом во многом зависит от собранности фитонимической лексики по каждому языку, поэтому примеры распределены по языкам неравномерно (особенно много их нашлось в эстонском языке). В финском и эстонском языках, имеющих национальную научную ботаническую номенклатуру, большое число названий растений, включающих этнонимы или указания на происхождение из какой-либо страны, местности, было образовано сознательно. Такие названия не являются народными и нами здесь не рассматриваются. Вместе с фитонимами мы рассматриваем и названия грибов (миконимы), так как принципы номинации растений и грибов в финно-угорских языках полностью совпадают.

Для написания данной работы нами было использовано свыше сорока различных источников, как лексикографических работ (двуязычных, этимологических словарей), так и отдельных монографий и статей. Ссылки на конкретный словарь даются нами в тех случаях, когда в других работах фитоним не встречается либо встречается в отличающейся форме; в ряде случаев ссылка на работу дается в том случае, если содержащиеся там сведения, касающиеся фитонима, являются существенными для нашей работы. Например, источником мордовских названий растений, данных в этой статье латиницей, является «Мордовский словарь» Х. Паасонена — эти названия снабжаются пометой MW.

Ниже приведены примеры финно-угорских названий растений, содержащих этнонимы. Названия растений приводятся по отдельным языкам в следующем порядке: прибалтийско-финские языки (финский, карельский, вепсский, эстонский, водский, ливский), мордовские языки (эрзянский, мокшанский), марийский

язык, пермские языки (удмуртский, коми-зырянский, коми пермяцкий). В каждом языке названия растений сгруппированы по отдельным этнонимам, входящим в их состав. Для каждого фитонима приводится перевод на русский язык и буквальное значение (даны в марровских кавычках).

В ижорском языке, входящем в прибалтийско-финскую ветвь, а также коми-пермяцком языке, входящем в пермскую ветвь, подобные фитонимы не обнаружены.

Сокращенные пометы названий языков, расшифровка которых дана в конце статьи, используются, в основном, вне тех разделов, в которых они рассматриваются. Подобные пометы, обозначающие языки, не относящиеся к финно-угорским, даны к фитонимам неродственных языков, приводящихся для сравнения.

Названия растений, содержащие этнонимы, в финском языке

holanin ‘голландский’: holanin||juur ‘девясил’, букв. ‘голландский корень’.

Holanin||juur ‘девясил’ является перенесенным на все растение распространенным во многих языках названием лекарственного сырья «голландский корень» (обладает противовоспалительным, желчегонным, отхаркивающим, мочегонным действием).

juutalaisen ‘еврейский’: juutalaisen||sien’ ‘лисичка’, букв. ‘гриб еврея’.

ruotsi, ruotsa||- ‘шведский’: ruotsakko ‘чертополох курчавый’, мотивировано ruotsi ‘шведский, Швеция’; ruotsalaine ‘репейник’, ‘чертополох’, ‘бодяк ланцетовидный’, букв. ‘швед’.

saksan ‘немецкий’: saksan||heisi(||puu) ‘бузина’, букв. ‘немецкая калина’; saksan katin||nauris ‘алтей лекарственный’, букв. ‘немецкая мальва’; saksan kiere||heinä, sahan kieru ruoho ‘острица простертая’, букв. ‘немецкий вьюнок’ (kiere||heinä, kieru ruoho относятся также и к некоторым другим видам: повилике, подмареннику цепкому, дымянке лекарственной, торице полевой); saksan||kumina ‘фенхель’, букв. ‘немецкий тмин’; saksan||kuusi ‘пихта белая’, букв. ‘немецкая ель’; saksan||kärsä||heinä ‘тысяче-

листник птармика, букв. 'трава немецкой рожги'; saksan||lumme 'кувшинка', букв. 'немецкая кувшинка'; saksan||mansikka 'клубника', букв. 'немецкая земляника'; saksan||minttu 'базилик', букв. 'немецкая мята'; saksan||mispeli 'мушмула', букв. 'немецкая мушмула'; saksan||nokkonen, saksan nokkoinen 'крапива жгучая', 'крапива шариконосная', букв. 'немецкая крапива'; saksan||ohake, saksan||ohjake 'василек шероховатый', 'осот полевой', букв. 'немецкий бодяк'; saksan||raju 'ива белая', букв. 'немецкая ива'; saksan||pellava 'льнянка', букв. 'немецкий лен'; saksan pihlaja 'боярышник колючий', 'бузина', 'рябина гибридная Sorbus hybrida', 'рябина круглолистная', 'рябина финская Sorbus fennica', 'рябина шведская', 'рябинник рябинолистный', букв. 'немецкая рябина'; saksan||pähkinä(||puu) 'грецкий орех', букв. 'немецкое ореховое дерево'; saksan||saarni 'бук лесной', букв. 'немецкий ясень'; saksan||salatti 'цикорий салатный', букв. 'немецкий салат'; saksan savi||guoho 'марь белая', букв. 'немецкая лебеда'; saksan||tammi 'бук лесной', букв. 'немецкий дуб'; saksan||tee 'ромашка пахучая', букв. 'немецкий чай'.

Эстонское название мушмулы saksan||mispeli, вероятно, калька научного латинского названия *Mespilus germanica* (букв. 'то же').

tattari 'татарин, татарский': tattari 'гречиха', букв. 'татарин'.

turkin 'турецкий': turkin||kataja 'лопух', букв. 'турецкий можжевельник'; turkin||rapu 'фасоль', букв. 'турецкие бобы'; turkin||pihlaja 'спирея иволистная', букв. 'турецкая рябина'; turkin||pipruri 'паприка', букв. 'турецкий перец'.

Фитоним turkin||pipruri, по всей видимости, калькирован с русского названия **турецкий перец**, так как в других контактных языках такое название не было распространено.

venäläinen 'русский': venäläinen 'бодяк ланцетовидный', 'чертополох шиповатый', 'чертополох курчавый', букв. 'русский'.

viiron 'эстонский': viiron||raju 'ива ломкая', букв. 'эстонская ива'; viiron||puu 'ясень', букв. 'эстонское дерево'.

Названия растений, содержащие этнонимы, в карельском языке

кар. собств. *šiganan* ‘цыганский’: *šiganan*||*muila* ‘гвоздика пушистая’, букв. ‘цыганское мыло’.

кар. собств. *guočši* ‘шведский’: *guočši*||*hein’ä* ‘чертополох’, букв. ‘шведская трава’ (или эллиптическая форма *guočši*).

кар. собств. и кар. ливв. *tattari*, *tattar*, *tattar’* ‘татарин, татарский’: *tattari*, *tattar*, *tattar’* ‘гречиха’.

Названия растений, содержащие этнонимы, в вепском языке

šiganan ‘цыганский’: *šiganan*||*šig’ičein’e* ‘вереск’, букв. ‘цыганская черная смородина’.

Названия растений, содержащие этнонимы, в эстонском языке

креека ‘греческий’: *kreeka pähkliprüu* ‘греческий орех’, букв. ‘греческий орех’.

Фитоним *kreeka pähkliprüu* ‘греческий орех’ — несомненная калька русского названия растения.

kuuramaa ‘курляндский’: *kuuramaa ruosid* ‘шток-роза розовая’, букв. ‘курляндские розы’.

poğa ‘норвежский’: *poğa maran* ‘лапчатка норвежская’, букв. ‘норвежская лапчатка’; *poğamaa-hanijalg* ‘лапчатка норвежская’, букв. ‘норвежская лапчатка’.

Фитонимы *poğa maran* и *poğamaa-hanijalg* (оба — ‘лапчатка норвежская’) — вероятнее всего, являются кальками латинского названия (*Potentilla norvegica*): они впервые появляются в печатных справочных изданиях начала XX в. (1907, 1917 гг., например, КТ).

poõla ‘польский’: *poõla-härg*||*hein* ‘марьянник польский’, букв. ‘польский марьянник’.

Фитоним *poõla-härg*||*hein* ‘марьянник польский’, возможно, является калькой латинского названия растения. Г. Вилбасте

(Vilbaste) дает этот фитоним как народный, без ссылки на какой-либо говор, но со ссылкой на печатные источники: EF, ETN и КТ.

rootsi ‘шведский’: rootsikad ‘подмаренник северный’, ‘подмаренник цепкий’, (мотивировано rootsi ‘шведский’); rootsi||kuningas ‘первоцвет мучнистый’, букв. ‘шведский король’; rootsi-odrad ‘ячмень двурядный’, букв. ‘шведский ячмень’; rootsi-puna(d) ‘душица’, ‘зверобой’, ‘тимьян, богородская трава’, букв. ‘шведские румяна’; rootsi||ristik(||hein), rootsi||härja||pea ‘клевер гибридный’, букв. ‘шведский клевер’.

Название rootsi-punad ‘шведские румяна’, указывают на происхождение знаний о косметическом использовании зверобоя. Многочисленные эстонские названия зверобоя с компонентом puna, punad ‘румяна’ указывают на использование этого растения для производства косметических препаратов (в данном случае румян, но из зверобоя кустарно изготавливали и губную помаду). Подобное использование известно и у русских, и у коми.

saksa ‘немецкий’: saksa||ein ‘ромашка аптечная’, букв. ‘немецкая трава’; saksa||kadagas ‘полынь лечебная’, букв. ‘немецкий можжевеловый’; saksa||kan(n)a(||lill) ‘ромашка аптечная’, букв. ‘немецкий куриный цветок’ или ‘немецкий лютик’ — впрочем, эст. kanalill относится к десяткам растений; saksa||kan(n)a||perse ‘ромашка аптечная’, букв. ‘немецкая куриная задница’, однако, эст. kanaperse также относится ко многим растениям, чаще — ромашкам и пупавкам (эти растения, как показывают фитонимические данные, различаются слабо); saksa||kanarik ‘рябинник’, букв. ‘немецкий вереск’ (kanarik — также ‘лапчатка болотная’, ‘орляк обыкновенный’); saksa||kingad ‘башмачок настоящий’, букв. ‘немецкие башмаки’; saksa||kupud ‘кувшинка’, букв. ‘немецкие шишки’; saksa||ninn ‘фиалка трехцветная’, ‘ромашка аптечная’, букв. ‘немецкий цветок’ (ninn — также ‘зверобой’, ‘пупавка красивая’); saksa||nõges ‘ясотка белая’, букв. ‘немецкая крапива’; saksa pagana||pea ‘жабник’, букв. ‘немецкая поганая голова’; saksa||pea ‘гравилат речной’, букв. ‘немецкая голова’; saksa||püksid ‘первоцвет весенний’, ‘смолевка, хлопושка’, букв.

‘немецкие штаны’; saksa||püksi||nööd ‘короставник полевой’, букв. ‘немецкая пуговица от штанов’; saksa||rohi ‘люцерна’, букв. ‘немецкая трава’; saksa||roht ‘люцерна хмелевая’, букв. ‘немецкая трава’; saksa||saanid, saksa||saani||leht, saksa||saani||puu, saksa||saani||rohi ‘подорожник средний’, ‘подорожник большой’, букв., соответственно: ‘немецкие сани’, ‘лист немецких саней’, ‘дерево немецких саней’, ‘трава немецких саней’; saksa||sõna||jalad ‘щитовник мужской’, букв. ‘немецкий папоротник’; saksa||tanud ‘герань луговая’, букв. ‘немецкие чепчики’; saksamaa erne||puu ‘акация древовидная’, букв. ‘немецкая акация’; saksamaa haab (aab, aaw) ‘тополь белый’, ‘тополь черный’, ‘тополь бальзамический’, букв. ‘немецкая осина’; saksamaa hein ‘различные виды клевера’, ‘канареечник тростниковидный’, букв. ‘немецкая трава’; saksa(maa) kaerad ‘овес посевной’, букв. ‘немецкий овес’; saksamaa-kaste||hein ‘канареечник тростниковидный’, букв. ‘немецкий вейник’; saksamaa kõiv ‘свидина шелковистая’, букв. ‘немецкая береза’; saksamaa lepp ‘бересклет’, букв. ‘немецкая ольха’; saksamaa kringli||lill ‘календула’, букв. ‘немецкая календула’; saksamaa kukerpuu ‘жимолистость татарская’, ‘свидина шелковистая’ (‘кизил’) букв. ‘немецкий барбарис’; saksamaa kuus(k) ‘лиственница европейская’, букв. ‘немецкая ель’; saksamaa lodja||puu ‘бузина’, букв. ‘немецкая калина’; saksamaa-marja||puu ‘белая смородина’, букв. ‘немецкое ягодное дерево’; saksamaa margi ‘груша’, букв. ‘немецкая ягода’; saksamaa mänd ‘лиственница европейская’, букв. ‘немецкая сосна’; saksamaa ninn ‘зверобой’, букв. ‘немецкий цветок’ (см. также выше — saksa||ninn); saksa(maa) oblikad ‘кислица’, ‘щавель кислый’, букв. ‘немецкий щавель’; saksamaa raju ‘ракита’, ‘ива корзиночная’, букв. ‘немецкая ива’; saksamaa pedakas (pädakas, petäi; также saksa petäi) ‘лиственница европейская’, букв. ‘немецкая сосна’; saksamaa pihl (pihelgas, pihlak, pihlakas) ‘рябинник’, ‘бузина’, ‘рябина промежуточная’, ‘акация древовидная’, букв. ‘немецкая рябина’; saksamaa sara||puu ‘конский каштан обыкновенный’, букв. ‘немецкий орешник’; saksamaa-toomi||pihlakas ‘ирга круглолистная, каринка’, букв. ‘немецкая ирга’; saksamaa ärjarää ‘клевер ги-

бридный', букв. 'немецкий клевер'; saksamaa õis||puu (õitse||puu) 'бузина', букв. букв. 'немецкая бузина'.

soome 'финский': soome oblikas 'щавель ложносолончаковый', букв. 'финский щавель'.

taani 'датский': taani||puu 'конский каштан обыкновенный', букв. 'датское дерево'.

tatari 'татарин, татарский': tatari kusla||puu 'жимолость татарская', букв. 'татарская жимолость'; tatar 'гречиха'.

Фитоним tatari kusla||puu 'жимолость татарская' — по-видимому, калька немецкого (Tataren-Heckenkirsche) или латинского научного названия.

turgi, türgi 'турецкий': turgi uba 'фасоль', букв. 'турецкие бобы'; türgi||kaer (turgi||kaer/ad/), türgimaa kaer 'овес посевной', букв. 'турецкий овес'; türgi||moon 'мак восточный', букв. 'турецкий мак'; türgi||nell (näällike) 'гвоздика турецкая', букв. 'турецкая гвоздика'.

Фитоним türgi||nell (näällike) 'гвоздика турецкая' — несомненная калька русского названия гвоздики.

vene 'русский': vene||kaerad 'овес посевной', букв. 'русский овес'; vene||kapsas (vene||kapsad) 'неслия метельчатая', 'свербига восточная', 'сурепица', букв. 'русская капуста'; vene||ohakas 'бодяк ланцетовидный', букв. 'русский чертополох'; vene||rohi 'донник белый', 'донник лекарственный', букв. 'русская трава'; vene||õun 'огурец посевной', букв. 'русское яблоко'.

Интересны названия посевного овса в эстонском языке: saksa(maa) kaerad, букв. 'немецкий овес', türgi||kaer (turgi||kaer/ad/), türgimaa kaer, букв. 'немецкий овес' и vene||kaerad, букв. 'русский овес'; возможно, все эти названия относятся к каким-либо разновидностям посевного овса (в известных нам источниках этот вопрос не проясняется).

В составе большого количества названий растений в эстонском языке встречается этноним saksa 'немецкий', что выглядит естественным, учитывая исторический фон Эстонии. В то же вре-

мя в финском языке естественно было бы ожидать наличие значительного количества сложных названий растений с определительным компонентом *guotsi* ‘шведский’; против ожидания, и там наблюдается такая же картина, как в эстонском языке: большинство фитонимов рассматриваемой группы и в финском языке мотивируется словами *saksa, saksamaa* ‘немецкий’, ‘происходящий из Германии’.

Названия растений, содержащие этнонимы, в водском языке

ulkomaa ‘иностранный’: *ulkomaa||raju* ‘ветла, белая ива’, букв. ‘иностранная ива’.

võõgamaa ‘иноземный’: *võõgamaa||riiu* ‘лиственница сибирская’, букв. ‘иноземное дерево’.

Названия растений, содержащие этнонимы, в ливском языке

kri'evê ‘русский’: *kri'evê-tèj* ‘волчье лыко’, букв. ‘русский чай’.

sakšà ‘немецкий’: *sakšà-kūz* ‘лиственница’, букв. ‘немецкая ель’.

tatar ‘татарин, татарский’: *tatar* ‘гречиха’.

Названия растений, содержащие этнонимы, в эрзянском языке

baškireñ ‘башкирский’: *baškireñ ročko* ‘тростник’, букв. ‘башкирский дудник’ (MW).

ветькень ‘чувацкий’: ветькень комоля (MW: *vet'keñ komuľa*) ‘тимьян, чабрец’, букв. ‘чувацкий хмель’.

pruskoj ‘пруцкий’: *pruskoj* ‘картофель’ < рус. прусский (MW).

ruz-avañ ‘принадлежащий русской женщине’ (эрз. рузава ‘русская женщина’): *ruz-avañ kalaśa* ‘клевер луговой’, букв. ‘калач русской бабы’ (MW); *ruz-avka* ‘сыроежка’, букв. ‘русская баба’ (MW).

рузонь ‘русский’: *рузонь ландыш* ‘майник двулистный’, букв. ‘русский ландыш’.

татаравань ‘татарский’: татаравань вишпиле ‘сурепка’, букв. ‘медуница татарки’.

татар, татаронь ‘татарский’: татар опинка ‘опенок ложный’, букв. ‘татарский опенок’; татар умарь ‘шиповник’, букв. ‘татарское яблоко’; татаронь марч ‘лебеда черная’, ‘щирица запрокинутая’, букв. ‘татарская лебеда’; татаронь роза ‘мальва’, букв. ‘татарская роза’; татаронь палакс ‘пустырник’, букв. ‘татарская крапива’; татаронь салма ‘наперстянка крупноцветковая’, букв. ‘татарская галушка’; tatarin̄ t̄ikše ‘? татарская крапива’, букв. ‘татарская трава’ (MW); tatar-umafksna ‘шиповник’, букв. ‘татарский ягодный куст’ (MW); татаронь шляпа ‘поганка бледная’, букв. ‘татарская шляпа’.

Названия растений, содержащие этнонимы, в мокшанском языке

ногай ‘ногайский’: ногай палакс ‘пустырник’, ‘татарник’, ‘чертополох’, букв. ‘ногайская крапива’; ногай тише ‘пустырник’, ‘татарник’, ‘чертополох’, букв. ‘ногайская трава’.

рузавань ‘принадлежащий русской женщине’ (мокш. рузава ‘русская женщина’): рузавань панга ‘сыроежка’, букв. ‘гриб русской бабы’; рузавань пилькс ‘бересклет’, букв. ‘сережка русской бабы’.

рузонь ‘русский’: рузонь пула ‘хвощ полевой’, букв. ‘русский хвост’.

татаронь ‘татарский’: татаронь кумбарав ‘татарник’, букв. ‘татарский репейник’ (MW: tatarēn̄ kumba-ra ‘меньший вид лопуховых, татарский лопух’); tata-rēn̄ sarē-n̄ ‘очиток ?’, букв. ‘татарское мыло’ (MW); татаронь тише ‘копытень европейский’, букв. ‘татарская трава’; татаронь шляпа ‘мухомор’, букв. ‘татарская шляпа’.

Названия растений, содержащие этнонимы, в марийском языке

немыч ‘немецкий’: немыч||пурса ‘бобы’, букв. ‘немецкий горох’.

руш ‘русский’: руш||вуй||шудо ‘мелисса лекарственная’, букв. ‘русская голова (верхушка)-трава’; руш||ўп ‘ковыль’, букв. ‘русский волос’.

суас ‘татарский’: суас||пу ‘ветла’, букв. ‘татарское дерево’.

Названия растений, содержащие этнонимы, в удмуртском языке

бигер ‘татарский’: бигер||йӧл||турын ‘молочай’, букв. ‘татарский молочай’ (йӧл||турын имеет также значение ‘истод’); бигер||майтал ‘дрема белая’, ‘мыльнянка’, букв. ‘татарское мыло’; бигер||пушнер ‘крапива жгучая’, букв. ‘татарская крапива’; бигер||сиён ‘свербига восточная’, букв. ‘татарское кушанье’; бигер||сугон ‘лук-батун’, букв. ‘татарский лук’; бигер||такья ‘одуванчик’, букв. ‘татарский вид национального головного убора’; бигер||тамак ‘белена’, букв. ‘татарский табак’.

немеч ‘немецкий’: немеч||кӧжы ‘бобы’, букв. ‘немецкий горох’.

пор ‘марийский’: пор||кузё, пор||кузы ‘кислица’, ‘подорожник’, ‘щавель’, букв. ‘марийский щавель’; пор||ни ‘пикульник’, букв. ‘марийский подмаренник’ (ни также обозначает горец вьюнковый); пор||тамак ‘горец перечный’, букв. ‘марийский табак’.

зуч ‘русский’: зуч||бирды ‘пижма’, букв. ‘русская пуговица’; зуч||губи ‘боровик’, букв. ‘русский гриб’; зуч||гумы ‘свербига восточная’, букв. ‘русский дудник’; зуч||жуш ‘тысячелистник’, букв. ‘русский желудок’; зуч||чуж ‘ромашка желтая’, букв. ‘русская желтая’.

Фитоним зуч||жуш, по-видимому, является продуктом отпадения детерминанта: первоначальный вид фитонима восстанавливается нами в виде зуч||жуш||турын, букв. ‘русская трава [от] желудка’. Тысячелистник, действительно, используется в виде отвара и настойки для лечения желудочно-кишечных заболеваний

(см., например, в БФС: 248—249). В результате отпадения детерминанта (со значением ‘трава’ либо ‘цветок’), вероятно, образовался и удмуртский фитоним $\text{зуч}||\text{чуж}$.

Названия растений, содержащие этнонимы, в коми-зырянском языке

роч ‘русский’: роч гоб ‘боровик’, ‘белый гриб’, букв. ‘русский гриб’; роч гум ‘борщевик Сосновского’, букв. ‘русский дудник’; роч дука турун ‘лабазник вязолистный’, букв. ‘русский лабазник’ или ‘русская пахучая трава’; роч йӧн ‘осот полевой’, букв. ‘русский осот’.

тотарин ‘татарин’ (< рус.): тотарин йӧн ‘чертополох’, букв. ‘осот татарина’.

Перечисленные названия растений отчасти указывают на контакты языков. В частности, коми язык, который в течение долгого исторического периода находился в территориальном удалении от основных зон контактов финно-угорских языков, знает лишь фитонимы рассматриваемого типа с определяющим компонентом ‘русский’. Названия национальностей вообще не отмечаются в составе фитонимов коми-пермяцкого языка, что, по видимому, указывает на относительную географическую изолированность этноса. В то же время нельзя не обратить внимание на то, что большинство рассматриваемых в работе названий растений (две трети) приходится на финский и эстонский языки, фитонимия которых изучена и собрана несравненно лучше, чем для других родственных языках.

Мордовские языки, удмуртский язык содержат ряд сложных фитонимов, в состав которых входят названия народов-носителей контактных языков (татарского, марийского). В прибалтийско-финских языках основная масса фитонимов, образованных по данной модели, имеет в своем составе этнонимы со значениями ‘немецкий’, ‘шведский’.

В большинстве случаев оказывается, что приписываемое национальное происхождение растения или знаний о нем фанта-

стично ('датское дерево', 'шведская трава' и др.), но часто оно обоснованно: например, коми роч||- 'русский' в отношении гриба боровика определенно указывает на получение информации о его пригодности в пищу от русских переселенцев. При рассмотрении многочисленных эстонских сложных фитонимов с определяющей частью 'немецкий' выясняется, что многие обозначаемые ими растения не произрастали изначально на территории Эстонии, а завезены туда немецкими землевладельцами. Например, виды свидины (кизила) и рябинника попали в Эстонию уже в качестве декоративных растений; таким же образом распространялись в усадьбах акация, ирга, различные виды тополя и рябины.

В отношении сельскохозяйственных растений наблюдается то же явление — такие важные усовершенствованные кормовые культуры, как люцерна и гибридный клевер, несомненно, завезены в Эстонию остзейскими дворянами.

В других случаях финно-угорский фитоним калькировался с названия, уже имевшего в своем составе название национальности, например, фин. turkin||rapu и эст. turgi uba 'фасоль', букв. 'турецкие бобы' — калька названия, существующего во многих европейских языках, ср. рус. истор. турецкие бобы; фин. holanin||juur 'девясил', букв. 'голландский корень' — калька шведского словосочетания, и др. Это иногда объясняет те случаи, когда прямые контакты народов — одного, названием которого мотивирован фитоним, и другого, который такой фитоним употребляет — маловероятны или вовсе исключены.

В состав названий колючих растений — чертополоха и татарника — часто входят этнонимы-названия соседних народов: так, в волжско-финских языках в составе названий этих растений входит этноним со значением 'татарский', а в карельском языке — этноним со значением 'шведский' (ср. также рус. татарник). Репейник (лопух) имеет в финском языке название turkin||kataja 'турецкий можжевельник'.

Сходным образом, ливы называли волчье лыко (ядовитое растение) 'русским чаем' (kri'evâ-tèj). Эстонцы называли свербигу

‘русской капустой’: цветущее растение напоминает капусту (оно также относится к семейству крестоцветных), но не дает съедобных кочанов, то есть бесплодно. В этом отношении аналогией представляется и финское название льнянки *saksan||pellava*, букв. ‘немецкий лен’: это растение внешне напоминает лен, но при этом бесполезно в хозяйственном отношении. В волжско-финских языках этноним ‘татары’ появляется в названиях ягучей крапивы и ядовитых грибов — мухомора и бледной поганки. Название жабника в эстонском языке говорит само за себя (букв. ‘немецкая поганая голова’).

Удмурты и марийцы называли бобы ‘немецким горохом’. По видимому, эта модель номинации имеет заимствованный характер (от русских). Это подтверждается как будто и наличием чув. нимёс пәрси ‘бобы’, букв. ‘немецкий горох’: несмотря на полное лексическое соответствие мар. немыч||пурса ‘бобы’, мы полагаем, что в условиях русского культурного доминирования уместнее говорить о независимом калькировании русского фитонима в финно-угорские и тюркские языки в одном и том же регионе (Поволжье). Напротив, Г. Дегтярев (Дегтярев, 2002: 43) считает, что это марийское название заимствовано из чувашского языка, одновременно указывая на марийское происхождение верхнечувашского нимпёрчэ пәрси. Рус. **немецкий горох**, которое могло бы послужить источником удмуртского немеч||көжы и марийского немыч||пурса, не содержится в СРНГ или у Анненкова (Анненков, 1878), однако некоторые современные огородники, по нашим наблюдениям, называют немецким горохом фасоль.

В составе названий одного и того же растения в разных языках могут встречаться различные этнонимы, например, в названиях грецкого ореха (*Juglans regia*): рус. **грецкий орех**, фин. *saksan||pähkinä*, англ. *persian walnut*, чешск. *ořešák vlašský* (а также рус. **волошский орех**, укр. *волоський горіх* и польск. *orzecz włoski*) указывают на разные предполагаемые страны происхождения орехов: Грецию, Германию, Персию и Италию соответственно. При этом, например, балтийские названия этого растения калькированы с русского: ср. лит. *graikinis riešutas* и латышск.

griekijas valrieksts; этим путем следовал и эстонский язык, ср. эст. kreeka pähklipuu. Таким образом, в названиях одного и того же растения в двух близкородственных языках — финском и эстонском — отразились разные народные представления о его происхождении.

Вообще, появление этнонимов в составе финно-угорских названий *культурных* растений редко. Как показывают приведенные данные, этнонимы намного чаще встречаются в составе названий *дикорастущих* растений.

В языках, являющихся для финно-угорских контактными явление мотивации фитонимов этнонимами встречается также повсеместно, но, по-видимому, с разной степенью частоты. Например, в литовском языке (сведения из BVŽ) таких названий около 350 (Genelytė, 2005: 48; примеры: лит. amerikė, amerikėnė ‘ранний сорт картофеля’, grancija ‘вид комнатного цветка’, švedukai ‘белый клевер’, в то время как в изданных томах СРНГ мы обнаружили не более трех десятков примеров использования данной модели в русских говорах. В иных крупных русских диалектных словарях (например, Дилакторский) модель вообще не встречается. На материале славянских языков явление вхождения этнонимов в состав названий растений описывалось В. Колосовой (Колосова, 2009: 107–116).

В состав фитонима может входить не только этноним, но и название какого-либо региона, части света, например, фин. siperian||hernes, siperian||rapu ‘акация желтая’ или эст. kuuramaa guosid ‘шток-роза розовая’.

Таким образом, можно констатировать, что этнонимы использовались для мотивации названий растений в финно-угорских языках достаточно активно: мы обнаружили в литературе около ста пятидесяти таких наименований.

Более всего бросается в глаза обилие названий растений, в состав которых входят этнонимы со значением ‘немецкий’. Для эстонского и ливского языков это выглядит исторически оправданным, в то время как причины такого явления в финском языке не вполне ясны. Вообще, во многих случаях в рассмотренной

нами группе названий растений отразились реальные контакты народов (например, частотность компонентов со значениями 'татарин', 'татарский' в мордовских и удмуртском языках; 'мариец' / 'марийский' / в удмуртском языке).

Сокращения названий языков

англ. — английский	мар. — марийский
болг. — болгарский	мокш. — мокшанский
вепс. — вепсский	нем. — немецкий
вод. — водский	польск. — польский
ижор. — ижорский	рус. — русский
кар. — карельский (кар. ливв. — ливвиковское карельское наречие, кар. собств. — собственнo-карельское наречие)	укр. — украинский
	фин. — финский
	чешск. — чешский
коми зыр. — коми-зырянский	чув. — чувашский
латышск. — латышский	эрз. — эрзянский
лит. — литовский	эст. — эстонский

Сокращения источников

- Анненков, 1878 — *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878. 647 с.
- БФС — Ботанико-фармакогностический словарь. М.: «Высшая школа», 1990. 272 с.
- Дегтярев, 2002 — *Дегтярев Г. А.* Чувашская народная агроботаническая терминология. Чебоксары, 2002. 140 с.
- Дилакторский — *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия. По рукописи 1902 г. СПб.: «Наука», 2006. XV, 677 с.
- Колосова, 2009 — *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009. 352 с.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–48. М.; Л./СПб., 1965–2015.
- BVŽ — *Botanikos vardų žodynas.* Vilnius, 1998.
- EES — *Eesti etimoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar.* Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn, 2012. 792 lk.
- EF — *Eesti NSV flora.* I–XI, Tallinn, 1953–1984.

- ETN — Eesti taimede nimestik. “Kodumaa Õistaimede” teine täiesti ümbertöötatud trükk. Tartu, 1928. (Eesti Kirjanduse Seltsi Toimetused, nr. 23)
- Genelytė, 2005 — *Genelytė A.* Augalų pavadinimai, nurodantys augalo kilmę, augimo vietą ir žydėjimo ar vegetacijos laiką, bei jų sinonimai // *Lituanistica*. T. 62, Nr. 2. P. 46–57. Vilnius, 2005
- KT — Kodumaa taimed. Tartu, Eesti kirjanduse selts, 1917. 74 lk.
- MW — H. Paasonens Mordwinisches Worterbuch. Bd. I–V. Helsinki, 1990. 2703 s.
- Suhonen, 1936 — *Suhonen P.* Suomalaiset kasvinnimet. *Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicae Fennicae Vanamo* 7: 1. Helsinki, 1936.
- Vilbaste — *Vilbaste G.* Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised, nr. 20 (67). Tallinn, 1993. 708 lk.

I. Brodsky. Finno-Ugric Plants' Names Containing Ethnonyms

A number of plants' names in the Finno-Ugric languages are motivated with ethnonyms or contain ethnonym as a component of composite phytonym. Most of these names are known in the Finnish and Estonian languages, and also in the Udmurt language. In this article we examine about 150 phytonyms. Ethnonym which motivates the name of the plant, usually indicates it's origin (real or imaginary). In some cases plants' names containing ethnonyms appear to be calques of scientific names, which penetrated into the dialects. Keywords: Finno-Ugric languages, lexics, phytonyms, phytonymy, ethnonyms.

ВЕПСКОЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ В СООТНОШЕНИИ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ И ИСТОРИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ

Аннотация. Статья посвящена топонимам вепского происхождения на территории Юго-Восточного Обонежья. Данные языкознания в совокупности с данными археологии и историческими источниками свидетельствуют о том, что вепский язык распространился в Юго-Восточное Обонежье из Юго-Восточного Приладожья с носителями приладожской курганной культуры в X–XIII вв. и поддерживался позднее в результате миграций вепского населения с Олонецкого перешейка (XVI в.), а также продолжавшихся вплоть до начала XX в. миграций с прилегающих территорий Юго-Западного Обонежья и Северного Белозерья. При этом удельный вес вепского населения долго сохранял высокие значения. Процесс смены языка (с вепского на русский) и этнического самосознания в различных населенных пунктах не был одновременным и растянулся на довольно длительный период времени, завершившись, вероятно, в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: русский язык, вепский язык, топонимия, Обонежье, Карелия, Вологодская область, языковые контакты, этническая история, этимология.

Юго-Восточное Обонежье занимает бассейны рек Андомы, Вытегры, озер Тудозеро и Муромское, т. е. северную часть Вытегорского района Вологодской области и южную часть Пудожского района Карелии (историческую территорию Андомского и Вытегорского погостов Обонежской пятины). Площадь изучаемой территории — около 5 000 кв. км. Ее максимальная протяженность в широтном направлении составляет 100 км, в меридиональном — 60 км.

Поскольку Юго-Восточное Обонежье является смежным с современным вепским этническим ареалом, местная топонимия

прибалтийско-финского происхождения традиционно считалась вепсской.

На основании анализа антропонимов и топонимов писцовых книг возможное расселение вепсского народа в Андомском и Вытегорском погостах в конце XV – начале XVIII вв. предполагал В. В. Пименов¹.

Позднее, по результатам полевых исследований Уральского университета отмечалось, что прибалтийско-финский пласт субстратной топонимии бассейна р. Андома допускает вепские и карельские этимологии², однако топонимы вепсского происхождения на территории всего Юго-Восточного Обонежья еще не являлись предметом специального исследования.

Действительно, историко-документальные и языковые данные свидетельствуют, что на данную территорию по крайней мере с конца XV в. по XVIII вв. неоднократно мигрировали карелы, оставившие значительный «след» в топонимии Юго-Восточного Обонежья³.

Карельский «след» виден и на уровне лексики. Если лексический субстрат в центральной части Вытегорского района — вепсского (средневепсского) типа, то в южной части Пудожского района и примыкающей к ней части Вытегорского района он является вепско-карельским⁴.

При таких обстоятельствах невозможно считать топонимию прибалтийско-финского происхождения в Юго-Восточном Обонежье исключительно вепсской.

¹Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. С. 178–180.

²Гусельникова М. Л. Итоги работы топонимической экспедиции Уральского университета в Вытегорском районе Вологодской области // Финно-угорское наследие в русском языке: сб. науч. тр. Вып. 1 / отв. ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 171.

³Соболев А. И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 47–68.

⁴Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. С. 427–428, 433.

В настоящей статье мы рассмотрим небольшую часть вепского топонимического наследия края. Критерием отбора рассматриваемых топонимов является их информативность с точки зрения этноязыковых процессов в регионе, выраженная в возможности определения хронологических границ возникновения, функционирования или изменения каждого из отдельно взятых географических названий.

Такое определение возможно не для каждого топонима. Топонимы могут содержать этноязыковую информацию в случае их ранней фиксации в письменных источниках, зафиксированного изменения формы топонима в соответствии с внутренними закономерностями субстратного языка или в результате контакта языков. Кроме того, этноязыковую информацию несут топонимы, образованные по распространенным в ограниченный период времени топонимическим моделям.

Основными источниками материала для настоящей работы послужили издания писцовых и переписных книг XV–XVII вв., актов XVI в., топографические карты и планы, документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Национального архива Республики Карелия (НАРК), а также полевые записи автора, собранные им в 1996–2008 гг.

Методологической основой исследования являются работы И. И. Муллонен, ценные для нас как в плане общей проблематики (историческая и современная топонимия Карелии и смежных территорий), так и в плане методики, позволяющей дифференцировать схожие, но разные по происхождению топонимы на карельские и вепские⁵.

Далее в статье представлено несколько разделов, где приводятся и анализируются историко-документальные, археологические и собственно языковые — антропонимические, этнонимические, топонимические — свидетельства, позволяющие воссоздать

⁵Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2008. 241 с.; Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 356 с.

картину освоения Юго-Восточного Обонежья вепским населением.

1. Топонимия в соотношении с данными археологии

Археологи видят предков современных вепсов в носителях курганной культуры Юго-Восточного Приладожья. Последние проникли в X–XI вв. в Обонежье как охотники на пушного зверя, что было обусловлено интенсивным развитием меховой торговли на Волжско-Балтийском водном пути⁶, проходящем в т. ч. через р. Вытегру.

На исследуемой территории поселения с керамикой приладожского типа имелись на оз. Муромское (Муромское-III, IV, VI, VIII, VIII, IX) (Гак) и оз. Тудозеро (Тудозеро-V) (Туд)⁷.

След языка носителей приладожской курганной культуры X–XIII вв. представляет собой и вепсская -l-овая топонимия, передаваемая через русскую модель *-ичи/-ицы*⁸.

На исследуем территории выявлено 3 подобных топонима:

Гонгиницы, местность (Туд): «д. в *Сосновицах*, на усть ручейка Елисеевской, в *Гонгиницах*», 1628/1629 гг. (ПК 1628, 1850, № 44), она же — «в *Сосновицах* на усть-ручейка Алексеевской, в *Гонгиницах* тож», 1678 г. (ПК 1678, ч. 1, 14 об.–17 об.), позднее — *Гонгиницина*, 1871 г. (общее название для деревень Мелькина и Кузнецова)⁹, современное название — д. *Гонгинская* < вепс. *Hong(o)i|, в основе — древнее вепское личное имя *Hong(o)i < вепс. hong

⁶Археология Карелии / С. И. Кочкуркина, М. Г. Косменко, В. Ф. Филатова и др.; отв. ред. М. Г. Косменко, О. И. Кочкуркина Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 267, 272.

⁷Там же. С. 275; *Иванищев А. М.* Древности Вытегории // Вытегра: краевед. альм. Вып. 2 / гл. ред. Е. А. Скупинова. Вологда: Легия, 2000. С. 38.

⁸*Муллерен И. И.* Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. С. 75, 122.

⁹*Поляков И. С.* Три путешествия по Олонецкой губернии / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. М. Эпштейна. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 62.

‘сосна (обычно сухая, высокая), высохшая на корню сосна’¹⁰. Этимология подтверждается калькой *Сосновицы* и еще одним ойконимом, образующим топонимическую микросистему: в 2 км южнее *Гонгиницины* располагалась д. *Педяевщина* (Туд) (СНМ 1907: 168) < *Pedail < вепс. pedai, pedei ‘сосна’;

Степовичи / Степковичи, местность, 1563 г. (Тал) (ПКОП: 207), позднее также *Степановичи*, 1583 г. (ПКЗ: 271) < вепс. *Stepoil, где вепс. Stepoi — рус. Степан. Отметим также наличие в Степовичах д. *Патроевской*, 1563 г. (ПКОП: 207) (позднее — *Патрекеевская*, 1583 г.) (ПКЗ: 271), название которой восходит к вепсскому и карельскому личному имени Patroi, которое соответствует русскому мужскому имени *Патрикей*;

Юбеничи, покос (МакВ: Альчино) (НАРК, ф. 27, оп. 3, д. 74/664, 16) < вепс. *Hübjoil, в основе — древнее вепское личное имя *Hübjoī < вепс. hūbj ‘сова, филин’ (антропоним *Hübjoī восстановлен И. И. Муллонен как основа названия вепсской д. *Юбеничи / вепс. Hübjoil*¹¹).

Присутствие подобных топонимов говорит о наличии в X–XIII вв. поселений древних вепсов на оз. Тудозеро (Туд) и на р. Андома в районе современного с. Макачёво (МакВ) и в бассейне р. Вытегры (Тал).

Согласуется это и с археологическими данными: средневековые (IX–XII вв.) древности поселения Тудозеро-V (в т. ч. горшки ладожского типа) археолог А. М. Иванищев относит к финским древностям¹².

Отметим также, что, по всей видимости, названия *Гонгиницы* и *Юбеничи* были перенесены древними вепсами из бассейна р. Оять, где также имеются деревни с аналогичными названиями: *Гонгиничи* (Лод.; Подп) и *Юбеничи / вепс. Hübjoil* (Лод; Подп), что также свидетельствует о вепских истоках -l-овых топонимов

¹⁰Здесь и далее данные вепского языка приводятся по словарю (СВЯ), карельского языка — по словарю (ССКГК), финского языка — по словарю (БФРС), если не указано иное.

¹¹Муллонен И. И. Очерки ... С. 87.

¹²Иванищев А. М. Указ. соч. С. 38.

Юго-Восточного Обонежья, передаваемых через русскую модель *-ичи/-ицы*.

С проникновением древнего вепсского населения из Юго-Восточного Приладожья, очевидно, необходимо связывать и возникновение укреплений — Саминского и Макачевского городищ. Так, ориентировка погребений (северо-запад — юго-восток) свидетельствует о неславянском населении Саминского городища (XII–XIV вв.)¹³. Эти укрепления известны уже по самому раннему письменному источнику — писцовой книге 1563 г. как *Городище (Сам)* и *Городок (МакВ)* (ПКОП: 189, 195–196).

При этом дважды — в с. Самоино и у с. Макачево рядом с ур. *Городок* зафиксирован одноименный топоним *Линдручей*, руч. (Сам: Берег; МакВ: Желвачёво), где *Линд-* < вепс. *lidn* ‘город’¹⁴. Кроме того, в Макачево и в Самоино в близости от *Городка* и *Линдручьев* находились деревни *Загородище (Сам)*, *Загородище Антоново (Сам)*, *Подгородье (МакВ)* (СНМ 1907: 134, 166), позднее известные как *Загородская*, *Антаново* и *Подгородье*.

По нашему мнению, метатеза *Lidn- > Lind-* обусловлена сближением топоосновы со словом базовой лексики — вепс. *lind* ‘птица’, поскольку слово *lidn* ‘город’ в более позднее время могло быть утрачено местными вепскими говорами ввиду отсутствия реалии. Кроме того, стоит отметить, что именно форма *линдъ* ‘город’ употребляется в самой ранней письменной фиксации вепсского языка — вепско-людиковских заговорах XVII в.¹⁵

Таким образом, топонимические и археологические данные позволяют предполагать о:

¹³ *Песонен П. Э.* Раскопки городища у дер. Самоино // Археологические открытия 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 30.

¹⁴ *Гусельникова М. Л.* Указ. соч. С. 173; *Гусельникова М. Л.* Об определении калек в топонимии Русского Севера // Русская диалектная этимология: 3-е науч. совещание 21–23 октября 1999 г. Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. С. 17.

¹⁵ *Мызников С. А.* Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX века / сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. С. 295.

- наличию в X–XIII в. поселений древних вепсов на оз. Тудозере (Туд), на р. Андоме (МакВ), на оз. Муромском (Гак) и в бассейне р. Вытегры (Тал);
- возникновении в XII–XIV вв. на важных участках водно-волоковых путей — на реках Андоме (МакВ) и Самине (Сам) укрепленных поселений — «городков» / вепс. lidn.

2. Границы освоения территории по данным топонимии

Как показывают исследования И. И. Муллонен, приуроченные к границам водных бассейнов топонимы с основой *Пиг-*, *Пих-* и *Свят-* на территории Присвирья и Обонежья относятся к раннему вепскому топонимическому наследию, датируемому временем не позднее XI в., и восходят к вепс. *rühä* ‘святой’, в раннем значении ‘изгородь, ограда, граница’. О том, что названия с основой *Свят-* являются русскими кальками вепских оригинальных топонимов позволяет предполагать географическое положение указанных объектов¹⁶.

На исследуемой территории нами выявлены следующие топонимы с данными основами:

Пихболото, бол. (АнР: Никола) < вепс. **Pühä/so*¹⁷, где *so* ‘болото’ Болото расположено на водоразделе Балтийского (в 1 км от истока руч. Ключняк, притока р. Андомы 2-го порядка) и Каспийского морей (является истоком ручья, впадающего в р. Сойда). Таким образом, топоним маркировал границу между бассейном рек Андомы и Сойды, а позднее — между новгородским Андомским погостом и Белозерским княжеством.

Святая Вода, руч., конец XVIII в. (ПлН: Хвощевники) (ГП). Ручей относится к бассейну оз. Тудозеро (лев. пр-к Повреки), а водотоки, расположенные восточнее (менее, чем в 1 км) и южнее — к речной системе Вытегры. Таким образом, название маркирует

¹⁶Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. С. 145–155.

¹⁷Здесь и далее в сложных прибалтийско-финских названиях, переданных в латинской графике, для удобства читателя между основой и детерминантом ставится знак / (слеш).

границу между бассейнами рек Андомы и Вытегры, а позднее — между Андомским и Вытегорским погостами;

Святое, оз. (ЛадвК: Куржинская пустынь) — одно из самых верхних озер в истоках р. Андомы. Топоним обозначал границу между бассейнами рек Андомы и Водлы (в 4,5 км севернее начинается р. Сомба, приток р. Водлы), а также Балтийского (р. Андома) и Каспийского морей (в 3,5 км восточнее протекает ручей из Таборских озер, принадлежащий речной системе р. Соиды).

В свою очередь, сформировавшуюся в бассейне р. Андомы границу освоения, обозначали следующие топонимы:

Пихнос, ур. (Слоб) < вепс. *Pühä/n'em', где n'em' 'мыс'.

Свят-ручей, руч. (Зам: Носовая) (НАРК, ф. 27, оп. 3, д. 51/463, 43) < вепс. *Pühä/oja, где oja 'ручей'. Это, очевидно, современный *Укручей* (МакВ: Аркучево).

Реконструкция данной границы основана на следующих фактах. Особенностью бассейна р. Андомы является то, что «р. Андома на своем более чем 100-километровом протяжении описывает дугу и сходится верховьями с главным своим притоком р. Самина, которая сливается с ней недалеко от места впадения в Онежское озеро, замыкая тем самым круг на значительной лесной территории»¹⁸.

Эта особенность придает зеркальное сходство в освоении бассейнов рек Андомы и Самины. Своеобразная ось симметрии проходит через место слияния этих двух рек. Так, по реке Самине первые группы порогов начинаются на 13 км вверх по течению, по реке Андоме — в 15 км выше впадения Самины. Невозможность прохождения порогов на лодках, а в зимний период — на санях по льду реки обусловила появление сухопутных путей. Так, за 1,5 км до начала порогов от берега р. Самины отходит дорога к быв. с. Слобода, за 2 км до начала порогов от берега р. Андомы отходит дорога к с. Замошье. В зимнее время эти сухопутные пути вели в восточную часть бассейна р. Андомы и позволяли двигаться в Каргополье и Белозерье.

¹⁸Гусельникова М. Л. Итоги работы ... С. 170.

В районе удаления от реки каждой из дорог ранее располагались уже упомянутые укрепления — Саминское и Макачевское городища. Они охраняли участки важных водно-волоковых путей из бассейна Балтийского моря в бассейн Белого и Каспийского морей, а в случае надобности перекрывали торговые пути из Новгорода в Двинскую землю и путь вокруг Онежского озера. Средневековые источники подтверждают важность этого пути — в XVI в. «посад» Андома находился на «большой дороге, которой купцы ездят от Холмогор к Великому Новгороду»¹⁹.

Возле этих дорог на холмистых местах, удобных для ведения подсечно-огневого земледелия, не позднее второй половины XV в.²⁰ возникли самые ранние в Андомском погосте гнезда поселений водораздельного (сележного) типа — Слобода и Замошье. Возле последних и располагались ур. *Пихнос* и руч. *Святой*. Восточнее этих деревень начинались незаселенные до вт. пол. XVII–XVIII вв. земли с коренными лесами, раскорчевка которых требовала больших усилий.

Еще одним подтверждением, что граница освоения местности проходила в районе Замошья является то, что расположенная к югу от с. Замошья группа деревень на р. Андоме (немногим выше впадения Укручья) носит название *Верховье* (в состав гнезда поселений входили деревни Дорофеево, Либово, Тарасово и Теркино) (ПДА; СНМ 1894: 477).

В данном случае под *верховьем* понимались самые верхние по течению реки деревни. Верхним хронологическим рубежом появления этого названия является вторая половина XV в. — время возникновения гнезда (группы) деревень Цимино («на Кресной горе»)²¹, расположенных по р. Андоме выше Верховья.

¹⁹*Штаден Г.* Записки о Московии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Staden/frametext3.htm>

²⁰В писцовой книге 1563 г. отсутствует обязательное указание о том, что дер. в Замошье и в Слободе появились после составления писцовой книги 1496 г.

²¹В писцовой книге 1563 г. отсутствует обязательное указание о том, что дер. на Кресной горе появились после составления писцовой книги 1496 г.

Именно о вепсских, а не о карельских истоках топонимов с основой *rühä-* в Обонежье убедительно свидетельствует ареальный и хронологический анализ, проведенный И. И. Муллонен. Во-первых, данная модель отсутствует на путях карельской экспансии из Северного Приладожья в Обонежье, в то время как она хорошо представлена на путях вепсского продвижения на север. Во-вторых, ко времени карельского проникновения в Обонежье модель «святых» гидронимов утратила продуктивность в топонимии, поскольку к этому времени произошла смена значения слова *rühä* ('граница' > 'святой')²².

На бытование подобной модели в Южном Обонежье указывает и тот факт, что граница между Мегорским и Оштинским погостами (соседние с Вытегорским пог.) проходила в районе **Пигижозера* («мнтръ Кедрова пустынь на *Пигиже озере ...*», 1628–1629 гг.) (ПК 1628, 1851, № 1), где *Пиг-* < вепс. *rühä*.

В связи с изменением значения вепс. *rühä* указанные объекты стали восприниматься как сакральные. Об этом свидетельствует тот факт, что замошский руч. *Свят-ручей* имеет второе название — *Укручей*, а руч. *Святая Вода* соседствует с руч. *Укручем* (ПлН: Макридино) (последний расположен в 5 км юго-восточнее руч. *Святая Вода*). Топооснова *Ук-* в данном случае восходит не к современному вепс. *uk*, карел. *ukko* 'старик', а к имени прибалтийско-финского бога-громовержца *Ukko*.

Таким образом, судя по наличию топонимов с основой *Пих-/Свят-*, древним вепсам не позднее XI в. были известны водоразделы между бассейнами рек Андомы (басс. Балтийского моря) и Сойды (басс. Каспийского моря), оз. Тудозера и р. Вытегры (оба — басс. Балтийского моря), а граница освоения территории проходила в районе современных Замошья и Слободы.

²²Муллонен И. И. Топонимия Заонежья. С. 113.

3. Ранние письменные источники об этноязыковой ситуации

О наличии на территории Юго-Восточного Обонежья вепского (по терминологии того времени — чудского) населения указывают ранние письменные источники — жития святых. Так, о проживании в середине XIV в. рядом с будущим Муромским монастырем (Гак) некрещеных «чуди» (вепсов) и «лопмян»²³ упоминается в «Житии Лазаря Муромского». Пребывание здесь вепсов не вызывало сомнений ни у В. В. Пименова, ни у Д. В. Бубриха, несмотря на некоторые несоответствия в датах и именах данного документа и установленную С. Н. Валком подложность грамоты на владение землями²⁴.

В начале XIV в. чудским (надо полагать, вепским) было и население в бассейне р. Лёкшмы, примыкающее к Юго-Восточному Обонежью с северо-востока. Так, житие Кирилла Челмогорского — основателя Кирилло-Челмогорского монастыря в Каргополье (располагался в 45 км к северо-востоку от д. Сойдозеро) сообщает, что «не крещены жуవుще в окрестных местах, иже имяху чудский язык и веру»²⁵.

Вместе с тем отметим, что указанные сообщения о длительном сохранении в восточном Прионежье изолированных в культурном отношении групп финно-угорского населения вызывали сомнения у Н. А. Макарова. Он полагал, что оба жития составлены не ранее вт. пол. XVII в. и следовательно, восходят к устным

²³Лопяне — группа населения, вероятно, близкая саамам в языковом отношении.

²⁴Пименов В. В. Указ. соч. С. 186; Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1947. С. 24; Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. ст. / Ред. акад. А. С. Орлов. М.; Л.: АН СССР, 1937. С. 301–303.

²⁵Барсов Е. В. Преподобные Обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 гг. Ч. 3. Петрозаводск: Олоонец. губ. стат. ком., 1869. С. 22.

преданиям о чуде, а не к каким-либо оригинальным ранним источникам, впоследствии утраченным²⁶.

Однако, специальные исследования показывают, что лишь краткая редакция «Жития Лазаря Муромского» была создана около сер. XVII в., а пространные более древни — одна середины XVI в., а другая — конца XV–начала XVI в., в основе же всего лежит подлинная биография Лазаря, записанная Феодосием в конце XVI в.²⁷

Таким образом, сведения о проживании в XIV в. в Юго-Восточном Обонежье чуди (в данном случае — вепсов) заслуживают доверия.

Ранние массовые письменные источники — писцовые книги 1563 г. и 1583 г. также фиксируют на исследуемой территории следующие топонимы вепского происхождения:

Гив-ручей, руч., 1563 г. (Туд: Остров) (ПКОП: 201), позднее — *Гирвушка*, 1785 г.²⁸, *Вирбушка* (ПДА), картограф. *Вербушка* < вепс. **hir'v/oja*, где вепс. **hir'v* 'лось (*Alces alces*)'; *Гив-озеро*, оз., исток Вербушки, 1563 г. (Туд: Синяково) (ПКОП: 201), позднее — *Гербозеро* / *Ербозеро* < **hir'v/jär'v*.

При наличии карел., фин. *hirvi* 'лось', закономерно восстанавливается вепс. **hir'v* 'лось'²⁹, учитывая характерную для вепского языка утрату конечного -i, сопровождавшуюся палатализацией одной из предыдущих согласных: вепс. *jär'v* — карел., фин. *järvi* 'озеро', вепс. *sär'g* — карел. *särgi*, фин. *särki* 'плотва' (СОСД: 65).

²⁶Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука, 1990. С. 132–133.

²⁷Литвинова Н. К., Прохоров Г. М. Житие Лазаря Муромского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вт. пол. XIV–XVI вв.). Ч. 1. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. С. 288–290.

²⁸Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Б. И. Кошечкина. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 186.

²⁹В современном вепском языке в качестве названия лося употребляется русское заимствование — *los'*, в словарных материалах отмечено также *hirvoi* (SKES: 78).

Переходы [r'] и [Γ] > [й] > ø в топонимии Юго-Восточного Обонежья отмечаются неоднократно: *Sär'g/jär'v > *Сяйгозеро*, *Сягозеро*; *Kirvez/oja > *Кирьвез ручей* > *Кивезручей*; *Kal'Γ'/oja > *Кальручей* / *Кайручей*; *Šol'Γ'/laht > *Шойлахта*.

Переход *h* (γ) > *z* / *v* / ø (в последнем случае — исчезновение звука) встречается и в других топонимах Юго-Восточного Обонежья: *Pohj/jogi > **Поурека* > *Погрека* / *Поврека*; *Наку(к)s- > *Гакукса* / *Вакукса* / *Акукса*.

Кроме того, переход *Вирбушка* > *Вербушка*, вероятно, обусловлен сближением неясной основы с вепс. *virb-* 'верба (*Salix*)' и рус. *верба*.

На современной и исторической вепсской территории топооснова *Hirv(o)*- отмечена в названиях: *Гирвайсо* / *Hirvoi/so*, бол.; *Ирбоюшка* / *Ирбышка*, бол. (басс. р. Ояти)³⁰.

Кукасовская гора, холм и д., XVI в. (ПлН: Макридино): «д. Пустынка же словет на *горе Кукасовская*», 1563 г. (ПКОП: 211), она же — «пустошь, что была деревня *Кукасовская гора*, Пустынка», 1583 г. (ПКЗ: 278), «пустошь, что была дрвн *Кукасоновская гора* пустынка» (ПК 1628, 1850, № 44) < вепс. **Kukaz* < вепс. *kukaz* 'холм, горка', при карел. *kukkula*, *kukkura*, *kukkuri* 'крутая гора; холм; вершина горы или сопки' (ПФГЛК: 45). При этом первая из приведенных фиксаций содержит пример топонимического калькирования. Топооснова *Kuk(kaz)*- неоднократно встречается на современных и исторических вепсских территориях в Юго-Западном Обонежье, Присвирье, западном Белозерье³¹.

Магадрага, починок, 1563 г., позднее — *Магадраяк*, починок, 1583 г. (Вытегорский пог.) (ПКОП: 210; ПКЗ: 271) < вепс. **Magad/rajak*, где *magad* 'змея' (в карельском языке подобное обозначение змеи отсутствует), вепс. *rajak*, карел. *rajakko* 'заброшенная, заросшая лесом лесная подсека' (ПФГЛК: 77).

³⁰СГЮВП. С. 51, 61; Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 100.

³¹Муллонен И. И. Очерки ... С. 66–68.

Пянишовской, починок, 1563 г. (КЧП) (ПКОП: 210). В основе названия починка вероятно, лежит нередкий вепсский антропоним Jäniš, в свою очередь восходящий к вепс. jäniš, g'äniš, d'äniš 'заяц', при карел. jänis, карел. твер. jän'is 'заяц'.

О существовании соответствующего вепсского антропонима свидетельствует вепсская уличная фамилия Dänišahñe / рус. *Зайцев* (Прион: Шокша)³² и ойконим вепсского происхождения на р. Ножеме — *Янишево*, д. (Баб) (в данном населенном пункте использование вепсского языка зафиксировано в начале XX в.)³³.

Оба починка возникли в период с 1496 г. и 1563 г. С большей долей вероятности, основатель Пянишевского починка носил соответствующее вепсское прозвище, а житель д. Магадраяк был носителем вепсского языка, поскольку писцовая книга 1563 г. указывает: «Починок Пелте-остров *словет* Магадрага».

С основой jäniš (по крайней мере, в вепсском языковом сознании)³⁴ связывался и другой гидроним Юго-Восточного Обонежья:

Заячье озеро, оз. 1551 г. (Рядная, 272), позднее — оз. *Зайское*, конец XVIII в. (ГП), позднее — *Янишозеро* / *Янишево*, оз. (Яниш).

Таким образом, фиксируемые письменными источниками топонимы свидетельствуют о распространении вепсского языка:

- в бассейне Вытегры — в XVI в. (починки *Магадраяк* и *Пянишовской*);

³²Муллонен И. И. К истокам вепсских фамилий прионежских вепсов // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества: сб. науч. тр. по итогам Междунар. конф., посвященной 40-летию Шелтозерского вепсского этнографического музея, Петрозаводск-Шелтозеро, 30–31 октября 2007 г. / редкол.: М. Л. Гольденберг и др. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 162.

³³Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1946. S. 8–9.

³⁴Название озера может восходить и к довепс. *än- (соотносимому с саам. ædne) 'большой', оформленному вепсским деминутивным формантом -ine (основа -iže-) (Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. С. 276–277).

- на Тудозере (Туд) — в конце XVII в. (вепско-русская калька *Сосновицы / Гонгиницы* < *Hong(o)l);
- на р. Янишевке (Яниш) — позднее конца XVIII в. (русско-вепсская калька *Заячье озеро / Янишозеро* < Jäniš/jär'v).

4. Исходные места миграций носителей вепского языка

В XVI–XIX вв. вепский этнический и языковой элемент распространялся на территорию Юго-Восточного Обонежья в результате:

1. значительного притока населения на территорию Андомского погоста-округа из разоренных военными действиями погостов Олонецкого перешейка в период с 1563 г. по 1583 г.³⁵ Применительно к этому времени можно говорить о миграции носителей вепского и частично носителей карельского языка, поскольку время «карелизации» вепского населения Олонецкого перешейка (территории между Ладожским и Онежским озерами), в результате которой сформировались современные карелы-ливвики и карелы-людики, может быть определено как XVII–XVIII вв.³⁶).
2. переселений с примыкающих к Юго-Восточному Обонежью вепских территорий, обрусевших в XIX в. (Ундозеро, Куштозеро, басс. р. Кемы).

О переселении в Юго-Восточное Обонежье жителей из вепских местностей свидетельствуют следующие антропонимы и ой-

³⁵Амелина Т.П. Этнический состав населения южной Карелии в XV–XVII вв. // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — средневековье): сб. ст. / отв. ред.: С.И. Кочуркина, М.Г. Косменко. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 297.

³⁶Карелы Карельской АССР / ред. А. С. Жербин, Г.М. Керт, К. А. Морозов, Ю. А. Савватеев, И. П. Шаскольский. Петрозаводск: Карелия, 1983. С. 32; Орфинский В. П., Муллонен И. И., Винокурова И. Ю. Наука о вепсах на рубеже столетий // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н.И. Богданова): сб. ст. / отв. ред. и сост. И.Ю. Винокурова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 21.

конимы: Зенко *водлоозереи*, 1563 г., починок на Сад-озере (вероятно, Сой) (ПКОП: 199) (обрусение вепсов в Водлозерье завершилось не позднее первой трети XVIII в.³⁷); д. «Ундозерская вверх Вытегры реке словет Савина гора», 1563 г., позднее — Савино, д. (Марк) (ПКОП: 207).

Для контактов населения не было непреодолимым препятствием даже такое крупное и беспокойное озеро, как Онежское. Наоборот, в период ледостава проложенные через озеро зимники улучшали транспортную доступность. Летом озеро, хотя и с опасностью для жизни, пересекали на лодках. Временные (сезонные) миграции вепсов с западного побережья Онежского озера (Прион: Другая Река, Каскесручей) на восточное андомское побережье (Гак: Подмонастырская) с целью лова рыбы для Муромского монастыря зафиксированы в начале XX в.³⁸ Это обстоятельство позволяет не исключать возможности переселений вепсов в Юго-Восточное Обонежье с западного побережья Онежского озера с целью постоянного проживания.

5. Этнотонимные антропонимы и топонимы

О преобладании в середине XV в. в Андомском погосте-округе вепского населения можно предполагать на основании того факта, что священник Андомской церкви носил прозвище *Русин*: «Сез, вдовой священник Хрисанф Семенов сын, прозвище *Русин*, Андомской волости Никольского погоста», не ранее 1580 г. (АнС) (Данная: 148). Прозвище восходит к древнерусскому *русин* < 'русский' (СлРЯ, 22: 259).

Антропоним закрепился в названии бывшего двора («хором») священника и починка: «на погосте ж двор *Русиновъской*, а в нем живут таможенники», 1563 г. (ПКОП: 188), «в Никольском погосте в

³⁷ Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. С. 249.

³⁸ Пушкирев Н. Н. Рыболовство на Онежском озере: отчет Министру Земледелия и Государственных Имуществ: с картою, 4 графиками и 17 рисунками. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1900. С. 74.

Андомской волости у Больших ворот ... подле *русиновых хором*», 1580 г. (Закладная: 144), «починок *Русиновской* у Николы за по-лем», 1678 г. (АнС: Андомский Погост) (ПК 1678, ч. 2, 179 об.).

Подобные прозвища встречаются на территории, где веп-ское население преобладало и в XX в.: Степанко *Русинов*, 1563 г. (погост Никольский в Ярославичах — Подп: Ярославичи / вепс. Vilhal) (ПКОП: 250).

В случае преобладания русского населения прозвище Русин не могло нести адресную функцию, поскольку не отличало бы одного человека от другого по этнической / языковой принадлежности.

Кроме того, наличие прозвища Русин именно у священника наводит на параллели с более поздним временем XIX – начала XX в., когда в вепских и карельских приходах священник если и не был единственным лицом, владевшим русским языком, то часто не владел никаким другим местным языком.

В свою очередь, топонимы с основой *Вепс-* / *Вепш-*: *Вепсимох*, бол., *Вепсручей*, руч. (ЛобР: Ранина Гора), *Вепшезеро*, два одноименных озера (АнР: Варино; Речное Озеро) засвидетельствованы в местах достоверного проживания карел (Андоморецкие деревни, Лобеги и Ранина Гора) и восходят к карел. *versä*, *veršä* ‘вепс’.

С учетом времени основания деревень, указанные топонимы маркируют районы вепско-карельских контактов, причем до-вольно поздних, относящихся ко вт. пол. XVII–XVIII вв.³⁹

6. Коллективные прозвища жителей в соотношении с данными топонимии

Жителей д. Сойдозеро (Сой) и д. Корелы (ЛадвК) их соседи обидно называли *черноухими кайванами*⁴⁰ < *кайваны* — ‘в доре-

³⁹Соболев А. И. Указ. соч. С. 52.

⁴⁰Логинов К. К. Этническая история Восточного Обонежья и этнографиче-ского Заонежья // Очерки исторической географии = Historiallisen maantieteen

волюционное время — презрительное прозвище карелов и вепсов' (СРНГ, 12: 324), *кайван* 'карел, вепс' (СРГК, 2: 314).

Жителей с. Замошья (Зам) окрестное население считало «чистыми *чухарями*» (т. е. вепсами), «хотя те и отрицают свое вепское происхождение»⁴¹. Наличие указанных коллективных прозвищ свидетельствует о том, что прибалтийско-финские языки: вепский — в Сойдозере и Замошье, карельский — в Ладвозере (д. Корелы) сохранялись здесь дольше, чем в окружающих деревнях.

При этом датировать верхнюю временную границу существования вепского языка в Сойдозере позволяет следующий топоним:

Овдозеро, оз. (Сой), ранее — *Авдозеро*, конец XVIII в. (ГП), где *Овд-* / *Авд-* < вепс. *houd, haud* 'яма', при карел. *hauda* 'впадина; выбоина; углубление; яма'. Топооснова прошла ряд фонетических изменений, хорошо известных в топонимии Юго-Восточного Обонежья: переход приб.-фин. *ou* > рус. *ов*, приб.-фин. *au* > рус. *ав* (ср. *Равдручей* < **Raud/oja*, где *Raud* < вепс. *gaud*, карел. *gauda* 'железо') и утрату звука *h* (см. *Гив-ручей*). Вместе с тем этимология имеет географическое подтверждение⁴². По сообщению местных жителей, вода из озера может уходить зимой через яму на его дне и затем возвращаться обратно. Подтверждают это и научные данные, согласно которым Овдозеро — карстовое озеро с периодическими резкими колебаниями уровня воды⁴³. Важно отметить, что для русского языка переход подударного *a* в подударное *o* не характерен. Вместе с тем, переход *au* > *ou* известен

tutkielmia. Северо-Запад России. Славяне и финны / под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 367.

⁴¹Там же.

⁴²Ранее предлагалась иная трактовка топоосновы — из вепс. *oved* 'яровая рожь' (см.: Кузнецов А. В. Названия вологодских озер: словарь лимнонимов финно-угорского происхождения. Вологда: Ардвисура, 1995. С. 57).

⁴³Куликов В. С., Богачев М. А., Ильин В. А. Уникальная географическая точка России // Поморье в Баренц-Регионе: Экология, экономика, социальные проблемы, культура: Тез. докл. III Междунар. конф. Архангельск: Издат. дом «Элпа», 1997. С. 236.

большинству говоров северновепского и средневепского диалектов вепского языка (СВЯ: 744) и не отмечен в карельском. При этом важно, что указанный переход довольно поздний — он происходил не ранее конца XIX в. (в д. Каргиничи (Подп) датирован периодом 1876 г. — 1960-е гг.⁴⁴).

Как уже отмечалось, судя по наличию коллективных прозвищ, вепский язык сохранялся в районе Замошья (Зам) (басс. р. Андомы) и на Сойдозере (Сой) (басс. Кемы) более длительное время, чем в примыкающих к ним населенных пунктах. Причиной тому служила прежде всего удаленность указанных групп поселений от основных водных и транспортных путей (Замошье отдалено от крупных водоемов, Сойдозеро находится в истоках порожиистой реки Сойды). Кроме того, в отношении Сойдозера необходимо отметить возможность притока вепского населения из южной части бассейна р. Кемы, а в отношении Замошья — артельную добычу полезных ископаемых (известняка и глины), а также занятие населения гончарным производством, не способствовавшие вступлению в сельскую общину лиц из других территорий.

7. Выводы

Таким образом, данные языкознания в совокупности с данными археологии и историческими источниками свидетельствуют о том, что вепский язык распространился в Юго-Восточное Обонежье из Юго-Восточного Приладожья с носителями приладожской курганной культуры в X–XIII вв. и поддерживался позднее в результате миграций вепского населения с Олонецкого перешейка (XVI в.), а также прилегающих территорий Юго-Западного Обонежья и Северного Белозерья, продолжавшихся вплоть до начала XX в. При этом удельный вес вепского населения долго сохранял высокие значения. Процесс смены языка (с вепского на русский) и этнического самосознания в различных населен-

⁴⁴Муллонен И. И. Этнокультурный потенциал вепской топонимии // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XXIV. Под ред. П. Синисало-Катайсто и Э. Хямялайнен. Хельсинки: 2007. С. 42.

ных пунктах не был одновременным и растянулся на довольно длительный период времени, завершившись, вероятно, в XVIII–XIX вв. По крайней мере, вепсский язык использовался на Тудозере с X–XII вв. до конца XVII в., позднее XVIII в. — в верховьях Янишевки, в Замошье и Сойдозере (в последнем еще в XIX в.).

Сокращения

басс. — бассейн	пог. — погост
бол. — болото	приб.-фин. — прибалтийско-финские языки
быв. — бывший	пр-к — приток
вепс. — вепсский язык	р. — река
д. — деревня	рус. — русский язык
карел. — карельский язык (собственно-карельское наречие)	руч. — ручей
лев. — левый	с. — село
люд. — людиковское наречие карельского языка	ур. — урочище
оз. — озеро	фин. — финский язык

Сокращения словарей и источников

БФРС — *Вахрос И., Щербаков А.* Большой финско-русский словарь / под ред. В. Олыккайнен и И. Сало. М.: Живой язык, 2007. 816 с.

ГП — Генеральный план Вытегорского уезда Олонецкого наместничества. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 3262–3271.

Данная — Данная священника Никольского погоста Андомской волости Хрисанфа Семенова сына Русина Соловецкому монастырю на двор и «дворец» в Никольском погосте. — Не ранее 1580 г. сентября 1 // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. Акт № 735. С. 148–149.

Закладная — Закладная («купчая») государевых крестьян Никольского погоста Андомской волости Степана и Самсона Дмитриевых детей священнику Хрисанфу Семенову сыну Русину на двор в Никольском погосте. — 1580 г. июня 30 // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого мо-

- настыря, 1572–1584 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. Акт № 730. С. 144.
- НАРК — Национальный архив Республики Карелия. Ф. 27. Олонецкий губернский статистический комитет (1765–1925). Оп. 3. Дела 51/463, 74/664.
- ПДА — полевые данные автора.
- ПК 1628 — Писцовые книги 7136–7137 (1628–1629) гг. // Олонецкие губернские ведомости. 1850. № 44. 1851. № 1.
- ПК 1678 — Переписная книга 1678 г. Цит. по: Большой Двор (центр вотчины) — Усадище (центр поместья) — погост (центр волости) (по материалам переписей Заонежских погостов конца XV — начала XVIII вв.) (проект «Разработка геоинформационного комплекса по истории системы расселения на территории Карелии», 2011–2013 гг., рук. Жуков А. Ю. РГНФ, 11-01-12033в). Электронный ресурс. URL: <http://www.krc.karelia.ru/project.php?id=502&plang=r>.
- ПКЗ — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/1583 г. // История Карелии в XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу: [б. и.], 1993. Т. 3. С. 35–341.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / под общ. ред. М. Н. Покровского // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 254 с.
- ПФГЛК — *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1991. 158 с.
- Рядная — Рядная князей Александра, Семена, Ивана и Давида Кемских, о разделе наследственной их отчины по третьейскому приговору кирилловского игумена Афанасия // Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Археографическая комиссия, 1838. С. 272–273.
- СГЮВП — *Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 192 с.
- СНМ 1894 — Список селений в Олонецкой губернии, с обозначением наличного числа домов и жителей // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3 / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск: Тип. губерн. правления. С. 427–522.

- СНМ 1907 — Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. / сост. И. И. Благовещенский. Петрозаводск: Олонецкая губерн. тип., 1907. 326 с.
- СОСД — Сопоставительно-ономастиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 348 с.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.: Наука, 1965–2015. Вып. 1–48 (издание продолжается).
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. I–VII. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958–1981. (Lexica societatis Fenno-ugricae XII).

Сокращения географических названий

- АнР — Андома-река (Андоморецкие деревни), Андомский погост⁴⁵
- АнС — Андома (село), Андомский погост
- Баб — Бабаевский район Вологодской области
- Выт — Вытегорский район Вологодской области
- Гак — Гакукса / Гакугса и Муромский монастырь, Андомский погост
- Зам — Замошье, Андомский погост
- КЧП — Кудома, Чекша, Палозеро, Вытегорский погост
- ЛадвК — Ладвозеро и Курженское Озеро, Андомский погост
- ЛобР — Лобеги и Ранина Гора, Андомский погост
- Лод — Лодейнопольский район Ленинградской области
- МакВ — Макачево и Верховье, Андомский погост
- Марк — Марково, Вытегорский погост
- ПлН — Плоские Нивы, Вытегорский погост
- Подп — Подпорожский район Ленинградской области
- Прион — Прионежский район Республики Карелия
- Сам — Самоино, Андомский погост
- Слоб — Слобода, Андомский погост
- Сой — Сойдозеро, Андомский погост
- Тал — Талица, Вытегорский погост
- Туд — Тудозеро, Андомский погост

⁴⁵Названия групп и гнезд поселений Юго-Восточного Обонежья приводятся по состоянию на конец XIX – начало XX в.

A. Sobolev. Veps Heritage in the Toponymy of the Southeastern Lake Onega Area in Correlation with Archaeological and Historical Sources

The article focuses on toponyms of Veps origin on the territory of Southeastern Lake Onega region. The linguistic, archaeological and historical evidence made by the author indicate that the Veps language was brought to the territory of the Southeastern Lake Onega region from the Souththwestern Lake Ladoga region by bearers of the Ladoga burial mound culture in 10–13th century and was maintained during the migrations of Veps population from Olonets Isthmus (16th century), and also from adjoining territories of Southwestern Lake Ladoga region and Northern Lake Beloye region, that lasted till the beginning of 20th century. In addition, the quantity of Veps population remained very high for a long time. The process of language shift (from Veps to Russian) and ethnic identity in different settlements was not simultaneous, extended for a long period of time and ended, presumably, in 18–19th centuries.

Keywords: Russian language, Veps language, toponymy, placenames, language contacts, ethnic history, lake Onega region, Karelia, Vologda region.

СЛОВАРЬ ТОПОНИМИИ И МИКРОТОПОНИМИИ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Аннотация. В статье обсуждается необходимость создания словаря топонимии и микротопонимии Ингерманландии. Рассматриваются источники для этого словаря: картотека топонимов, топонимическая база данных и научно-образовательный веб-ресурс по топонимии Ингерманландии. Описаны общие принципы составления словаря и структура словарной статьи. Приводятся образцы словарных статей.

Ключевые слова: топонимия, микротопонимия, Ленинградская область, Ингерманландия, топонимическая база данных, топонимический словарь.

Материалы топонимической картотеки кафедры математической лингвистики СПбГУ содержат географические названия западной части Ленинградской области и южной части Республики Карелия. Картотека насчитывает более 30000 единиц хранения, собранных за 35 лет экспедиционной работы сотрудников и студентов кафедры¹.

Часть этих материалов уже легла в основу «Словаря гидронимов юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь»² и некоторых других научных исследований и изданий. Топонимия и микротопонимия Волосовского, Волховского, Гатчинского, Кингисеппского, Киришского, Лодейнопольского, Ломоносовского, Лужского и Тихвинского районов Ленинградской области составляет значительную часть картотеки и войдет в новый словарь, ко-

¹ *Николаев И. С., Азарова И. В., Герд А. С.* Свод топонимов Ленинградской области в Санкт-Петербургском государственном университете // Топонимический журнал. Материалы II городской Топонимической конференции 14 февраля 2005 года. СПб., 2005.

² *Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь. СПб.: Изд. СПбГУ, 1997.

торый готовится на кафедре математической лингвистики авторами этой статьи.

Почти все перечисленные районы относятся к так называемой историко-культурной зоне Ингерманландии, которая формировалась на протяжении нескольких столетий в результате межэтнических контактов славянских, германских и прибалтийско-финских народов. Для Ингерманландии характерно то, что по ее территории с давних времен перемещались границы государств: России, Швеции, Финляндии и Эстонии. Окончательно эти границы установились только в середине XX века, но до этого один или даже два раза в столетие происходило изменение государственных границ, которое приводило к изменению формы управления территории, официального языка, официальной религии, а также национального и языкового состава населения Ингерманландии³.

Эти земли находились вначале под властью Новгородской республики, затем — Московского княжества, в течение многих десятилетий в составе Шведского королевства, потом — Российской империи и Великого княжества Финляндского, в начале XX века были разделены между СССР, Финляндией и Эстонией. Только во второй половине XX века вся территория Ингерманландии вошла в состав Советского Союза как часть РСФСР, и в настоящее время входит в границы Российской Федерации.

В результате таких непрерывных политико-экономических преобразований происходили значительные демографические изменения. Изначально в Ингерманландии преобладали коренные народы прибалтийско-финской языковой группы: воть, ижора, вепсы и карелы. Затем в XVII веке на этой территории появились многочисленные финские переселенцы из соседней Финляндии: эуремейсцы и саваковцы. С началом строительства Санкт-

³Азарова И. В., Герд А. С., Николаев И. С. Корпус данных в проекте «Комплексная модель формирования культурного ландшафта и историко-культурной зоны Ингерманландии на Северо-Западе России по данным топонимики» // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2006», 11–14 октября 2006 г. СПб., 2007.

Петербурга еще более значительное количество русского населения переехало из соседних и внутренних областей России. Еще в XIX веке сохранялся баланс между количеством прибалтийско-финского и русского населения, между прибалтийско-финскими и русским языками. Но череда катастрофических, прежде всего для коренного населения, войн XX века привела к существенному сокращению прибалтийско-финских народов и к утрате многими местными жителями местных прибалтийско-финских языков.

Все эти события не могли не отразиться на характере географических названий. В топонимии Ингерманландии сейчас можно встретить названия ижорского, водского, финского, эстонского, немецкого, шведского и русского происхождения. Причем на некоторых территориях, на которых до сих пор проживают носители коренных языков, существуют параллельно названия географических объектов на русском и на старом местном языке.

Урбанизация Ленинградской области в последние десятилетия приводит к перераспределению городского и сельского населения. Сельское население в городских поселках становится городским, никуда не переезжая, а лишь переселяясь из частных домов в многоквартирные. Частные дома перестраиваются под дачи для городских жителей, которые проводят в них всего несколько месяцев, не интегрируясь с местным населением. В результате происходит утрата значительного количества микротопонимов, прежде всего связанных с традиционными сельскими занятиями и промыслами для личных нужд: выпасом скота, заготовкой сена, посевом сельскохозяйственных культур, рыболовством и лесозаготовками. В микротопонимии жителя сельского поселения городского типа начинают преобладать названия городских объектов: улиц, магазинов, парков и скверов. При этом основные системообразующие топонимы — названия деревень, рек, озер, болот, дорог, лесов — сохраняются хорошо.

Именно поэтому нам представляется важным включить в топонимический словарь не только собственно топонимы, но и максимально большое число микротопонимов, собранных в полевых

экспедициях в основном у представителей местного сельского населения.

В процессе создания словаря необходимо уточнить границы исследуемой территории. Южная граница Ингерманландии проходит по рекам Оредеж и Луга, западная и северная совпадает с линией побережья Финского залива, затем северная — по реке Сестре и по южному побережью Ладожского озера, восточная — по реке Волхов. Данные топонимики указывают, что именно в этих границах сформировалось ядро Ингерманландской историко-культурной зоны⁴. Данные других источников — географических, исторических и археологических в целом подкрепляют эту точку зрения. Тем не менее, следует дополнительно уделить особое внимание изучению топонимии пограничных контактных территорий с тем, чтобы скорректировать в достаточной степени условные границы историко-культурной зоны Ингерманландии.

За последние десять лет на кафедре математической лингвистики СПбГУ была создана автоматизированная база данных по топонимике Ингерманландии, в которую были перенесены оцифрованные данные топонимической картотеки⁵. Топонимическая база данных позволяет эффективно заносить, хранить и обрабатывать данные, в том числе и через удаленный веб-интерфейс. Появилась возможность автоматизированного поиска и выгрузки данных из базы, в том числе в виде словарных статей в заданном формате. Это позволило ускорить подготовку Словаря топонимов Ингерманландии.

⁴Герд А. С., Азарова И. В., Дмитриев А. В., Николаев И. С., Федоров С. А. Автоматизированная база данных по топонимии как основа модели формирования историко-культурного ландшафта Ингерманландии // Труды Международной конференции «Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте». Петрозаводск, 2007. С. 143–154.

⁵Там же; Николаев И. С., Азарова И. В., Дмитриев А. В., Герд А. С., Федоров С. А. Типовые запросы в базе данных по топонимии Ингерманландии и их практическая реализация // Материалы XXXVI международной филологической конференции 12–17 марта 2007 года. Выпуск 10. Прикладная и математическая лингвистика. СПб., 2007. С. 74–84.

Кроме того, был создан научно-образовательный веб-ресурс «Топонимия Ингерманландии (Ленинградская область)», который размещен в сети Интернет⁶. Этот веб-ресурс предназначен для ознакомления студентов с топонимической базой данных, удаленного ввода данных через веб-интерфейс, для редактирования материалов базы данных, а также для исследовательской работы с топонимическими данными.

Информация, которая будет включена в словарь, соответствует основным данным бумажной картотеки и электронной базы данных. Она включает:

1. название объекта в орфографической записи с указанием ударения;
2. тип географического объекта;
3. привязку к ближайшему населенному пункту;
4. официальное название сельского поселения — минимальная единица административного деления Ленинградской области, с которым связан указанный в п.3 населенный пункт;
5. официальное название административного района, в который входит сельское поселение;
6. информацию о вариантах названия на русском или других языках.

Информация о географических координатах объекта не заносилась в картотеку. Вместо этого использовалась система прибли-

⁶Герд А. С., Дмитриев А. В., Николаев И. С., Столяров Д. А. Научно-образовательный веб-ресурс «Топонимия Ингерманландии (Ленинградская область)»: перспективы исследования // Структурная и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник. Вып.9 / Под. ред. А.С. Герда. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 148–158; Nikolaev I., Stolyarov D. Linguistic Information System of Multicultural Russian-Fennic Region of Ingermanland // Proceedings of International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014). P. 131–137.

зительной привязки к ближайшему населенному пункту или иному географическому объекту. В базе данных была предусмотрена привязка к географическим координатам, но она не была реализована, так как точные данные в первоисточнике-картотеке отсутствовали. Поэтому было принято решение не использовать географическую систему координат в топонимическом словаре, а ограничиться относительной привязкой к ближайшему населенному пункту.

Рассмотрим структуру типовой словарной статьи словаря топонимов Ингерманландии:

1. Топоним или микротопоним;
2. Тип объекта;
3. Название населенного пункта, в котором объект расположен или название ближайшего населенного пункта;
4. Название муниципального образования (сельского поселения);
5. Название района Ленинградской области.

Словарная статья может содержать либо всю указанную выше информацию, либо содержать отсылку к другой словарной статье.

Варианты названия объекта (топонимы или микротопонимы) приводятся через запятую в алфавитном порядке (**Савельев колодец**, **Савин колодец**). В последующем, если объект уже имеет соответствующую словарную статью, варианты названий объекта имеют отсылку к этой словарной статье («*то же, что Савин колодец*»). Одинаковые названия разных объектов помечаются надстрочными индексами:

Садóвая ўлица¹ *улица* • Глажевское : Глажево, Кир.

Садóвая ўлица² *часть деревни* • Котельское : Удосолово, Кинг.

Садóвая ўлица³ *улица* • Куземкинское : Б. Куземкино, Кинг.

Топоним (или микротопоним) выделен жирным шрифтом и тип объекта выделен курсивом, между ними стоит пробел. Последующие названия населенного пункта, муниципального образования и района отделены друг от друга стандартными разде-

лителями (кружок •; двоеточие : и запятая ,). Названия муниципальных образований могут быть сокращены, названия районов приводятся в сокращении (см. образцы словарных статей).

ОБРАЗЦЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ

- Са́ари *берег* • Куземкинское : Б. Куземкино, Кинг.
Саарини́тью *покос* • Усть-Лужское : Лужицы, Кинг.
Сава́льское *кладбище* *кладбище* • Лопухинское : Лопухинка, Лом.
Саванкю́ля *деревня* • Сяськелевское : Сяськелево, Гатч.
Са́ввин *пруд* *пруд* • Кобринское : Высокоключевой, Гатч.
Са́ввичев *дом* *дом* • Кисельнинское : Кисельня, Волх.
Саве́льев *колодец*, Са́вин *колодец* *колодец* • Котельское : Арболово, Кинг.
Саве́нковский *колодец* *колодец* • Морозовское : Морозово, Волх.
Са́виаца *часть деревни* • Усть-Лужское : Лужицы, Кинг.
Са́вин *колодец* *то же, что Савельев колодец*
Са́га *дом* • Усть-Лужское : Лужицы, Кинг.
Са́д Ко́ппоса, Ко́ппаса *сад* • Лопухинское : Лопухинка, Лом.
Садова́я *деревня* *поселок* • Гостилицкое : Гостилицы, Лом.
Садо́вая *у́лица*¹ *улица* • Глажевское : Глажево, Кир.
Садо́вая *у́лица*² *часть деревни* • Котельское : Удосолово, Кинг.
Садо́вая *у́лица*³ *улица* • Куземкинское : Б. Куземкино, Кинг.
Садо́водство “*Нива*” *садоводство* • Лопухинское : Лопухинка Лом.
Са́ккалова *гора* *возвышенность* • Пустомержское : Б. Пустомержа, Кинг.
Са́ккелен Ю́кон Та́ло *дом* • Усть-Лужское : Лужицы, Кинг.

Сокращения

Б. — Большое

Волх. — Волховский район

Гатч. — Гатчинский район

Кинг. — Кингисеппский район

Кир. — Киришский район

Лом. — Ломоносовский район

I. Nikolayev, A. Gerd. **Vocabulary of Toponyms and Micro-toponyms of Ingermanland**

The authors of the article discuss the importance of the vocabulary of toponyms and micro-toponyms of Ingermanland. The sources for the vocabulary — card-file, toponymic database and research and educational web-resource — are considered. General principles of the vocabulary compilation and the structure of its entry are outlined. Finally, samples of the vocabulary entries are given.

Keywords: toponyms, micro-toponyms, Leningrad region, Ingermanland, toponymic database, toponymic vocabulary.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГОВОСТИ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. Рассматривается словообразовательная категория залоговости диалектных глаголов в вологодских говорах, выявляются семантические модели актантной деривации глаголов, отглагольных имен существительных и прилагательных в словообразовательной системе данных говоров.

Активное преобразование субъектно-объектных отношений исходных диалектных глаголов вызвано мобильностью их лексических значений, зависимостью их от контекста употребления в устной речи. Эти процессы в основном характерны для переходных глаголов физического воздействия и свидетельствует о сохранении в современных вологодских говорах архаичных функционально-семантических особенностей глагольной лексики, связанных с их семантическим синкретизмом.

Ключевые слова: вологодские говоры, словообразовательная категория залоговости, субъект действия, объект действия, актантная деривация, семантические модели преобразования.

В типологической и функциональной грамматике функционально-семантическая категория залоговости, отражающая отношения действия к его субъекту и объекту, достаточно хорошо изучена¹. В меньшей степени грамматическая категория за-

¹Данков В. Н. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола. М., 1981; Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007; Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность. М., 2006; Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978; Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981; Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971; Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991; Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979; Храковский В. С. Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978; Ченасова А. М. Категория

лога исследована в русских народных говорах². В силу сложности категории залога, существуют значительные расхождения в терминологии и интерпретации языковых фактов. Данная статья посвящена рассмотрению деривационных процессов в глагольном и отглагольном словообразовании, связанных с выражением залоговости как семантической категории. Предпосылкой для такого направления исследования является положение, согласно которому семантическая структура производного слова обладает скрытой предикативностью, в силу чего она отражает актантную структуру обозначаемой ситуации. Исходя из этого, можно говорить о существовании актантной деривации различного типа на словообразовательном уровне языка. Термин **актантная деривация** используется в современных типологических исследованиях залога и близких к нему явлений³. Он обозначает «изменения в составе и/или референциальных свойствах участников ситуации, то есть семантические преобразования исходной структуры»⁴. В. А. Плунгян считает необходимым различать собственно залог и актантную деривацию. Основное различие между ними он видит в том, что «залоговые преобразования изменяют прагматическую интерпретацию ситуации, но никогда не затрагивают её собственно семантическую интерпретацию». «Напротив, именно изменения в составе и / или референциальных свойствах

залога и возвратности русских процессуальных единиц. Челябинск, 2004; Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962 и др. работы.

²Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972; Игнатович Т. Ю. Восточнозabayкальские говоры севернорусского происхождения в синхронном и диахроническом аспектах (на материале фонетики и морфологии). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2013; Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971; Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953; Родина М. А. Говор села Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012; Яцкевич Л. Г. Очерки морфологии вологодских говоров. Вологда, 2013.

³Чейф У. Значение и структура языка. Пер. с англ. М., 1975. С. 139–161; Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003. С. 191–224.

⁴Плунгян В. А. Указ. соч. С. 208.

участников ситуации, т. е. семантические преобразования исходной ситуации, являются определяющим признаком актантной деривации»⁵. Автор добавляет, что «перераспределение коммуникативного ранга, составляющее основное содержание залоговых преобразований, как правило, имеет место и при актантной деривации» как сопутствующее явление⁶. Предшественником подобного направления описания залоговых отношений был А. А. Потебня⁷.

Мы исходим из того, что для описания словообразовательной категории залоговости нельзя учитывать только статическую логико-семантическую интерпретацию обозначенной ситуации. Актантные роли очень подвижны и взаимосвязаны в реальных ситуациях, что, в свою очередь, находит отражение в залоговой семантике производного слова. Степень активности действия также колеблется, о чем писал в свое время еще А. А. Потебня⁸. Все это обусловило тот факт, что с процессом актантной деривации связано значительное количество семантических моделей выражения залоговости в словообразовательной системе русского языка, в частности в вологодских говорах. Методика их описания в данной статье строится на учете следующих показателей:

- типы актантов обозначенной ситуации в семантической структуре производящего и производного слов: 1) субъект (агенс) и объект (пациенс) действия, 2) рефлексивные субъект=объект (агенс=пациенс), 3) взаимные (реципрок) субъект \leftrightarrow объект (агенс \leftrightarrow пациенс);
- наличие или отсутствие субъекта или объекта в семантической структуре производящего или производного слов;

⁵Плунгян В. А. Указ. соч. С. 208.

⁶Плунгян В. А. Указ. соч. С. 221.

⁷Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. М., 1977. С. 257. См. также: *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. С. 617.

⁸Потебня А. А. Там же.

- направление семантического преобразования субъектно-объектных отношений действия в словообразовательной паре;
- степень активности действия, обозначенного производящим или производным глаголом;
- характер отношений между субъектом и объектом действия в производящем и производном словах;
- наличие или отсутствие изменения предметно-логического содержания производящего в лексическом значении производного слова.

Объектом исследования избрано глагольное и отглагольное словообразование вологодских говоров, поскольку, по нашим наблюдениям, в данных говорах, с одной стороны, сохраняются архаичные типы актантной деривации, и, с другой стороны, проявляются её активные типы, характерные для современного русского языка в целом.

Основным источником для наблюдения послужил «Словарь вологодских говоров»⁹, кроме этого, привлекались данные Картотеки диалектных слов деревни Квасюнино Шекснинского района Вологодской области¹⁰.

Целью нашего исследования является описание семантической и структурной политипологичности словообразовательной категории залоговости в вологодских говорах. В статье рассматриваются семантические модели словообразовательного выражения залоговости различными способами и средствами. Кроме морфемного способа, учитывается также семантический способ деривация, который широко распространен в диалектной речи.

⁹Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / Ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. Вологда, 1983–2007.

¹⁰Картоотека Словаря деревни Квасюнино (хранится на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникаций Вологодского государственного университета).

1. ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1.1. Внутриглагольная деривация

1.1.1. Субъектно-объектное действие > субъектно-безобъектное действие (личный переходный глагол > личный непереходный глагол). Данный деривационный процесс имеет несколько семантических разновидностей в зависимости от характера преобразования лексического и грамматического значений глагола.

1.1.1.1. Переходные глаголы становятся непереходными при метонимическом употреблении и утрате объекта действия: *парить* 'высидивать цыплят' (*Она каждый год парит цыплят*) > *парить* 'не нести яиц, проявляя беспокойство, собираясь высидивать цыплят' (*Вот запарила курица*).

1.1.1.2. Переходные глаголы становятся непереходными при переносном метафорическом употреблении: *пазгать* 'бить, колотить, делать что-либо с силой, с особой интенсивностью' (*Она как начала всё пазгать, только пыль стоит!*) > *пазгать* 'быстро ехать, передвигаться' (*Вон как машины пазгают*), 'сильно, интенсивно гореть' (*Ужас, как огонь-то пазгает*), 'резко отталкиваясь, прыгать' (*Лицо зажимают да и пазгают в воду*); *похвостать* 'похлестать, постегать' (*Тятя мня похвостал крапивой за то, что топор на улице оставил*) > *похвостать* 'стремительно, с силой политься' (*Вода-то из кадки как похвоцет*), 'побежать' (*Глико, опеть в магазин Катюха похвостала!*).

1.1.1.3. Переходные глаголы становятся непереходными при оксюморонном употреблении, когда его лексическое значение меняется на противоположное: *подладить* 'сделать пригодным, наладить' (*Над научиться и плуг-от подладить, чтоб пахал*) > *подладить* 'сделать непригодным, подстроить' (*Возьмут да и подладят тебе в игре так, что все смеются на посиденках*).

1.1.1.4. Переходные глаголы становятся непереходными, при этом возникают конверсивные пары: *обурочить* 'сглазить' (*Обурочил меня, наверно, кто-то, голова болит*) > *обурочиться* 'под-

вергнуться влиянию дурного глаза' (Я, наверно, сёдни обурочилась: и голова болит, и разбита вся); оквасить 'сделать кислым, проквасить' (Молоко-то и оквасила, забыла на сарай вынести) > окваситься 'стать кислым, прокиснуть' (Суп-от уж оквасиўсё); окстить 'совершить обряд крещения, окрестить' (Поп-то и говорит: окужу его Харитоном) > окститься 'принять обряд крещения' (Окстилась дочь, была некишюная).

1.1.2. Субъектно-безобъектное действие > субъектно-объектное действие (личный непереходный глагол > личный переходный глагол).

1.1.2.1. Непереходный глагол становится переходным без изменения лексического значения при появлении в контексте объекта действия: печаловать 'беспокоиться, заботиться о ком-чемлибо' (Перестань печаловать, пускай сами живут) > печаловать 'жалеть кого-то' (Я Маишку-то печалую: одна она ведь теперь); перемешкать ' подождать' (Девки, перемешкайте, не уходите, я вам мялку ещё покажу) > перемешкать 'переждать что-либо' (Перемешкайте дождь-то, посидите дома у меня); побаять 'поговорить, потолковать' (Люди-то побаяют и перестанут) > побаять 'порассказывать' (Баушка, побай чего-нибудь про старое); поухать 'некоторое время издавать звуки в лесу, привлекая чье-то внимание' (Поухаю ещё, может, и услышат) > поухать 'некоторое время голосом, специальными возгласами приглашать приблизиться или откликнуться' (Пусть меня поухают, домой-то пойдут дак).

1.1.2.2. Непереходный глагол становится переходным, при этом возникают конверсивные пары: охолонуть 'остыть, стать холодным' (Дай воде-то охолонуть, а то доўго ли обожгёшься) > охолонуть 'остудить, охладить' (Охолони яйца-то, худо будут чиститься горячие); обряцить 'упасть' (Надо же обряцить-то было, а ведь вроде и не скользко на дороге) > обряцить 'опрокинуть, уронить' (Лешак тебя, видно, обряцил).

1.1.2.3. Непереходный глагол становится переходным при метонимическом изменении лексического значения (производство звука > действие, сопровождаемое этим звуком): поборкать 'из-

дать звук, стук' (*Колоколо, колоколец поборкает — это выход на работу*) > *поборкать* 'помолоть' (*Овёс-то поборкаешь и испечёшь лепёшек*).

1.1.3. Субъектно-объектное действие > бессубъектно-объектное действие (личный переходный глагол > безличный переходный глагол).

1.1.3.1. Личный переходный глагол становится безличным переходным без изменения лексического значения исходного слова при устранении в контексте субъекта действия: **исиадрить* 'покрыть язвами, изрыть оспой' (**Осна исиадрила лицо*)¹¹ > *исиадрить* 'покрыть язвами, изрыть оспой' (*Боиссе, чтобы не исиадрило личо-то*); **калить* 'палить, жечь' (**Ну и калит солнце-то*) > *калить* 'о сильной солнечном жаре: палить, жечь' (*Ну и калит солнцем-то*), **иссечь* 'сделать грубым, шершавым, покрыть трещинами' (**Лён иссёк все руки*) > *иссечь* 'сделать грубым, шершавым, покрыть трещинами' (*Все иссекёт руки ото льну*); *обрать* 'уничтожить' > *обрать* 'уничтожить огнём' (*За два с половиной часа две деревни обрало, такой пожар был*).

1.1.3.2. Личный переходный глагол становится безличным переходным при контекстуальной конкретизации лексического значения: *искобенить* 'сильно искривить, сделать косым, несимметричным' (*Он новые-то двери сделал нам да искобенил их, плохо закрываются*) > *искобенить* 'сильно искривить, сделать косым, несимметричным' (*У нас весь пол искобенило*), 'согнуть, свести, скорчить' (*Искобенило руки мои*); *исперевечить* 'перекрутить, сильно спутать' (*Чово-то вся верёвка исперевечена?*) > *исперевечить* 'перекрутить, сильно спутать' (*Уж больно и витер-то большой был, всё бельё исперевечило*); *перевести* 'испортить, повредить' (*Кисель сварила, дак и блюдце перевела*) > *перевести* 'скорчить, скрючить, изуродовать' (*Все пальчики перевело*).

1.1.3.3. Личный переходный глагол становится безличным переходным при переносном метафорическом употреблении: *катать* 'вращая, двигать какой-либо предмет' > *катать* 'о болез-

¹¹Знаком * обозначены реконструируемые формы и их употребление в тексте.

ненном состоянии' (*Катает меня перед дождём*); *перебить* 'повредить' > *перебить* 'обморозить, повредить морозом' (*Ноги-то все перебило — холодно*); *перевернуть* 'резко измениться' > *перевернуть* 'одолевать, овладеть (о болезни)' (*Старуху опять перевернуло*); *повалить* 'положить кого-, что-либо' (*Повали робёнка-то, кому говорю*) > *повалить* 'о состоянии болезни, при котором приходится лежать в постели' (*Вымоюсь сегодня, а завтра меня опять повалит*); *перенять* 'задержать, взять, настигнув или встретив' (*Она-то и переняла тут его у Лиды-то*) > *перенять* 'об ощущении внезапной сильной боли' (*Меня как переняло, дак еле дошла*).

1.1.4. Субъектно-объектное действие > бессубъектно-безобъектное действие (личный переходный глагол > безличный возвратный глагол). Личный переходный глагол становится безличным возвратным глаголом без изменения лексического значения исходного слова при устранении в контексте субъекта действия: *обратить* 'собрать что-либо' (*Всю бруснику обрали*) > *обратиться* безл. 'убрать, собрать' (*Соку-то сколь много. Не обратись*).

1.1.5. Субъектно-безобъектное действие > бессубъектно-безобъектное действие (личный непереходный глагол > безличный непереходный глагол): *кануть* 'протечь, просачиваясь проникнуть' (*Нигде вода-то не канет*) > *кануть* 'протечь, просачиваясь проникнуть' (*У меня уж нигде не канет: крыша у меня тесовая*); *воссиять* 'засверкать (о вспышках молнии)' (*Вон сегодня молнии воссияли*) > *воссиять* 'засверкать (о вспышках молнии)' (*Вон как вчера в небе воссияло, так и осветилось всё*).

1.1.6. Бессубъектно-объектное действие > безобъектно-субъектное действие (безличный переходный глагол > личный возвратный глагол): *издурнить* 'искалечить, изуродовать' (*Его как издурнило, дак думали, что жив не останёцце*) > *издурниться* 'стать некрасивым, подурнеть' (*Она вся эдак издурнилась*); *искобенить* 'согнуть, свести, скорчить' (*От болезни, радикулиту, искобенило, извело её всю*) > *искобениться* 'изогнуться, принять неестественную позу' (*Она упала, да, видно, спину хорошо ушибла, дак вся искобенилась*); *искобенить* 'сильно искривить' (*Искобе-*

нило крышку-то от горячей воды) > *искобениться* 'сильно искривиться' (*Плеснула в миску кипятку, так крышка и искобенилась*).

1.1.7. Субъектно-объектное действие > возвратное взаимно-субъектное действие (личный переходный глагол > личный возвратный глагол, реципрок). Глаголы обозначают «взаимодействие субъекта и объекта как производителей и объектов процесса»¹²: *пазгать* 'бить, колотить' > *пазгаться* 'драться', 'ругаться, браниться'; *переведасть* 'узнать, изведать на собственном опыте, испытать' (*За всю жизнь всё переведала*) > *переведасться* 'разузнать друг о друге' (*Вначале вот переведасться надо, а уж потом и в гости ехать*); *поухватывать* 'пообнимать' (*Да, поухватывал он меня, любил дак*) > *поухватываться* 'обниматься некоторое время' (*Вот давай-ко подролимсё да поухватываемсё*); *почеломкать* 'поцеловать' > *почеломкаться* 'поцеловаться' (*Почеломкаются все, когда встречаючка*).

1.1.8. Субъектно-безобъектное действие > возвратное взаимно-субъектное действие (личный непереходный глагол > личный возвратный глагол, реципрок): *ехать* > *объехаться* 'разъехаться, не встретившись в пути' (*Я и подумала: вдруг разъедемся, поедут они ко мне, а я к ним*); *петь* > *спеваться* 'знакомиться на вечеринке благодаря исполнению песен' (*Раньше спевались на песнях. Он тебе песню споёт про любовь, и ты её отпеваешь*); *шаборить* *'шуршать, шуметь' > *шабориться* 'обниматься' (*На сеновале вчера шаборились*); *гостить* > *перегащивать* 'гостить друг у друга' (*В рождественские каникулы перегащивали друг у друга*) > *перегащиваться* 'гостить друг у друга' (*Раньше мы с ними перегащивались*); *подладить* (разг.) 'приноровить, приспособить к кому-, чему-нибудь' > *подлалиться* 'найти взаимопонимание, сработаться, приноровиться' (*Директор школы и учитель подладились*).

1.1.9. Субъектно-объектное действие > субъектно-объектное рефлексивное действие (личный переходный глагол >

¹²Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. С. 633.

личный собственно-возвратный глагол): *перекстить* ‘перекрестить’ (*Оне все углы в избе перекстили*) > *перекститься* ‘перекреститься’ (*Молодые-то ни перекститьсясё, ничего не умиют*); *побасить* ‘сделать нарядным, украсить’ (*Сарафан-то ведь ещё нужно чем-то побасить, то лентами, то бисером*) > *побаситься* ‘нарядиться, одеться красиво’ (*Побаситься охота было, а годы были такие, что не побаситься*); *побить* ‘повредить, поранить чем-либо’ (*Гли-ко, как вымя-то корова побила*) > *побиться* ‘причинить себе вред, пораниться’ (*Чё-то с выем сделалось, то ли побилася, то ли кто тронул?*); *причепурить* ‘привести кого-либо в порядок’ > *причепуриться* ‘привести себя в порядок’ (*Причепурюсь чуток да пойду к Маньке*); *срять* ‘одевать’ (*Хорошо меня сряжали*) > *сряться* ‘одеваться’ (*Не сряжались баско*); *похвостать* ‘похвостать кого-либо веником в бане’ > *похвостаться* ‘похлестать себя веником, парясь в бане’; *шаркать* ‘тереть кого-либо мочалкой во время мытья в бане’ > *шаркаться* ‘тереть себя мочалкой во время мытья в бане’ (*Вехотками шаркаются в бане*); *шварить* ‘парить кого-либо в бане’ > *швариться* ‘мыться в бане с паром, при этом хлеща себя веником, париться’ (*Я швариться пошла в баню*). Подобный тип актантной деривации широко распространен, что говорит о продуктивности данного типа возвратных глаголов в диалектной сфере. В этом случае возвратная морфема является функционально сильным аффиксом и участвует в сохранении транзитивности глагола, поскольку указывает на субъект действия, который одновременно является и его объектом. Изначально эта группа глаголов была малочисленной¹³, очень малочисленна она и в современном литературном языке¹⁴. В вологодских говорах её состав расширился благодаря тому, что, наряду с общезыковыми глаголами (*мыться, одеваться* и т. п.), существуют многочисленные диалектные синонимы и

¹³Данков В. Н. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола. М., 1981. С. 69.

¹⁴Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. С. 49.

близкие по значению слова, детализирующие процессы мытья, одевания, приведения себя в порядок.

1.1.10. Бессубъектно-объектное действие > субъектно-объектное пассивное действие (безличный переходный глагол > личный страдательный глагол): *поблазнить* 'показаться, почудиться, померещиться' (*Поблазнило, поманило ему, что брат его оживился*) > *поблазниться* 'показаться, почудиться, померещиться' (*А в баньке-то ей домовой поблазнился*); *побредить* 'показаться, почудиться, померещиться' (*Ей, видно, что-нибудь побредило в лесу*) > *побредиться* 'показаться, почудиться, померещиться' (*Побредилось, наверно, что он пришёл*).

Известно, что и в современном литературном языке предикативный морфологический пассив образуется далеко не от всех глаголов¹⁵. Причины нерегулярного образования страдательных форм с постфиксом *-ся* у глаголов в литературном языке до сих пор в грамматиках не выявлены. И. Г. Милославский считает даже, что «расплывчатость представлений о способах образования страдательных форм разными глаголами не может не сдерживать разработку общей теории залога в русском языке»¹⁶. В говорах, судя по данным диалектных словарей, морфологический пассив вообще встречается в единичных случаях. При этом, соотносительные формы актива и пассива диалектных глаголов в вологодских говорах находятся в отношениях **причина — следствие**: *обурочить* 'сглазить' (*Обурочил меня, верно, кто-то, голова болит*) > *обурочиться* 'подвергнуться влиянию дурного глаза, недоброжелательного взгляда' (*Я, наверно, сёдни обурочилась: и голова болит, и разбита вся*); *огулять* 'оплодотворить' (*А шшас быки на ферме такие слабые... не могут огулять*) > *огуляться* 'оплодотвориться' (*Сводили к быку, спрашивают: «Огулялась?»*). Подобная лексикализация противопоставления **актив — пассив**, обуслов-

¹⁵Виноградов В. В. Указ. соч.; Мучник И. П. Указ. соч.; Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во МГУ, 1981.

¹⁶Милославский И. Г. Указ. соч. С. 191.

ленная конверсивными отношениями, явление редкое среди диалектных возвратных глаголов.

Близки к страдательному залогу глаголы пассивного восприятия, которые обычно относят к возвратно-пассивному залогу¹⁷. В вологодских говорах возвратные глаголы пассивного восприятия также употребляются: *пошавиться* 'присниться' (*Мне дак вчера пошавилось, что Верка приехала*); *привестись* 'присниться' (*У Гриши я товда ночевала, а мама-то мне и привелась*); *приблизниться* 'показаться, примерещиться, привидеться' (*Давеча приблизилась мне старуха сивая*); *примститься* 'показаться, примерещиться' (*Говорила, приходил к ней старичок маленький, маленький. — Полно, врёт она, примстилось ей*).

Отсутствие в говорах предикативного морфологического пассива подтверждает эволюционную теорию залога, выдвинутую А. А. Потебней¹⁸. Если учесть, что предикативные страдательные формы глагола в литературном языке развились из более ранних возвратных форм, то можно утверждать, что говоры сохранили более архаичную систему выражения залоговых отношений (переходность-непереходность и возвратность-невозвратность), в которой страдательные глаголы отсутствуют. Причина сохранения этой системы кроется в устной форме диалектной речи, которая привязана к конкретной ситуации, где роль говорящего (Я) гораздо более значима, нежели в письменной речи. Именно эта особенность устной речи и обусловила тот факт, что в говорах отсутствуют предикативные формы морфологического пассива. Как отмечает Ю. А. Пупынин, «пассивные конструкции не предназначены для обозначения говорящего лица»¹⁹.

Зависимость образования и употребления предикативных страдательных форм глагола от речевого регистра и субъектно-

¹⁷ Милославский И. Г. Указ. соч. С. 184.

¹⁸ Потебня А. А. Указ. соч.

¹⁹ Пупынин Ю. А. Дейксис и категория залога // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000. С. 49–51.

объектной структуры текста рассматривается и в коммуникативных грамматиках²⁰.

1.1.11. **Субъектно-объектное действие > субъектное действие с включенным неодушевленным объектом (личный переходный глагол > личный возвратный глагол).** Данный тип интранзитивации переходных глаголов не является новшеством современной речи, как считают Б. Ю. Норман и С. С. Сай²¹. Тенденция к устранению объекта у переходных глаголов путём прибавления к переходному глаголу постфикса *-ся* существовала издавна в севернорусских говорах²². В вологодских говорах возвратные глаголы включённого неодушевлённого объекта также встречаются: *обрядить* 'выполнить работу по хозяйству' (*Обрядим быков и пойдём в лес дрова рубить*) > *обрядиться* 'выполнить работу по хозяйству' (*Вот обряжусь сейчас, а потом уж с вами поговорю*); *обтереть* 'раздражить, повредить кожу трением' (*Если что обтерёшь, так подорожника листочки и прикладывали*) > *обтереться* 'натереть мозоли на ногах' (*Одень носки, а то как бы не обтерлась*); *обтерять* 'потерять что-либо' (*Обтеряла все корзины*) > *обтеряться* 'потеряв, лишиться чего-либо' (*Вся нынче обтерялась, и серёжки обтеряла, и платок*).

1.1.12. **Субъектно-объектное действие > субъектно-объектное действие с взаимозаменой объекта и субъекта исходного действия (личный переходный глагол > личный переходный глагол).** Данный тип актантной деривации связан с метонимическим переносом, характерным для устной речи. Например, в сямженском говоре глагол *доить* имеет три конверсивных зна-

²⁰Золотова Г. А. Проблемы грамматики русского глагола // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. Москва 8–10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 40–43; Никитина Е. Н. Возвратность с точки зрения коммуникативной грамматики // Там же. С. 64–68.

²¹Норман Б. Ю. Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / Ред. В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко. М., 2004; Сай С. С. Прагматически обусловленные возвратные конструкции «опущенного объекта» в русском языке // Вопросы языкознания, 2007, № 2. С. 75–91.

²²Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 63–64.

чения, обусловленных метонимическим переносом: общерусское перех. 'выцеживать молоко из вымени коровы' (*Доить корову порра*), просторечное неперех. 'давать молоко (о корове, козе и т. п.)' (*Наша корова доит хорошо*) и диалектное перех. 'вскармливать своим детей молоком' (*Муська, пей молоко, ведь ты доишь своего котенчика. Хорошо еишо один он, а не три. Сямж. Монаст. Вон сидят две кошечки. У их котята. Обе доят. Сямж. Монаст.*)²³.

1.1.13. Особо следует рассматривать случаи грамматикализации значения непереходности глагола с помощью постфикса *-ся/-сь* в вологодских говорах: *бахвалить* → *бахвалиться*; *блзнить* → *блзниться* безл. 'чудиться, мерещиться'; *блондаты* → *блондаться* 'бродить'; *болкаты* → *болкаться* 'звонить, тикать'; *боркаты* → *боркаться* 'звенеть, стучать'; *ботаты* → *ботаться* 'колыхать, качаться'; *брякаты* → *брякаться* 'стучать, звенеть'; *взъярить* → *взъяриться* 'внезапно рассердиться'; *вилькаты* → *вилькаться* 'колыхать, качаться'; *гомозить* → *гомозиться* 'возиться, шевелиться'; *гоношить* → *гоношиться* 'хлопотать, заниматься какими-либо хозяйственными делами'; *гостить* → *гоститься* 'быть в гостях'; *грабаты* → *грабаться* 'грести, работать вёслами'; *грабачить* → *грабачиться* 'грести, работать вёслами'; *дикасить* → *дикаситься* 'шалить, баловаться'; *дикваты* → *дикваться* 'шалить'; *дожидаты* → *дожидаться*; *дрогаты* → *дрогаться* 'дрожать, сотрясаться'; *жалить* → *жалиться* 'высказывать жалобы'; *желаты* → *желаться* 'иметь желание'; *забуреть* → *забуреться* 'загореть'; *задуты* → *задутся* 'начать дуть'; *заерундить* → *заерундиться* 'захотеть сделать что-либо несерьёзное'; *закататы* → *закататься* 'заходить, закатываться (о солнце)'; *замолаживаты* → *замолаживаться* 'безл. заволакивать тучами'; *заняты* → *заняться* 'приняться за что-либо'; *запышкаты* → *запышкаться* 'начать дышать с трудом, прерывисто'; *захамкаты* → *захамкаться* 'начать зевать'; *расщеляты* → *расщеляться* 'образовать трещины,

²³Картотека Словаря режского говора. Отв. ред. Л. Ю. Зорина. Хранится на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникаций Вологодского государственного университета.

растрескаться'²⁴. Явление вариантности возвратных и невозвратных интранзитивных глаголов в диалектной сфере ранее рассматривалось С. П. Обнорским²⁵. Данный тип глаголов в актантную деривацию не включается: функция постфикса *-ся/-сь* у них иная — способствовать формальному выражению грамматической семантики интранзитивности, которая у производящих глаголов является имплицитной.

1.2. Отсубстантивное словообразование глаголов

Свои семантические модели актантной деривации имеют и глаголы, образованные от имен существительных. По нашим данным, их значительно меньше по сравнению с внутриглагольным словообразованием, что объясняется характером мотивирующей базы — существительными, обозначающими субъект или объект действия.

1.2.1. **Субъект действия > субъектно-безобъектное действие (одушевленное существительное > личный непереходный глагол):** *избач* 'заведующий сельским клубом' > *избачить* 'работать в должности заведующего сельским клубом'; *пан* > *пановать* 'жить без забот, хлопот'; *пастух* > *пастушить* 'присматривать за скотом, пасти'; *конюх* > *конюхать*, *конюшить* 'ухаживать за лошадьми'; *повозник* 'возница, кучер, извозчик' > *повозничать* 'править лошадьми, быть кучером'.

1.2.2. **Объект действия > субъектно-объектное действие (неодушевленное существительное > личный переходный глагол):** *волога* 'жир, масло' > *воложить* 'приправлять пищу «вологодью», т. е. жиром, маслом, сметаной»; *перевица* 'еловый или ивовый прут, скрепляющий колья и жерди изгороди' > *перевичить* 'скрепить прутьями колья, жерди изгороди'; *клевер* > *клеверить*

²⁴Яцкевич Л. Г. Очерки морфологии вологодских говоров. Вологда, 2013. С. 135–136.

²⁵Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 63–68. См. также: Русская диалектология / Под ред. проф. Л. Л. Касаткина. М., 1989. С. 117–118.

‘засевать клевером’; *полено* > *исполнить* ‘распилить и расколоть дрова, приготавливая для использования’.

1.2.3. **Объект действия > субъектное действие (неодушевленное существительное > личный непереходный глагол):** *пар* > *паровать* ‘кипеть, испуская пар’; *пенка* > *пенничать* ‘есть пенку (пленку на остывшем молоке)’ (*Со своего-то молока пенка жирная, вкусная, вот и пенничаем*); *кушак* > *подкушатиться* ‘подпоясаться’; *рыба* > *обрыбиться* ‘наловить рыбы’; *образ ‘икона’* > *образоваться* ‘в свадебном обряде: получить благословение от родителей невесты, которые с образом и молитвами обходят вокруг жениха и невесты’ (*Обещались с милым мы / Сидеть до noneишней зимы. / Колечушкам сменялися, / Крестам образовалися*²⁶). В. Даль отмечает, что в вологодских говорах *крестами* называют «иконы, передний угол в избе»²⁷.

1.2.4. **Субъекты действия > возвратное взаимно-субъектное действие (одушевленное существительное > личный возвратный глагол, реципрок):** *враги* > *извражиться* ‘поссориться, разругаться между собой; стать врагами’ (*Молодые совсем извражились*); *дроля* > *дролиться* ‘быть связанным тесным личным общением, дружбой, любовью’, ‘обниматься’ (*Вот давай-ко дролиться да ухватываться*).

2. СУБСТАНТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

2.1. Отглагольное словообразование имен существительных

2.1.1. **Субъектно-объектное действие > субъект действия (личный переходный глагол > одушевленное существительное):** *катать* ‘изготавливать валенки’ > *каталь*, *каталик*, *катальник*, *катальщик*, *катаник*, *катанищик*, *катарь*, *катун* ‘мастер по изготовлению валенок’; *класть* ‘сооружать из кирпича (печь)’ > *кла-*

²⁶Слово о родной деревне / Автор-составитель Л. Г. Яцкевич (Калачёва). Вологда, 2011. С. 41.

²⁷Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1979. С. 191.

дельник 'печник'; *копать* 'рыть (колодец)' > *копаль*, *копарь* 'колодезник'; *копать* 'рыть (могилу)' > *копицик* 'могильщик'; *косить* > *косильщик* 'косец'; *косильщица* 'женщина, которая косит траву'; *патрашить* 'проказничать, хулиганить' > *патрашник* 'озорник, шалун, хулиган'; *парить* 'высиживать цыплят' > *парунья* 'курацанаседка'; *перебить* 'привлечь к себе, отдаляя от другого' > *перебойник*, *перебойник* 'молодой человек, который стремится возбудить любовь к себе, заставить разлюбить другого'; *плести* > *плетёщик*, *плетун* 'человек плетущий корзины, лапти и др.'; *подвести* > *подвезиха*, *подвезеня* 'в свадебном обряде: возница в свадебном поезде'.

2.1.2 Субъектно-безобъектный глагол > субъект действия (личный непереходный глагол > одушевленное существительное): *изниматься* 'баловаться, шалить' > *изнимок* 'избалованный, непослушный ребенок'; *истывать* 'капризничать, издавать тягучие, жалобные звуки' > *истывота* 'капризный ребенок'; *клоктать* 'издавать короткие громкие звуки, клохтать (о курице)' > *клоктунья* 'клохчущая курица; наседка'; *ковылять* 'хромать' > *ковыляло* 'хромой человек'; *петь* > *певун* 'петух'; *переговаривать* 'сплетничать' > *переговорищица* 'сплетница'; *плакать* > *плакун* 'ребенок, который подолгу и часто плачет'; *плакуша* 'женщина, оплакивающая покойника'; *плясать* > *плясальник*, *плясенник* 'плясун'; *плясальница*, *плясея* 'плясунья'; *пышкать* 'выражать недовольство, сердиться' > *пышкун* 'обидчивый, злопамятный человек'.

2.1.3. Субъектно-объектное действие > объект действия (личный переходный глагол > неодушевленное существительное): *парить* 'подвергать действию пара, кипятка' > *парево* 'корм для скота и птицы представляющий собой солому, запаренную кипятком и посыпанную мукой'; *паренец* 'паренные в печи овощи'; *пахать* > *паханина*, *пахотина* 'вспаханная земля, пашня'; *пахтать* 'мутовкой сбивать из сливок или сметаны (масло)' > *пахтанье* 'жидкость, остающаяся при сбивании масла, пахта'; *пачесать* 'вторично чесать лен ручной щетиной или волосяной щеткой' > *пачеси* 'отходы льна при его вторичном вычесывании'; *изломать* > *излом* 'старые, изломанные вещи, хлам'; *истопить* > *ис-*

топель, истопля ‘количество дров на одну топку печи’; *катать* ‘изготавливать валенки’ > *катанец, катаник, катанок* ‘валенок’; *копать* ‘рыть, делая в земле углубление’ > *копальник, копанец, копанка, копань* ‘искусственный водоем, выкопанный пруд’; *косить* > *косина, кошенина* ‘скошенная трава’; *перевязать* > *перевязка* ‘вышитая лента’; *плести* > *плетёнка* ‘вязаная рукавица’, ‘плетёная корзина’, ‘плетеная из бересты емкость прямоугольной формы для муки и прочего’, ‘орудие для ловли рыбы в виде плетёной корзины’; *плетёнки* ‘лапти’. См. также: *плетень, плетешок, плетник, плетня, плетушка, плеть, плетюга*.

2.1.4. Субъектно-объектное действие > объект действия (личный переходный глагол > одушевленное существительное): **испросить* ‘посватать’ > *испрошеница* ‘просватанная девушка’; *опекать* > *опекун* ‘человек (ребенок), находящийся на попечении’ (Вот мой опекун. У него родители умерли, дак он у нас и жил. Он у нас три года опекуном жил).

2.1.5. Субъектное рефлексивное действие > субъект=объект действия (личный возвратный глагол > одушевленное имя существительное): *пичкаться* ‘пачкаться’ > *пичкало* ‘неопрятный, неаккуратный человек’, *побаситься* ‘нарядиться, одеться красиво’ > *побасулька* ‘женщина, любящая красиво одеваться’.

2.2. Отсубстантивное словообразование имен существительных

2.2.1. Объект действия > субъект действия (неодушевленное существительное > одушевленное существительное): *ведро* > *ведерница* ‘корова, дающая ведро молока за удой’; *кадка* > *кадочник* ‘бондарь’; *косынка* > *косыночник* ‘торговец косынками, платками’; *коса* > *косник* ‘торговец косами, серпами’; *куделя* > *кудельница* ‘девушка или женщина, обрабатывающая лен’; *лапотки* > *лапоточник* ‘человек, который плетет лапти’; *матица* ‘часть невода в виде мешка, в который набирается пойманная рыба’ > *матичник* ‘рыбак, который опускает и поднимает «матицу» невода’; *письмо* > *писемищик* ‘почтальон’.

2.2.2. Субъект действия > объект действия (одушевленное существительное > неодушевленное существительное): *казак* >

казачина ‘короткая верхняя женская одежда из сукна (типа жакета) в талию с мелкими сборками (или складками сзади)’.

3. АДЪЕКТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

3.1. Субъектное действие > признак по действию субъекта действия (личный переходный или непереходный глаголы > качественно-относительное или относительное прилагательные): *Играть* > *игровый* ‘любящий играть, игривый’ (*Котёночек-от игровой попался*); *искать* > *исковый* ‘способный, умеющий что-либо быстро найти, отыскать’ (*У меня внучка-ту исксовая, вчерась целую корзину ягод принесла*); *катать* > *катальный* (станок) ‘изготавливающий валенки и придающий им форму’; *катать* > *каткий* ‘легко скатывающийся при обработке (о шерсти)’; *клаться* ‘нести яйца, нестись (о домашней птице)’ > *кладливый, кладчивый* ‘несущий много яиц, яйценокский (о домашней птице)’; *кричать* > *криковатый* ‘крикливый’; *переносить* ‘терпеть’ > *переносный* ‘терпеливый’ (*Ты, Манька, переносная, от горя в петлю не полезешь*); *ходить* > *походливый* ‘такой, который легко и быстро ходит’.

3.2. Субъектно-объектное действие > признак по действию объекта действия (личный переходный глагол > относительное прилагательное): *комать* ‘мять’ > *команый* ‘мятый’; *косить* > *коский* ‘легко срезаемый косой’ (*В дождь-от трава-та боле коская*); *кропать* ‘чинить (одежду, обувь)’ > *кропанный* ‘заштопанный, зашитый (об одежде, обуви)’ (*Дивки ходили в кропанных кофточках*); *пачкать* > *пачковатый, пачковитый* ‘легко пачкающийся, маркий’; *петь* > *певкий* ‘звонкий, звучный’; *платить* ‘ставить заплаты’ > *плачѐнный* ‘имеющий заплаты, с заплатами’.

3.3. Субъектно-безобъектное действие > признак по действию объекта действия (личный непереходный глагол > относительное прилагательное): *пышнить* и *пышнеть* ‘покрываться плесенью, плесневеть под действием влаги’ (*От клеѐнки стены пышняют*) > *пышнялый* ‘покрытый плесенью, заплесневелый’ (*Мука пышнялая, дак из неё ничего не испекѐшь*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Наблюдения над словообразовательной категорией залоговости диалектных глаголов в вологодских говорах показали, что в семантической структуре производных глаголов, возникших в результате актантной деривации, возможны следующие комбинации субъекта и объекта действия и отношения между ними: субъектно-объектное действие (C +O), субъектно-безобъектное действие (C –O), бессубъектно-объектное действие (–C +O), бессубъектно-безобъектное действие (–C –O), возвратное взаимно-субъектное действие, реципрок (C↔O), субъектно-объектное рефлексивное действие (C=O), субъектно-объектное пассивное действие (C (O)), субъектное действие с включенным неодушевленным объектом (C [O]), субъектно-объектное действие с взаимозаменой объекта и субъекта исходного действия (C→←O). Типов актантной структуры у производящих глаголов выявлено значительно меньше, что закономерно.

Табл. 1. Результаты актантной деривации вологодских глаголов

Субъектно-объектная семантическая структура производящих глаголов	Субъектно-объектная семантическая структура производных глаголов								
	C +O	C –O	–C +O	–C –O	C↔O	C=O	C (O)	C [O]	C→←O
C +O		+	+	+	+	+		+	+
C –O	+			+	+				
–C +O		+					+		
–C –O									
C↔O									
C=O									
C (O)									
C [O]									
C→←O									

2. В вологодских говорах преобладает активное образование непереходных (безобъектных) глаголов от переходных (объектных) не только морфемным способом с помощью постфик-

са *-ся/-сь*, но неморфемным лексико-семантическим способом. Продуктивно также образование безличных (бессубъектных) глаголов от личных (субъектных) морфемным способом с помощью постфикса *-ся/-сь* и неморфемным лексико-семантическим способом.

3. Активное преобразование субъектно-объектных отношений исходных диалектных глаголов вызвано неустойчивостью (мобильностью) их лексических значений, зависимостью их от контекста употребления в устной речи. Эти процессы в основном характерны для переходных глаголов физического воздействия и свидетельствует о сохранении в современных вологодских говорах архаичных функционально-семантических особенностей глагольной лексики, связанных с их семантическим синкретизмом.

4. Менее разнообразны преобразования субъектно-объектных отношений у отглагольных имен существительных и у отглагольных имен прилагательных, хотя актантная семантика сохраняется в их содержании и имеет свою специфику.

L. Yatskevich. The Voice Derivational Category in Vologda Dialects

Functioning of the Voice word-formative category in Vologda dialects is analyzed, semantic models of actant derivation of verbs, verbal nouns and adjectives in word-formation system of these dialects are revealed.

Active transformation of subject-object relationship of initial dialect verbs are due to mobility of their lexical meanings, their dependence on the context of their using in speech. These processes are generally characteristic of transitive verbs of physical impact and they indicate preservation of the archaic functional-semantic features of the verb vocabulary, which are related to their semantic syncretism, in modern Vologda dialects.

Keywords: Vologda dialects, derivational category of the Voice, subject of the action, the object of action, actant derivation, semantic models of transformation.

СЕВЕРНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА ТВЕРСКИХ ГОВОРОВ: К ВОПРОСУ О ТИПАХ СЛОВОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается севернорусская лексика, бытующая на территории Тверской области, с точки зрения словообразовательных особенностей, которые могут быть противопоставленными явлениями, дополняющими фонетическую, морфологическую и лексическую характеристику севернорусского наречия.

Ключевые слова: тверские говоры, деривационные особенности, типы словообразовательных значений, диалектное членение русского языка.

Необходимость учитывать факты словообразования при классификации говоров до сих пор остается актуальной задачей русской диалектологии. Диалектное членение русского языка, разработанное К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой на основе данных «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ)¹, к сожалению, почти не учитывает факты словообразования, что обусловлено объективными причинами: малоизученностью диалектного словообразования на тот период. Работа над «Лексическим атласом русских народных говоров» (ЛАРНГ), которая ведется в настоящее время, предусматривает создание словообразовательных карт разного типа, что поможет снять часть проблем, связанных с отсутствием материалов по словообразованию в структуре диалектного членения русского языка. Программы ЛАРНГ помогают выявить набор типичных структурных единиц словообразования — производящих основ и формантов. При этом первые результаты показали, что противопоставленные различия в словообразовании характерны прежде всего для архаических и непродуктивных моделей, в то время как в современ-

¹Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I–III / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986–2005.

ном диалектном словообразовании преобладают непротивопоставленные различия, которые объединены общностью словообразовательных типов. Однако в разных диалектных системах одни и те же словообразовательные типы могут различаться фактической реализацией: наполняемостью производящими основами, формантами, нетождественностью лексической семантики производных. Поэтому так важны системные описания разных диалектных систем на уровне выделения типов словообразовательных значений и способов их выражения.

В данной статье дается некоторое системное обозрение типов словообразовательных значений и способов их выражения в севернорусских говорах на территории Тверской области, к которым относятся Бежецкий, Краснохолмский, Сандовский, Сонковский, Молоковский и Весьегонский районы. Производные, рассматриваемые в работе, бытуют именно в этих районах и взяты либо из диалектных словарей, либо из материалов экспедиций, хранящихся на кафедре русского языка Тверского государственного университета. Словообразовательная система современного говора формируется в двух направлениях: в направлении от производных слов, которое формирует микросистему производных слов, принадлежащих к одной части речи, и в направлении от производящих слов, которое формирует микросистему производных слов, образованных от слов одной и той же части речи. В основу моделирования микросистемы производных слов, принадлежащих к одной и той же части речи, могут быть положены типы словообразовательных значений: реляционный, транспозиционный, модификационный и эквивалентностный². Термин «реляционный» нам представляется, вслед за Г. А. Пастушенковым, более удачным по сравнению с «мутационный»³, т. к. он отражает результат реализации валентности глагола-сказуемого мотивирующего суждения, т. е. выражает валентностные отно-

²Пастушенков Г. А. Два плана членения языка и проблемы структуры русского слова. Тверь: Тверской государственный университет, 1995. 212 с.

³Dokulil M. Zur Theorie der Wortbildung // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität. Leipzig, 1968. Heft 17.

шения между производящим и производным. Термин «мутационный тип» М. Докулила не указывает на характер изменения лексического значения производящего слова в производном. Термин «эквивалентностный», в отличие от терминов «синтетическое сжатие составных наименований»⁴, «включение»⁵, «соединительное значение»⁶, «универбация»⁷, «семантическая конденсация» и «семантическое стяжение»⁸, отражает характер лексического значения производного слова как семантического эквивалента значения исходного словосочетания, сохраняющегося только до тех пор, пока в языке остаются такие словосочетания (*сермяжное сукно* → *сермяжка* — Бежецкий р-н). В основе моделирования микросистемы производных слов, образованных от производящих слов одной и той же части речи (отсубстантивных, отадъективных, отнумеральных, отглагольных, отнаречных образований) лежат словообразовательные парадигмы, состав которых зависит не только от частей речи, к которым принадлежат производящие слова, но и в значительной степени от принадлежности производящих слов к разным лексико-семантическим группам. Например, словообразовательную парадигму имен существительных — названий деревьев — образуют производные, выражающие только четыре словообразовательных значений: уменьшительно-ласкательное, собирательное, субъект, обозначенный по месту действия, — в субстантивном блоке и относительное значение — в адъективном блоке. Например, в тверских говорах (Сандовский, Весъегонский р-ны) отме-

⁴Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к лексикологии и грамматике // Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М: Наука, 1975. С. 166–220.

⁵Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М: Наука, 1954. С. 83–97.

⁶Русская грамматика. М: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.

⁷Волков В. В. Деадъективное словообразование в русском языке. Ужгород: Ужгородский государственный университет, 1993. 300 с.

⁸Русский язык конца XX столетия / Под ред. Е. А. Земской. М.: Языки русской культуры, 2000. 478 с.

чены производные от слова «осина»: *осинечка* (уменьшит.-ласкат.), *осинняк* (собират.), *подосинник* — гриб (субъект по месту действия гипотетического глагола «растет» под осиной), *осинный лес* (имеющий отношение к тому, что названо производящей основой, к осине). А словообразовательная парадигма имен существительных — названий животных — имеет в своем составе одиннадцать словообразовательных значений в говорах Тверской области (Сандовский, Молоковский р-ны): *волчóнко* (уменьшительное); *волчина* (увеличительное); *волчушка* (оценочное); *волчиха* (женскости); *волчóнок* (невзростости); *волчáтина* (мяса животного); *волчáтник* — тот, кто охотится на волков (субъект, названный по объекту действия); *волчáтня* — место обитания волков (место, названное по объекту действия) — это субстантивный блок; одно производное в адъективном блоке — *волчий* ‘относительно-притяжательное’ и два производных в глагольном блоке *волчиться* ‘плохо относиться друг к другу’ и *оволчиться* ‘родить волчат’. Микросистемы, моделируемые на основе типов словообразовательных значений, формируются в зависимости от количества производных с тем или иным значением. Центральная часть системы словообразования имен существительных организуется вокруг словообразовательных значений реляционного и транспозиционного типов, поскольку основная часть производных имеет эти значения. Это влечет за собой подразделение производных существительных на две большие группы.

Первую группу составляют имена существительные с словообразовательным значением реляционного типа. Особенность этих существительных состоит в том, что они обозначают преимущественно конкретные (одушевленные и неодушевленные) предметы и представляют собой слова с полной семантической структурой, которая складывается из некоторого понятия (сигнификата) и конкретного индивидуального содержания, создаваемого свойствами денотатов. При отглагольном образовании имен существительных словообразовательное значение реализует одну из валентностей производящего глагола: *перегульница* ‘корова, не отелившаяся в свое время’ ← *перегулять* (субъект по

действию). «Примерно, тёлка она не покрылась, перегуляла год еще — это перегульница» (ОСГКО: 176); мешанина ‘смесь сена и соломы для корма скота’ ← мешать (результат действия). «Когда сена мало, то солому добавляют, мешанина называется» (ОСГКО: 126); молотилка ‘цеп для обработки зерна’ ← молотить (орудие действия). «Молотилка — это по-нашему, а цеп мы редко говорили, это уш по-гороцкому» (ОСГКО: 127).

При отсубстантивном образовании имен существительных словообразовательное значение реализует валентности гипотетического глагола — сказуемого мотивирующего суждения, актантами которого являются производное и производящее слово: *молóшнйя* ‘сыроваренное помещение’ ← *молоко* (место по объекту действия гипотетического глагола «делать»). «В *молошне сыр* из *молока делают*» (ОСГКО: 128); *дорóжник* ‘печенье, приготовленное в дорогу’ ← *дорога* (объект по месту действия гипотетического глагола «берут»). «В *дорогу из еды всегда дорожники берут, больше ничего*» (ОСГКО: 57).

При отадъективном образовании имен существительных производное слово получает словообразовательное значение субъекта — носителя адъективного признака, т. к. единственной валентностью прилагательного является субъектная валентность: *млявóтина* ‘очень болезненный, слабый человек’ ← *млявый* (субъект, носитель признака). «*Девчонка-то така млявотина, в чем душа держится, а уж парают, парают. Ест что захочет*» (ОСГКО: 126).

При образовании имен прилагательных на общее значение признака предмета, свойственное суффиксам прилагательных, наслаивается значение отношения, которое у качественных прилагательных конкретизировано как значение обладания предметом: *мяснйй* ‘мясистый, толстый’ ← *мясо*. «*Свянина мясная, постная такая*» (ОСГКО: 131). В тверских говорах прилагательные используются редко и, как правило, для номинации отрицательных признаков человека, и правильнее будет определить значение следующих производных как значение «необладания» предметом или признаком, названным производящей основой:

недолу́кий ‘неловкий’. «Ну какая ты *недолукая*» (ОСГКО: 140); *неду́жный* ‘больной, хворый’. «Он у меня уж очень *недужненький мальчик*» (ОСГКО: 140); *немо́глый* (*неможной*) ‘немогущий, хилый’ (ОСГКО: 141); *нера́жий* ‘некрасивый (о человеке, вещи)’. «Зять у них больно *неражий*», «Какой Ванька *неражий*», «Костюм у тебя совсем *неражий*» (ОСГКО: 141); *нехлюща́вый* ‘невзрачный, некрасивый’. «Мужичок-то больно *нехлющавый*, росточком-то не вышел» (ОСГКО: 142); *неслухмя́ный* ‘непослушный’. «Ну ча-во ты *неслухмяный* какой. Говорят тебе — иди, а ты все свое» (ОСГКО: 142).

У относительных прилагательных собственно словообразовательное значение выражается в атрибутивном словосочетании: *дра́нишная* (корзинка) ‘корзинка из драмки’ (отношение субъекта к объекту), *дра́нишный* (сарай) ‘сарай для драмки’ (отношение места к объекту действия) (ОСГКО: 57).

При отыменном образовании глаголов возникают словообразовательные значения: 1) действие по субъекту — *балахрыстничать* ‘вести себя как балахрыст (тунеядец)’. «Цело лето *балахрыстничал* и *получать* нечево, *трыдодней-то* и *нету*» (ОСГКО: 29); 2) действие по результату — *га́тить* ‘обкладывать стены избы снаружи гатью (соломой) для тепла’ (ОСГКО: 44); 3) действие по месту — *домовничать* ‘присматривать за домом в отсутствие хозяев’. «Варьк, *уставайся* *домовничать*: *корова* у нас *смирная*, *подоишь*, *сено* на *сильнице*. *Останестя?* — *Да я* уш у вас *летось* *домовничала*, *останусь*» (ОСГКО: 57).

Структура словообразовательного значения реляционного типа состоит из категориально-грамматического значения, выражаемого флексией (системой окончаний), значения словообразовательного суффикса как морфемы и собственно реляционного значения, предопределяемого валентностями глагола — сказуемого мотивирующего суждения.

Вторую группу составляют слова, имеющие словообразовательное значение транспозиционного типа, при котором лексическое значение производящего слова переводится из одной части речи в другую, получая при этом новое категориально-граммати-

ческое значение. Их особенность состоит в том, что они обозначают преимущественно абстрактные понятия и обладают в связи с этим своеобразной семантической структурой: они наделены только понятийным содержанием, сигнификатом, и лишены обычного для имен существительных денотативного наполнения. Производные существительные этой группы могут быть подразделены на слова, транспонирующие действие: *подмога* 'коллективная помощь в сельской работе' ← *подмогнуть*. «Подмогни-ко, сынок, поднять мешок», «А внук-то сё подмогнёт: то дровиц поколит, то ещё што поделит»; *оборотка* 'движение туда и обратно с возвращением в исходное место, когда пахут или боронят' ← *оборотиться*. «Я проехала оборотку, а вы стоите» (при боронении), «Когда пахут или боронют, то говорят: она проехала уже много оборотов» (ОСГКО: 150). И слова, транспонирующие качественный признак: *оттишь* 'затишье' ← *тихий*. «Наступила оттишь» (ОСГКО: 168); *оттеплина* 'оттепель' ← *теплый*. «Большая сегодня оттеплина, даже снег мокрый» (ОСГКО: 168); *охлаодь* 'озноб' ← *холодный*. «Что-то охолодь берет, никак не согреюсь» (ОСГКО: 169).

При транспозиции лексического значения из одной части речи в другую суффиксы как функциональные единицы (транспоненты) выражают лишь сам процесс транспозиции, при этом одни из них имеют значение опредмеченного признака, другие — значение опредмеченного действия. Общее значение предметности в структуре словообразовательного значения транспозиционного типа выражается дважды: при помощи флексии и при помощи суффикса-транспонента.

Маргинальную часть системы производных существительных составляют имена существительные, связанные с выражением словообразовательного значения модификационного типа, представленные широко разветвленной в говорах подсистемой так называемых слов «с суффиксами субъективной оценки» *колыбель* → *колыбка* 'небольшая детская кроватка с выгнутыми ножками для убаюкивания ребенка' (ОСГКО: 100), образующих многочисленные модификации производных существительных первой

и второй группы, а также соотносительных с ними производных существительных. Кроме того, к модификационному типу словообразовательного значения относятся сравнительно немногочисленные группы существительных со значением женскости: *заварзай* → *заварзаиха* 'неряха, грязнуля (о женщине)'. «*Сноха у них така заварзаиха, вечно с грязным подолом ходит*» (ОСГКО: 65), невзрослости: *воробей* → *воробёнок* 'невзрослый воробей', единичности: *картофель* → *картовина* 'картофелина' «*На-ка печеную картовину*», «*Я взял одну картовину*» (ОСГКО: 85), собирательности: *кол* → *кольё* 'собирает. от слова кол' (ОСГКО: 100)⁹.

На периферии словообразовательной системы имен существительных находятся существительные с эквивалентностным типом словообразовательного значения, к которым относятся многочисленные универбаты, представляющие собой «морфологические или графо-фонологические стяжения номинативных словосочетаний в одно слово: *втупорось* ← *в ту пору*. «*Втупорось учитель-то по избам ходил как пастух, школы-то не было*» (ОСГКО: 41).

Словообразовательная система в области других частей речи организована на ином соотношении основных типов словообразовательного значения. Так в области имен прилагательных не будут играть почти никакой роли транспозиционные типы словообразовательного значения. В области системы словообразования глаголов в центр переносятся словообразовательные типы, связанные с выражением модификационных значений.

Сокращения

ОСГКО — Опыт словаря говоров Калининской области / сост. Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова. Калинин: Калининский государственный педагогический институт, 1972. 312 с.

⁹Подробнее о модификационном словообразовании см.: Новикова Л. Н. Соотношение типов словообразовательных значений и способов словообразования в севернорусской лексике Тверской области // Севернорусские говоры. Вып. 11. СПб., 2010. С. 10–18.

L. Novikova. The Northern Russian Vocabulary of Tver Dialects: Towards Types of Derivaitional Values

The article analyzes the vocabulary of the Tver region, in terms of derivational features that can be objected to additional phonetic phenomena, morphological and lexical features in the Northern Russian dialects.

Keywords: Tver dialects, derivational features, types of values, dialect division of Russian language.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНФИКСА НА-...-НИК В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТСУБСТАНТИВОВ)

Аннотация. Конфиксальное словообразование является одной из черт, характеризующих особенности диалектного словообразования. На примере слов, обладающих конфиксом *на-...-ник*, рассматривается функционирование производных существительных в смоленских говорах, устанавливается их специфика как по отношению к русскому литературному языку, так и по отношению к русскому диалектному языку.

Ключевые слова: смоленские говоры, диалектное словообразование, конфикс.

Словообразовательный тип с конфиксом *на-...-ник* выделяется среди прочих трех десятков конфиксальных типов, функционирующих в смоленских говорах, как по количеству производных слов (самый многочисленный, включает 53 существительных), так и по богатству словообразовательных отношений внутри типа. Конфиксы признаются неоднозначными образованиями в теории словообразования и представляют собой явление, имеющее длительную и сложную историю формирования, — тем интереснее исследовать функционирование отдельно взятого конфикса в частной диалектной системе, а именно в смоленских говорах.

Конфиксация как способ словообразования не существовала изначально, она «могла возникнуть только на определенной ступени развития языковой абстракции носителей языка»¹. Процесс развития конфиксации обычно связывается с переразложением отношений внутри суффиксальных словообразовательных типов, которые изначально возникли на базе предложно-падеж-

¹Гулько О. Г. Формирование и развитие субстантивной конфиксации в русском языке XI–XVII вв.: Автореф. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. С. 4.

ного мотивирующего сочетания слов. Причины этого процесса достаточно многообразны и обычно рассматриваются в историческом словообразовании.

Среди конфиксальных словообразовательных типов одними из наиболее древних являются типы на *-ик/-ник*. Установлено, что изначально они служили для наименования лица и лишь затем стали использоваться для названий предметов. «Возможно, что в основе этого перенесения значения лежало стремление назвать не только лицо, но и предмет, к которому это лицо имело отношение. Сама возможность перенесения названия лица на орудие или предмет достаточно широко представлена в языке и в других аффиксальных образованиях названий лиц ⟨...⟩ Имена на *-ник* — это и названия лица, и предмета, что и способствует омонимичности этой морфемы»².

Словообразовательный тип, в том числе и тип, состоящий из конфиксальных образований, наряду с тождественным словообразовательным средством обязательно обладает своеобразной, присущей только ему, словообразовательной семантикой — или совокупностью семантик, составляющих единое грамматическое пространство в рамках типа.

²Ракова А. А. Словообразовательная омонимия имен на *-ник* в истории русского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1984. С. 9. Интересно следующее наблюдение исследовательницы относительно функционирования суффиксального типа с формантом *-ник* в русском языке: «Словообразовательный тип имен на *-ник* с общим значением предмета является более продуктивным в современном русском языке, чем в предшествующие языковые периоды. (В современном русском языке — более 500 слов, в языке XIX в. — около 200, в древнерусском — 120). В связи с активным использованием существительных на *-чик/-щик* в функции действующего лица и вытеснением форм на *-ник* из этой сферы, последние стали чаще употребляться с предметным значением. В XIX веке в формировании имен указанного типа участвуют глагольные и глагольно-именные мотивирующие основы, что впоследствии приводит к образованию названий орудий, механизмов, обладающих терминологическим характером. Словообразовательный тип имен на *-ник* с общим значением предмета становится одним из самых продуктивных, причем эта продуктивность усиливается по направлению к современности» (Там же. С. 141).

Описание словообразовательной семантики конфикса может вестись по традиционной модели, и в этом случае, в соответствии с РГ-80 и «Толковым словарем словообразовательных единиц русского языка» Т. Ф. Ефремовой можно выделить главное значение словообразовательного типа, оформленного с помощью форманта *на-...-ник*: «неодушевленные предметы, находящиеся или предназначенные для нахождения того, что названо мотивирующим именем существительным» (*наглазник, нагрудник, наколенник, наконецник, намордник*) и добавочные значения: «предмет, предназначенный для защиты от того, что названо мотивирующим именем существительным» (*накомарник*)³. Однако пристальное рассмотрение группы слов, обладающих в говорах именно добавочными значениями, позволяет сделать ряд наблюдений: во-первых, таких слов достаточно много, во-вторых, их семантика разнообразна и не всегда укладывается в предложенную схему. Это наблюдение говорит в пользу того, что классификация слов с учетом словообразовательного значения в рамках конфиксального словообразовательного типа в говорах может проводиться по иным основаниям. Предположим, что доминирующую роль в формировании такого типа в частной диалектной системе смоленских говоров играет префикс, а не суффикс. У суффикса в данном случае скорее роль формального средства, которое грамматически оформляет слово, образованное по принципу включения из словосочетания. Префикс *на-*, наследуя разнообразные грамматические значения бывшего предлога, переносит их в словообразовательную семантику производных существительных. Следовательно, грамматические значения бывшего предлога могут быть использованы для описания видов словооб-

³Русская грамматика: научные труды. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 2005. 784 с.; Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005. 636 с.

разовательного значения конфиксального словообразовательного типа⁴.

Для того чтобы в полной мере установить специфику функционирования конфикса в частной диалектной системе, представляется необходимым вписать эту словообразовательную единицу в соответствующую «систему координат», в роли осей которой будут выступать, с одной стороны, аналогично образованные слова русского литературного языка, а с другой — русских народных говоров (русского диалектного языка), и рассмотреть, таким образом, три конфиксальных словообразовательных типа.

Описание производных существительных ведется в следующем порядке: русский литературный язык — русский диалектный язык — смоленские говоры.

В русском литературном языке конфикс представлен 42 словами (выборка осуществлялась по «Сводному словарю современной русской лексики» (Сводный 1991), которые могут быть объединены в разные группы с учетом их словообразовательного значения.

Производные слова, у которых обнаруживается пространственное значение бывшего предлога *на* (нужно отметить, что и в русском литературном языке, и в русском диалектном языке, и в смоленских говорах в мотивирующих конструкциях данной группы винительный и предложный падежи стабильно синонимичны).

Словообразовательное значение в данном случае формулируется так: «неодушевленный предмет, находящийся или предназначенный для нахождения на поверхности того, что названо мотивирующим словом». Это значение фиксируется в 26 производных словах русского литературного языка: *набедренник, набрюшник, наглазник, наголовник, нагрудник, нагрыжник, надульник, назатыльник, наколенник, накомодник, накопильник, наматрасник,*

⁴Грамматическая семантика предлога *на* была уточнена по «Толковому словарю служебных частей речи русского языка» Т. Ф. Ефремовой (Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001. 863 с.).

намордник, напальчник, наплечник, напульсник, нарукавник, наспинник, нательник, наусник, наушник, нахвостник, нахрапник, нашейник, нашлемник, наякорник.

Особое внимание привлекает немногочисленная группа слов с пространственным значением, обнаруживающимся в группе слов, мотивированных предложно-падежными сочетаниями с винительным падежом (эта мотивация поддерживается морфологической формой корня, где сохраняется беглая гласная): *наконечник, налобник, налокотник, наоконник, наугольник.*

Пространственное значение, выражаемое мотивирующей конструкцией только с предложным падежом, фиксируется лишь в одном случае: *накожник*. В отличие от предыдущего случая, здесь возникают ограничения не в форме, а в содержании — невозможно использовать, например, конструкцию «на кожу» для мотивации слова «накожник» (клевещ), но только конструкцию с предложным падежом «на коже».

Можно предположить, что бывшие грамматические значения предлога *на* сохранились в ряде слов с конфи́ксом *на-...-ник* не только в говорах, но и в русском литературном языке — в пользу этого предположения выступает группа существительных, не попавших в первую, относительно однородную группу слов с пространственным словообразовательным значением. Иные виды словообразовательного значения конфи́кса, с учетом грамматической семантики предлога *на*, могут быть сформулированы следующим образом:

1. Обстоятельственное цели (синонимично предлогу *для*): *накомарник, наперник, напильник.*
2. Обстоятельственное значение образа действия: *надомник.*
3. Определительное значение (наименование предмета, имеющего отношение к тому, что названо мотивирующим словом): *навильник.*

В отдельную группу можно выделить существительные, являющиеся наименованиями человека. Строго говоря, эти существительные формируют отдельный омонимичный словообразо-

вательный тип с конфиксом *на-...-ник*, однако в данном исследовании, призванном рассмотреть особенности функционирования комплексной словообразовательной единицы в частной диалектной системе, мы будем привлекать наименования лиц в качестве составляющей единого языкового образования с конфиксом *на-...-ник* для удобства сравнения элементов внутри данного образования.

Все наименования лиц, образованные с помощью конфикса *на-...-ник*, обладают определительным значением в широком смысле и называют существ, характеризующиеся отношением к тому, что названо мотивирующим словом: *наездник*, *наместник*, *напарник*, *наперсник*, *нахлебник*. Обращает внимание факт, что данная группа крайне малочисленна в русском литературном языке и включает всего лишь пять производных слов.

В русском диалектном языке (по данным СРНГ) было обнаружено 154 отыменных существительных с конфиксом *на-...-ник*.

1. Подавляющее большинство слов, формирующих конфиксальный словообразовательный тип в диалектном языке, имеют то же пространственное словообразовательное значение, что и аналогичные образования в русском литературном языке. В свою очередь, эти слова могут быть разделены на несколько подгрупп.

1.1. Словообразовательное значение «неодушевленный предмет, находящийся или предназначенный для нахождения на поверхности того, что названо мотивирующим словом», встречается у 87 слов: *наба́бник* 'приспособление для разматывания пряжи', *набе́дрник* 'чепрак', *набе́дреник* 'кошель, сумка для милостыни', *набе́рдник* 'сумка через плечо, с которой ходят нищие', *набо́жник* 'вышитое полотенце на икону', *набо́шник* 'набедренник', *набро́вник* 'женский головной убор наподобие чепца', *наведе́рник* 'полотенце, которым покрывают ведро', *наве́рхник* 'верхняя женская одежда в виде сарафана', *наве́ршник* 'перекладина над столбами ворот', *наво́жженик* и *наво́жжник* 'веревочная часть вожжей', *наво́жник* 'полотенце, которым прикрывают божницу с иконами', *наго́ловник* 'тесма для стягивания волос на голове', *нагру́дник*

‘передник, фартук’, *нагрядник* ‘рогожа для укрывания гряд’, *нагумённик* ‘крытый ток’, *надёжник* ‘плат на квашню’, *надолонник* ‘лоскут на ладонной части рукавицы’, *надужник* ‘первый обруч мережи’, *наживотник* ‘пояс, носимый на голом теле (по суеверным представлениям — обязанность христианина)’, *назатыльник* ‘праздничный женский головной убор’, *накабатник* ‘нарукавник’, *наквашейник*, *наквашенник* и *наквашонник* ‘крышка на квашню’, *наклобучник* и *наклобушник* ‘сноп, который лежит поверх клобука (снопа-покрышки) в укладке сена’, *накоковник* ‘старинный женский головной убор’ (от *коковка* ‘макушка’), *наколённый* ‘фартук // вид одежды, надеваемой на колени’, *наконечник* ‘поводок отдельного крючка в перемете’, *накопильник* ‘часть саней’, *накорытник* ‘кусок ткани на корыто’, *накосник* ‘женская головная повязка, которую носят под повойником’, *накрючник* ‘полотенце’, *накулачник* ‘род перчатки, рукавички, надеваемой при сборе трав, полке и т.п. работах’, *накурник* ‘тележный шкворень’ (от *кура* ‘жердь’), *накушник* ‘полотенце для икон’ (от *кут* ‘красный угол’), *налавочник* ‘подстилка на лавку’, *наладонник* ‘лоскуток на рукавицу’, *налистник*, *налистовник* и *налистбчник* ‘лепешка, выпеченная на листьях’, *налобёсник* ‘старинный женский головной убор’, *наложечник* ‘полотенце, которым закрывают ложки’, *намогильник* ‘памятник из камня или дерева на могиле’, *намордник* ‘торба, мешок с овсом на морде лошади’, *наносник* ‘ремешок узды, который приходится поперек носа лошади’, *наносочник* ‘нашивка (для прочности) на носок сапога’, *наперённый* ‘матрас’, *наперстник* ‘наперсток’, *наплёчник* ‘часть одежды, покрывающая плечо’, *наподольник* ‘лента кумача, пришитая на подол рубашки, юбки’, *наполовник* ‘подстилка’, *напольник* ‘кадка емкостью 30 ведер для соления’, *напузник* ‘передник’, *напушник* ‘любой горшок, используемый в качестве медицинской банки’, *напятник* ‘заплата на пятке носка, чулка’, *наральник* ‘сошник’ (от *рало* ‘соха’), *наробжник* ‘ меховая крышка на лицо’, *нарукавник* ‘кофта для молотьбы, стряпни (чтобы не запачкать рукава)’, *наручник* ‘браслет’, *нарыйник* ‘намордник лошади, собаки, теленка’, *наскатерник* ‘скатерть, постилаемая поверх другой’, *насковордник* ‘кушанье из толченых суха-

рей, молока и яиц, приготовленное на сковородке, *насо́шник* 'лемех у сохи', *насп́инник* 'собачья шкура на спину, надеваемая мехом внутрь', *насп́ичник* 'полотенце на гвозде (спице)', *насп́одник* 'колесо, обруч для камней в русской бане', *наст́енник* 'ковер на стене над кроватью', *наст́ольник* 'скатерть', *насанду́чник* 'коврик, которым накрывают сундук', *натéльник* 'нательный крест', *натéмник* 'часть головного убора невесты (перевязки) — кружок, прикрепленный к повязке и прикрывающий волосы сверху', *нат́итъник* 'бюстгальтер', *нат́осник* 'металлическая накладка для отосы в телеге', *натр́опник* 'половичок', *натру́бник* 'часть печи', *нау́хник* 'часть головного убора, закрывающая уши', *нау́шник* 'часть женского головного убора (кички)', *нахвóстник* 'ремешок на конце кнута', *нахр́юшник* 'полотенце, которое вешают по стенам (на зеркалах или гвоздях) в качестве украшения' (от *крюк*), *нахр́япник* 'ремешок уздечки, идущий вдоль переносья до лба лошади', *начéльник* 'налобная повязка', *наше́йник* 'ошейник', *нашу́бник* 'меховая доха, которая надевается поверх пальто в дальнюю дорогу', *наящи́чник* 'коврик, которым покрывают сундук'.

В полной мере являются частью названной выше группы слова, называющие рукоятки орудий труда. Выделение их в отдельную подгруппу связано лишь с традиционным использованием такого рода лексики в качестве словообразовательных маркеров для отдельных групп говоров и, следовательно, возможным дальнейшим использованием в научных изысканиях, посвященных установлению диалектных различий на уровне словообразования. Всего таких слов было обнаружено шесть: *набагóрник* 'древко багра, багровище', *нав́ильник* 'рукоятка вил', *награб́ильник* 'рукоятка граблей', *нако́сник* 'рукоятка, древко косы, косовище', *наметéльник* 'палка, на которую насаживается метла', *нацо́пник* 'ручка цепа'.

В группе существительных с пространственной словообразовательной семантикой особо можно выделить слова, которые мотивируются предложно-падежным сочетанием с винительным падежом, без возможности использовать в качестве синонима предложный падеж. На однозначный характер мотивации в дан-

ном случае указывает морфонологическая форма корня. Всего отмечено четыре таких слова: *нало́бник* 'платок на лоб', *нахребе́тник* 'часть конской упряжи — подушка под чересседельником, седелка', *наконё́чник* 'кружевной конец полотенца', *науго́льник* 'треугольная настенная полка'.

Наоборот, предложный падеж в мотивирующем предложно-падежном сочетании обнаруживается в следующих шести случаях: *накапу́стник* 'капустный червь' (обитает *на капусте*, конструкция '*на капусту*' в качестве мотивирующей невозможна по семантическим причинам; все семантические ограничения в мотивации для слов, приведенных далее, того же рода), *нако́стник* 'нарост на кости у лошади', *наре́чник* 'растение *Oxytropis* DS., сем. мотыльковых (остролодочник)', *наболóтник* 'болотное сено', *надорóжник* 'подорожник'.

1.2. Пространственное значение, выражаемое предлогом *над* в сочетании с творительным падежом существительного в мотивирующем предложно-падежном сочетании, обнаруживается в двух случаях: *напогреба́льник* и *напогре́бник* 'надстройка над погребом'.

1.3. Пространственное словообразовательное значение «предмет, находящийся рядом с другим предметом», выражаемое предлогом *к* в сочетании с дательным падежом существительного в мотивирующем предложно-падежном сочетании фиксируется в одном слове *надво́рник* со значением 'пристройка к двору для хранения хозяйственных предметов'.

2.1. Словообразовательное значение, формулируемое на основе одного из грамматических значений предлога *на* как обстоятельство значение цели, обнаруживается в 22 словах: *набе́рдник* 'рама в ткацком станке, куда вставляется бердо', *наблóдник* 'полка для посуды', *набо́жник* 'место, где стоят иконы, божница', *набру́сник* 'деревянный футляр для бруска, которым точат косу', *нава́рник* 'лоскуток кожи, которым захватывают кусок вара, когда натирают им дратву', *нагума́жник* 'бумажник', *наигóльник* 'ящик, футляр для иголок', *накома́рник* 'полог над кроватью от комаров', *накоро́вник* 'полотенце, салфетка или тряпка, которой вытирают

вымя коровы после мытья перед дойкой, *накотельник* 'вращающаяся железная стойка для котелка, подогреваемого под углями в загнете', *накутельник* 'деревянный чехол, надеваемый на кутило (острогу для битья морского зверя)', *накухтарник* 'холщовый лоскут, пришитый на шапке сзади для предохранения шеи от снега' (от *кухта* 'снег на деревьях'), *налопáточник* 'футляр (обычно из бересты) для лопатки — бруска, которым точили косу', *налучник* 'футляр для лука', *напельник* 'короб для переноски мякины (пелевы)', *напүүлник* 'мешочек для пуль', *нарусленик* 'кусок холста для фильтрования сусла', *наручник* 'полотенце для рук', *насэнник* 'огурец-семенник', *натопорник* 'чехол, футляр для топора', *нацевобшник* 'дерево, из древесины которого делали цевки (катушки), надеваемые на веретено для наматывания пряжи при тканье', *нашилльник* 'полочка для установки шил (в сапожном промысле)'.

2.2. Обстоятельственное значение образа действия как составляющая словообразовательной семантики производных существительных встречается в трех словах: *навильник* 'охапка сена, соломы на вилах', *награбельник* 'охапка сена, подхваченная с земли граблями', *наколёсник* 'небольшой воз сена'.

3. Определительное словообразовательное значение обнаруживается в десяти случаях: *наворотник* 'шест или кол (иногда с небольшим загибом на конце), помогающий поворачивать жердь подо льдом при подледном лове рыбы', *навузник* 'маленький пчелиный улей' (от *вуза* 'ячейка в сотах'), *намёрник* 'пивная кадка' (от единицы измерения *меры*), *напсарник* 'часть саней, куда впрягаются собаки', *напоясник* 'пояс', *напряжник* 'часть конской сбруи, уздечка' (от *пряга* 'упряжь'), *насолóдник* 'хлеб из ржаной муки с солодом', *науздник* 'недоуздок', *накрайник* 'горшок с побитыми и надколотыми краями', *намóстник* 'деревянный настил во дворе'.

4. Объектное значение как элемент словообразовательной семантики было обнаружено лишь в единственном случае — слове *накучник* 'окучник'.

5. Словообразовательное значение, включающее атрибутивную семантику, отмечается в словах, функционирующих как

наименования лиц, и обнаруживается в 13 существительных: *навстрéчник* 'тот, кто встречается на пути, на дороге', *нагрéшнийник* 'грешник', *нагрúдник* 'любovníк', *надóбник* 'молодой муж, поселившийся после женитьбы в доме родителей жены', *накулáчник* 'любитель подраться, драчун, буян', *наméстник* 'заместитель', *напúтник* 'в фольклоре: тот, кто указывает путь', *насéжник* 'тот, кто рыбачит «сежой»', *настóльник* 'нахлебник', *нахáрчник* 'нахлебник', *нахвóстник* 'сплетник', *нахлéбник* 'наемный рабочий, получающий у хозяина питание вместо денег', *нахребéтник* 'дармод'.

В смоленских говорах (СРНГ, ССГ) всего было обнаружено 53 производных существительных, относящихся к типу конфикальных отсубстантивов с формантом *на-...-ник* (это больше, чем в русском литературном языке (42 слова), и относительно, почти в три раза, меньше, чем в русском диалектном языке (154 слова).

1. Пространственное словообразовательное значение, сохраняющее семантику бывшего предлога *на*, является доминирующим, но относительно неоднородным в смоленских говорах, и может быть описано в ряде подгрупп.

1.1. Значение «неодушевленный предмет, находящийся или предназначенный для нахождения на поверхности того, что названо мотивирующим словом» было обнаружено у 30 производных существительных. Все производные слова в данном случае могут быть мотивированы конструкцией как с винительным, так и с предложным падежом. Представляется, что уточнить мотивацию предпочтительными сочетаниями только с винительным или только с предложным падежом окончательно возможно лишь с опорой на диалектные контексты, по возможности содержащие дефиницию предмета. Поскольку таких возможностей при работе с диалектным материалом у нас не было, в данной работе допускаем синонимическое использование падежей в мотивирующих предложно-падежных конструкциях.

В данную группу существительных входят: *набóжник* 'вышитое полотенце на иконе', *наголóвник* 'детская шапочка', *нагрóбник*

‘отрезок ткани, которым накрывают гроб покойника и хранят в доме после похорон’, *нагрúдник* ‘теплая безрукавка, фуфайка // рубашка с вышивкой на груди // вышитая передняя часть рубашки’, *надéжник* ‘полотно, которым закрывали квашню’, *наикóнник* ‘полотенце, которое вешают на икону’, *наку́тник* ‘полочка треугольной формы в углу под иконой’, *наладо́нник* ‘часть рукавицы, прикрывающая ладонь’, *налемéшник* ‘нож на лемехе’, *налобёсник* ‘старинный женский головной убор в виде повязки, налобник’, *налóбник* ‘повязка на лбу у покойника’, *налы́сник* ‘старинный женский головной убор в виде повязки, налобник’, *намогíльник* ‘памятник на могиле’, *намы́сник* ‘металлический наконечник на деревянной сохе’, *наотóсник* ‘металлическая накладка, гайка на конце оси’, *наперéдник* ‘фартук’, *напёрстник* ‘наперсток’, *напу́зник* ‘фартук’, *нарóжник* ‘сошничок у навозных вил’, *нарóжник* ‘нарядный головной убор женщин’, *нарука́вник* ‘вышитый манжет на рубашке // вышивка на рукаве до локтя’, *нару́чник* ‘нарукавник // украшение из лент на рукавах // шерстяная манжета’, *нары́льник* ‘металлическое кольцо на рыле свиньи’, *насто́льник* ‘скатерть ручной работы // любая скатерть’, *науго́льник* ‘треугольная полка или шкафчик для посуды // полка в переднем углу, на которой ставили иконы // треугольный столик в переднем углу’, *начелёсник* и *начелё́жник* ‘женская повязка в виде широкой полоски ткани, унизанной бусинками, со шнурочками на концах; повязывалась поверх головного убора (шапочки)’, *начелё́шник* ‘головной убор невесты в виде гребёнки с украшениями’, *наше́йник* ‘ошейник // ремешок, лента с бубенчиками на шее лошади’, *нашу́бник* ‘длинный тулуп, который одевался поверх верхней одежды (‘шубы’)’.

Примыкают к указанной группе также два существительных, называющих рукояти орудий труда (о причинах их выделения см. выше): *навы́льник* ‘рукоятка вил’ и *начепелё́жник* ‘ручка ухвата’.

Следует отметить, что среди производных слов, наделенных пространственной словообразовательной семантикой, в смоленских говорах не было обнаружено ни одного существительного, которое бы допускало мотивацию предложно-падежным сочетанием только с винительным или только с предложным паде-

жом — в отличие от русского диалектного языка и русского литературного языка.

1.2. Пространственное значение бывшего префикса *на* может означать не только нахождение предмета, названного мотивирующим словом, на поверхности другого предмета, но и расположение *над* этим предметом. Данное словообразовательное значение встречается у четырех существительных, функционирующих в смоленских говорах (*насѣнник* ‘чердак над сенями’, *накрѣльник* ‘покрышка над колесом телеги, крыло’, *надвѣрник* ‘навес над хозяйственными строениями’, *надрѣвник* ‘навес над кладкой дров’), что является более частотным показателем по сравнению с диалектным языком, где таких слов лишь два.

1.3. Примыкает к данной группе слов с пространственной семантикой существительное, называющее предмет, расположенный в пространственной близости от другого предмета: *надвѣрник* ‘хозяйственная пристройка к двору’. Примечательно, что в русском диалектном языке встречается это же слово с тождественным значением.

2.1. Словообразовательное значение, формулируемое на основе одного из грамматических значений предлога *на* как обстоятельственное значение цели, обнаруживается в четырех словах: *наблѣдник* ‘полка для посуды’, *налѣстник* ‘полотенце, в котором несут угощение (лусту) пастуху в поле’, *напорѣсник* ‘хлев для свиней’, *напѣльник* ‘плащ’.

2.2. Обстоятельственное значение образа действия встречается в двух словах (дополнительный элемент словообразовательной семантики состоит в указании на характер, образ действия, особенности протекания процесса, который мыслится как сопро­вождающий то, что названо мотивирующим словом в винительном падеже): *навілочник* ‘охапка сена, соломы и под., взятая вилами за один раз’, *накопѣльник* ‘небольшой воз сена’.

2.3. Обстоятельственное значение места встречается у одного производного существительного *надѣмник* ‘магазин, расположенный в частном доме’. Мотивирующая предложно-падежная

конструкция предполагает, что существительное стоит в форме предложного падежа.

3. Определительное значение бывшего предлога *на* отмечается в частной диалектной системе лишь в трех случаях и формулируется как «указание на предмет, наличие которого характеризует другой предмет»: *назольник* 'раствор золы, используемый для стирки', *наугольник* 'угловая часть дома // угловая часть хлева, сарая для мелкого скота // сарай, расположенный между другими строениями (сараем, хлевом и под.), стены которых служат стенами и для него', *наушник* 'небольшой глиняный горшочек с двумя ушками'.

4. Определительное значение производных существительных-наименований лиц встречается в смоленских говорах в ограниченном числе случаев — шести: *нагрёшник* 'о том, кто вводит в грех', *наёдник* 'нахлебник', *налóйник* 'живот (человека), неодобр.', *нахра́пник* 'лицо, бран.', *нахребётник* и *наше́йник* 'дармоед, нахлебник'.

Результаты приведенных выше классификаций можно обобщить с учетом описания видов словообразовательного значения следующим образом:

1. Соотношение производных слов с конфиксом *на-...-ник*, называющих предметы и лица, примерно одинаково в русском литературном языке (88% к 12% соответственно), русском диалектном языке (92% к 8%) и в смоленских говорах (89% к 11%).
2. Внутри группы слов, называющих неодушевленные предметы, можно определить соотношение ведущих видов словообразовательной семантики, описанной на базе грамматического значения бывшего предлога *на*, как обстоятельственное и определительное. Данное соотношение выглядит следующим образом: в русском литературном языке у 97% слов обнаружено обстоятельственное значение и лишь у 3% определительное; в русском диалектном языке и в смоленских говорах соотношение одинаково: 93% к 7% слов.

Таким образом, в каждой из групп последовательно преобладает обстоятельственное словообразовательное значение.

- Исходя из этого наблюдения, можно установить соотношение видов словообразовательной семантики внутри достаточно обобщенного обстоятельного значения как триаду «пространственное значение : значение цели : значение образа действия». В русском литературном языке соотношение выглядит следующим образом: 89% : 8% : 3%; в русском диалектном языке 81% : 17% : 2% и в смоленских говорах 86% : 9% : 5%. Как видно из приведенных данных, в целом пространственная семантика является доминирующей в каждой из групп, однако смоленские говоры демонстрируют относительно меньшее количество слов, по сравнению с русским диалектным языком, имеющих «целевую» семантику («предназначенных для чего-то»), и наоборот, большее количество слов с унаследованным значением «образа действия».
- Являются уникальными с точки зрения словообразовательной семантики одно слово русского диалектного языка с объектным значением (*наку́чник* 'окучник') и одно слово смоленских говоров с обстоятельственным значением места (*надóмник* 'магазин').

Словообразовательные значения, обнаруженные у производных слов с конфиксом *на-...-ник* в смоленских говорах, в целом разделяются на те же подгруппы с примерно одинаковым соотношением частей, что и слова с конфиксом *на-...-ник* в русском литературном и в русском диалектном языке. На уровне грамматики между всеми группами словами с конфиксом *на-...-ник* отмечается гораздо больше общего, чем различного, за некоторыми отклонениями. В то же время некоторые отклонения от общезыковых тенденций требуют объяснения: например, меньшее количество производных существительных с «целевой» семантикой в смоленских говорах и, наоборот, большее количество слов со зна-

чением «образа действия». Возможно, изучение истории данных словообразовательных моделей поможет объяснить этот факт.

Известно, что словообразовательная семантика производных существительных участвует в формировании лексического значения слов и часто определяет их специфику в частной диалектной системе. Производные конфиксальные существительные в рамках описываемого типа в смоленских говорах строятся из материала, который хорошо известен русскому языку: и префикс *на-*, и суффикс *-ник*, и подавляющее большинство корней не являются собственно диалектными (диалектных мотивирующих слов, с диалектными же корнями, лишь 8 из 53), но именно комбинация уже существующих корней и аффиксов, наделенных определенным словообразовательным значением (причем достаточно типизированным, как показало исследование) определяет лексическое своеобразие производного диалектного слова. В результате слова, образованные из общерусского материала, называют собственно диалектные предметы и реалии.

Для иллюстрации богатства лексических отношений производных существительных в рамках отдельного словообразовательного типа все проанализированные слова могут быть разделены на ряд групп. Количественное наполнение каждой группы представлено на рис. 1.

Именно на уровне лексического значения, которое оформляется в том числе и отдельными словообразовательными моделями, обладающими типизированной словообразовательной семантикой, определяются более существенные различия между тремя языковыми группами и, соответственно, ярче видна специфика производных слов частной диалектной системы смоленских говоров.

Таким образом, специфика функционирования конфикса *на-...-ник* в смоленских говорах наиболее отчетливо проявляется в «трехмерном» измерении по отношению к русскому литературному и русскому диалектному языкам, с одной стороны, и в сопоставлении словообразовательного и лексического значений производных слов, с другой.

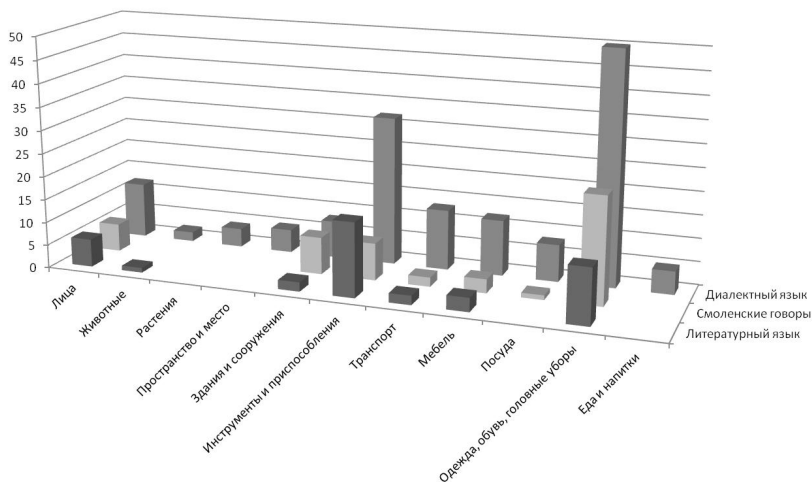

Рис. 1: Соотношение групп лексики в пределах словообразовательного типа с конфиксом *na-...-ник*

Сокращения

Сводный 1991 — Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. Р. П. Рогожниковой. М., 1991. Т. 1: А–О. 800 с.

ССГ — Словарь смоленских говоров. Т.т. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. 2-е изд. Вып. 19. СПб., 2002.

E. Lunkova. Prefix na- and Suffix -nik in the Smolensk Dialects

Complex morphemes may be used for the definition of some special features of a dialect word-formation. Motivated words with prefix *na-* and suffix *-nik* in the Smolensk dialect are compared with the similar groups of words in standard Russian and dialect Russian for this purpose.

Keywords: Smolensk dialect, dialect word-formation, complex morpheme unit.

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РЕЖСКОГО ГОВОРА НА ФОНЕ ОБЩЕРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ*

Аннотация. В статье описываются фразеологизмы, зафиксированные в говоре жителей Режского поселения Сямженского района Вологодской области. Анализ диалектной фразеологии в сопоставлении с идиомами русского литературного языка позволяет показать специфические черты, характеризующие нравственные нормы, духовный мир, жизненный уклад северного крестьянина.

Ключевые слова: вологодские говоры, Режа, фразеология.

Современное развитие фразеологии и фразеографии позволяет поставить вопрос о специфике диалектной фразеологической картины мира. О перспективности сопоставительного изучения фразеологии свидетельствуют работы, объектом исследования которых являются фразеологизмы разных языков¹. Не меньший интерес представляет сравнение общерусской фразеологии с региональными фразеологическими подсистемами русского национального языка.

Предметом описания в настоящей статье является фразеология говора жителей Режи. Речь жителей Режского поселения Сямженского района Вологодской области изучалась под руководством проф. Л. Ю. Зориной в течение нескольких десятилетий. В настоящее время картотека Словаря режского говора представляет интерес не только для диалектологов, но и для историков, эт-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

¹Малыгин В. Т. Национальное своеобразие русской и немецкой фразеологии в аспекте сопоставительной лингвокультурологии // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятое Жуковские чтения): материалы Междунар. научн. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова: в 2 т. Т. 1. Великий Новгород, 2011. С. 23–27.

нографов. Самостоятельную ценность имеет фразеологический фонд этой картотеки. Рамки статьи не позволяют описать все его богатство: фактический материал приводится избирательно в соответствии с целями исследования. Заметим, что в последние годы возрастает интерес к изучению фразеологии вологодских говоров², издан словарь устойчивых оборотов речи в вологодских говорах «Золотые россыпи» под редакцией Л.Ю. Зориной³.

Анализ региональной фразеологии помогает представить диалектоносителя как языковую личность на ее вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях. Диалектная фразеосемантическая система отражает духовную и материальную культуру русского крестьянина, позволяет судить о его мировосприятии.

В диалектах, как и в литературном языке, наряду с рациональным познанием мира отражается его чувственное восприятие. В говоре Режи важные для крестьянина понятия могут быть номинированы словами в их прямом значении: *бережина* 'трава, растущая на берегу реки', *важня* 'помещение для хранения зерна, муки', *водополь* 'половодье', *доёнка* 'дойная корова' и т. п. В то же время для обозначения самого обычного, бытового предмета, например, головного убора, может быть использована образная номинация. Так, высокую мужскую шапку круглой формы без ушей назовут *криночка*, в основе семантического переноса лежит сравнение с

²Кондрашкина С. И. Фразеология вологодских говоров как объект лингвокраеведения // Филология в образовательном пространстве города Череповца: История и современность (к 85-летию со дня рождения Л. Я. Маловицкого). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Череповец, 2011 / Отв. ред. Е. В. Грудева. Череповец: ЧГУ, 2012. С. 70–78; Андреева Е. П. Культурная мотивация диалектных фразеологизмов (на материале «Словаря вологодских говоров») // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 10. Вологда, 2012. С. 167–172; Андреева Е. П. Отражение народной культуры в диалектной фразеологии (на материале Словаря вологодских говоров) // Русское слово и Костромской край: сб. статей / Отв. ред. Н. С. Ганцовская, О. Н. Крылова. СПб: Нестор-История, 2013. С. 89–94.

³Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских говорах / Отв. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: ВГПУ, 2014. 304 с.

крестьянской посудой — кринкой. Характеристика человека дается при помощи таких слов, как *крутило* ‘человек, быстро выполняющий какое-либо действие’ или *тихоброд* ‘человек, который медленно ходит’. Показательны контексты: *Круто работает — и будет крутило. Хоть девушка, хоть парнёк, всё одно — крутило.* Сямж. Монаст. *Крутило и есть крутило: идет быстро, а коль тихо, так и тихоброд.* Сямж. Монаст. Приведенные примеры дают возможность судить об образной, эмоциональной речи режарков.

Еще более ярко эти качества проявляются при использовании фразеологизмов: понятие, мысль выражаются при помощи устойчивого оборота. Так, в режском говоре о ленивом человеке скажут — *коромысло в спине заросло: Коромысло в спине заросло — это уже больно о ленивом человеке говорят. У него коромысло в спине заросло.* Сямж. Монаст. *Вон как худо шевелится! Ой, Колька, Колька! У тя коромысло в спине заросло! Нешевеля такой был!* Сямж. Монаст. Описывая людей, очень похожих в каком-либо отношении, используют фразеологизм *как из одной плахи колоты: Как из одной плахи колоты, так похожи были — не разберёшь!* Сямж. Монаст. *Серёжа да отец — дак как из одной плахи колоты! А Коля совсем другой, всё умеет.* Сямж. Монаст.

Будучи единицей вторичной номинации, фразеологизм обладает более сложной семантикой даже в сравнении с образными словами: понятие обозначается «иносказательно», важную роль при этом играют ассоциативно-образное представление носителей диалекта об окружающем мире, оценка какого-либо явления, ситуации. Так, при варке пива отмечают разные этапы этого действия при помощи устойчивых оборотов: *косами заходило* скажут ‘о сильном брожении сусла в процессе приготовления пива’. *Сусло хорошее будет: косами заходило.* Сямж. Монаст. При приготовлении пищи может быть использован оборот *ключи улягутся* ‘о прекращении бурного кипения жидкости’. *Пусть постоит маленько, чтобы ключи-ти улеглись. Вот как кисель сварить, дай постоять: пусть ключи улягутся.* Сямж. Монаст. Фразеологизм *седой старик приехал* имеет значение ‘о сильном утрненем инее

осенью. Как большой иней утром, так бабушка сказывала: «Вот уж, деушки, седой старик приехал. Видно, скоро холода». Сямж. Монаст.

Региональные фразеологизмы отражают народный эталон — крестьянскую меру вещей, явлений. Так, фразеологизм *мышь бежит, дак видно* имеет значение 'о редких посевах, траве': *На моём покосе дак по волотинке в ряд, ничего нет. Спросят: «Какова трава на поже?» — Ну и отвечаешь: «Мышь бежит, дак видно».* Сямж. Монаст. Нередко при помощи ФЕ дается оценка людей. Положительную оценку выражают такие фразеологические обороты, характеризующие свойства человека, как *режь, а кровь не канет* 'об очень решительном, твердом человеке', *три аршина в землю видит (знает)* 'об умном, проникательном человеке', *зуб съест* 'приобрести навык, опыт', *наперёд класть ношу* 'брать на себя тяжелые виды работы', *травы не одёрнет* 'о тихом, скромном человеке'. Как правило, контексты усиливают положительную оценку отмеченных фразеологизмов: *А внучатка хорошенькие, травы не одёрнут. А бабка-та воспитала их.* Сямж. Монаст.

О народном идеале позволяют судить и ФЕ, содержащие отрицательную оценку, поскольку именно они характеризуют те качества, которые не одобрялись в крестьянской среде, вызывали осуждение: глупость, лень, жадность, необщительность, неразговорчивость. В качестве примеров приведем фразеологизмы *как божий бычок, дикая голова (место)* 'о глупом, бестолковом человеке', *трём собакам воды не разлить* 'о неумелом, несообразительном человеке', *не на руки куделька* 'о неумелом работнике', *к себе пальцы гнутся* 'о жадном человеке', *безязыкое место* 'о неразговорчивом, молчаливом человеке'.

Большой интерес представляют ФЕ, отражающие обиходно-эмпирический опыт народа: *в сухую воду не слазишь* 'о невозможности что-либо сделать без усилий и затрат'. *Много надо ниток на половики. А их и нет. А и есть — дорогие. Без ниток и половиков не будет: в сухую воду не слазишь.* Сямж. Монаст. В русском языке значение многих фразеологизмов формируется, благодаря архетипу *вода*. В русском фольклоре встречаются устойчивые оборо-

ты *живая вода, мертвая вода*. Экспрессивность отмеченного регионального фразеологизма создается за счет использования оксюморона — *сухая вода*.

В составе диалектных фразеологизмов могут быть использованы архаичные лексические компоненты: *дожить до епанчи* 'обноситься, оборваться'. *До епаньци, скажут, дожила, в какой одежде худой ходит*. Сямж. Монаст. Для диалектоносителей внутренняя форма ФЕ является прозрачной: в режском говоре *епанча* имеет значение 'старая, изношенная рабочая одежда'. В современном русском языке это слово используется в значении 'старинная верхняя одежда в виде широкого плаща'. Первая фиксация слова *епанча* 'род накидки, плаща, широкое длинное верхнее платье без рукавов', согласно данным Словаря русского языка XI–XVII вв., датируется XV в. (СлРЯ XI–XVII вв., 5: 52).

В. Н. Телия отмечает, что фразеологические обороты возникают на основе «образного представления действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями»⁴. Диалектные фразеологизмы отражают элементы культуры, связанные с разными сторонами крестьянской жизни. Выделение понятийных сфер, выступающих в роли «доноров» для фразеологизмов, представляется крайне важным. Вслед за Н. А. Потапушкиным в описании фразеологизмов используем классификацию на основе того, к какой области человеческой жизнедеятельности относятся компоненты, входящие в структуру устойчивых оборотов⁵.

⁴Телия В. Н. Что такое фразеология. М., 1966. С. 8.

⁵Потапушкин Н. А. Фразеологические единицы русского языка в лингвокультурологическом аспекте. Учебное пособие. М.: Изд-во УМУ РУДН, 2000. 123 с.

Религия, верования, ритуальные формы народной культуры

Фразеологизм *словно банник унёс* ‘о внезапной, неожиданной пропаже чего-либо’ происходит, вероятно, из суеверного представления о свойствах нечистой силы, ее способности появляться и исчезать мгновенно, всячески вредить человеку: *Ключ от бани потеряла... Встретила бабу, поговорила. Того часу поговорила — и потеряла. Ну, словно банник унёс.* Сямж. Грид. В говоре Режи лексема *банник* имеет значение ‘по суеверным представлениям — злой (или добрый) дух, живущий в бане, вид домового’: *А банник так всё и сидит в бане за каменкой. И когда моиссё, тожо там и сидит.* Сямж. Монаст.

Шутливый фразеологизм *рожество шире масленицы* имеет значение ‘о широколицем человеке’: *Широкорожий, рожество шире масленицы.* Сямж. Монаст. *У, какая девка! Рожество шире масленицы.* Сямж. Монаст. *Масленица* — ‘языческий многодневный праздник проводов зимы у древних славян и других народов, приуроченный христианской церковью к неделе перед так называемым великим постом и отмечаемым печением блинов и различными увеселениями’ (МАС, 2: 232). Масленица для русского человека выступает в качестве символа хорошей, сытой, привольной жизни, о чем свидетельствуют в частности русские пословицы и поговорки: *не жизнь, а масленица, не все коту масленица*. Следует отметить, что в основе живой внутренней формы анализируемого оборота находятся ассоциативно-образные связи, во-первых, обусловленные названием последних дней праздника — *Широкая масленица*: с четверга по воскресенье проходили основные гуляния и развлечения (*гуляй, Широкая масленица!*). Во-вторых, блин — главный атрибут масленицы — может использоваться в русском языке для характеристики круглолицего человека: *лицо у него как блин*.

Одним из древних компонентов, входящих в состав диалектных фразеологизмов, является лексема *прах*, обозначающая нечистую силу. Л. П. Якубинский в «Истории древнерусского языка», описывая распространение церковнославянизмов в гово-

рах, рассматривает слово *прах* как эвфемизм черта⁶. В говоре Режи отметим следующие идиомы: *надавало ко прахам (кого)* ‘о том, кто пришел не вовремя, некстати’ (*Ко прахам ещё тебя мне надавало! Видишь, и так нековда.* Сямж. Рассох.); *пойти ко прахам* ‘полностью разрушиться, потерпеть неудачу, провал’ (*Я так старалась, рисовала, а ко прахам всё и пошло.* Сямж. Рассох.); *прах ногу сломит* ‘о беспорядке, захламленности в доме’ (*Грязно ли, што ли, дак скажут — хававно, прах ногу сломит.* Сямж. Грид.).

Многие ФЕ отражают православный взгляд русского человека на мир. Большинство из таких фразеологизмов выражает главную идею — всё в судьбе человека находится во власти Божьей: *у Бога дней не решето* ‘о большом количестве времени’. В ситуации, когда необходимо подтвердить истинность своих слов, используется фразеологизм *на то Бог: На то Бог, я его видяла: вчера в магазин приходил.* Сямж. Монаст. Внутренняя форма фразеологизма *вкруте Бога не умолишь* ‘о попытках в последний момент перед чем-либо наверстать упущенное, не сделанное своевременно’ свидетельствует о правилах христианского поведения: Бог должен быть постоянно в сердце человека, нельзя обращаться к нему только в трудной ситуации. *Перестань, Анна! Вкруте Бога не умолишь.* Сямж. Монаст.

Орудия крестьянского производства

Образно-ассоциативная структура семантики фразеологизмов *все есть кроме сохи и бороны*, ирон. ‘о крайней бедности, нищете’, *ни сохи ни бороны не оставить* ‘украсть все, ничего не оставив’ связана с главным трудом русского крестьянина — земледелием. В качестве компонентов используются названия основных сельскохозяйственных орудий — *соха, борона*. Два эти компонента в составе русских поговорок отмечает М. И. Михельсон: *Промеж сохи да бороны не схоронишься* (Михельсон, 2: 137).

Другим главным сельскохозяйственным орудием следует считать косу, о чем свидетельствуют и многочисленные пословицы

⁶Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 116.

и поговорки в русском языке: *без косы и сена не накосишь, на острую косу много сенокосу, бритва бреет, и коса бреет, попадает (нашла) коса на камень, с косой в руках погоды не ждать*. Для крестьянина важно было правильно определить время сенокоса, количество укосов. Фразеологизм *последнюю косу (в последнюю косу) косить (скосить)* употребляется в значении ‘заготавливать (заготовить) сено в последний (второй или третий) укос’. *Они уже скосят последнюю косу, так всё перепреет*. Сямжа. *Она всё в последнюю косу косит, а я говорю — раньше надо*. Сямжа.

Предметы, относящиеся к быту, домашнему обиходу

Нередко в качестве компонентов ФЕ выступали наименования предметов, непосредственно окружающих крестьянина.

Фразеологизм *идти под батог* имеет значение ‘заходить в дом, когда хозяев нет дома и дверь подперта палкой’. Этот устойчивый оборот отражает традиции, бытующие в крестьянской среде: дверь, как правило, не запиралась, если хозяева ненадолго уходили из дому, об их отсутствии можно было судить по палке, приставленной к двери: *Я подошла, а у них и дома никого нет. Под батог идти неудобно*. Сямж. *Монаст. Батог свищет (шумит) (у кого) ‘о быстрой ходьбе’*. Значение фразеологизма мотивировано семантикой диалектного слова *батог (бадог)* ‘длинная палка для опоры при ходьбе, посох’. Как правило, посох (*батог*) использовали люди старшего возраста, испытывающие затруднения при ходьбе, о чем свидетельствует и контекст: *Она жилой человек. Хотя восемьдесят пятой год, а идёт, дак бадог у ней свищет*. Сямж. *Монаст.*

В основе образности идиомы *спицы в землю не обвострить* ‘о неумелом человеке’ лежит гиперболизация. *Ой, уж какой неумелый! Ему спицы в землю не обвострить. Он сделает, да неумело*. Сямж. *Монаст.*

Названия хозяйственной утвари, посуды также находим в составе ФЕ. Интерес представляет внутренняя форма уже упомянутого фразеологизма *у Бога дней не решето* ‘о большом количестве времени’: *У Бога дней-то ештё не решето — напишешь еш-*

тё. Сямж. Монаст. Согласно данным толковых словарей русского языка, *решето* обозначает 'хозяйственную утварь в виде деревянного обода, на который натянута сетка, служащая главным образом для просеивания муки' (МАС, 3: 714). Фразеологический образ приведенной идиомы строится на символическом значении слова: *решето* — вещь, не способная удержать что-либо, легко пропускающая содержимое через себя. Вспомним мотив ношения воды или света решетом, широко представленный в русском фольклоре. Сходная мотивация значения обнаруживается у общерусских фразеологизмов и пословиц с компонентом *решето*: *голова как решето* 'о плохой памяти', *решетом воду носить* 'заниматься пустяками, бессмысленным делом', *в решете горох мочили, дурака писать учили* 'о том, что учить тупицу бессмысленно'.

Компонент *кузов* 'берестяной короб для семян, зерна' используется в символическом значении 'большой объем, много': *целый кузов* 'очень много, в большом количестве' (*Я песен-то знаю целый кузов*. Сямж. Монаст.), *как из кузова валит* 'о большом количестве задаваемых вопросов' (*Она за языком не стоит. Она натиск имеет. У неё как из кузова валит. Ой, колоколец! Она натиску даёт!* Сямж. Грид.). Сходная внутренняя форма у общерусского фразеологизма *с три короба* 'очень много, невесть сколько' (БФС: 609).

Самовар в доме крестьянина был символом зажиточной жизни, мерой достатка семьи. Со временем он превратился в вещь, каждодневно используемую в крестьянском хозяйстве. ФЕ *с каждого самовара (пить)* имеет значение 'очень много и часто пить'. *Рыба-то солёная, я и поела, с того и пью, поманю и попью, поманю и попью* — дак с каждого самовара. Сямж. Монаст.

О правилах употребления спиртного в крестьянском быту говорят следующие фразеологизмы: *пока стопку кверху не повалят* 'об обычае перевертывать стопку кверху дном в знак того, что больше вина пить не хотят' (*Пока стопку не повалят, дак будут вино наливать. Надо ведь дёнышко показать*. Сямж. Монаст.); *стопки под порог* шутл. 'об окончании выпивки' (*Давайте еишиё выпьемте и — стопки под порог*. Сямж. Монаст.).

Пицца, традиционные кушанья

Устойчивый оборот *печь блины* ‘бросать над водой плоский камень так, чтобы он пролетел близко к поверхности воды, ударяясь об нее несколько раз’ обозначает одно из детских развлечений: *Вот внучок у меня насобирает камней, да давай блины печь*. Сямж. Монаст. В основе фразеологического значения лежит зрительный образ: брошенный плоский камень, ударяясь о воду, образует на ней расходящиеся круги, напоминающие блины. Заметим, что в народной культуре блины, национальное русское кушанье, играют роль обрядового блюда, не случайно и в составе общерусских фразеологизмов используется компонент *блин* (ср. *первый блин, первый блин комом*).

ФЕ *из одного пирога не едим* ‘об обычае каждому есть из отдельной посуды’ свидетельствует о когда-то действующих в крестьянской семье правилах — есть из общей посуды. В составе фразеологического оборота у компонента *пирог* наблюдается семантический перенос на основе метонимии: ‘еда’ → ‘посуда’. Интересно, что в литературном языке развитие значения идет в противоположном направлении: ‘посуда’ → ‘еда’ (ср. *три тарелки съел*). Отметим, что не случайно в качестве символа еды, кушанья выступает пирог. Русская кухня издавна была богата пирогами. Вспомним пословицы: *изба красна углами, обед — пирогами; был бы пирог, найдется и едок; не поглядев на пирог, не говори, что сыт; для друзей — пироги, для врагов — кулаки*.

Национальным русским блюдом являются щи. *Щи да каша — пицца наша*, утверждает русская пословица. Именно название этого кушанья в его региональном варианте (*шти*) используется в составе фразеологизма *как шти пролил* ‘резко, неожиданно, мгновенно сделал что-либо’: *Свалился — как шти пролил*. Сямж. Монаст. Близким по значению является фразеологический оборот *как шаньга со сковородки (слетает)* ‘легко, быстро, успешно’: *Белоус надо косить с росой. Без росы не скосишь, хоть того лучише коса-то, а с росой — как шаньга со сковородки слетает*. Сямж. Грид.

Соматизмы

Названия частей человеческого тела нередко развивают в языке символическое значение, вследствие чего используются в качестве компонентов фразеологизма.

В лингвокультурологическом аспекте большой интерес представляет фразеологизм *показать тело до колена* 'в традиционной народной культуре — приподняв подол, продемонстрировать качество и чистоту нижнего белья девушки и ее способность к рукоделию'. *Подподольницы носили. Девке нельзя было прийти, чтобы виски какие-нибудь. Иишио парни говорили: «Покажи тело до колена!» Десять раз скажут, не отступятся от девки, если у неё худое бельё.* Сямж. Монаст.

Высокий фразеобразующий потенциал компонента *рука* в русском языке описан А. Р. Поповой⁷. Приведем фразеологизмы, употребляемые в говоре Режи. Национальную специфику выражает устойчивый оборот *поломить руки* 'всплеснуть руками, выражая крайне сильное чувство', входящий в состав кинетических, «жестовых» идиом. *Костя умер. Приехал с точки, жена вышла к соседке, пришла — он лежит на полу мёртвый. Так все и поломили руки.* Сямж. Монаст. *Баба-то эта со всеми мужиками жила да ештё сказала: «А вот только этого не пробовала». Так все и поломили руки.* Сямж. Монаст.

Компонент *рука* в ряде региональных фразеологизмов выступает как древнейший символ основного орудия человека: *отстать от рук* 'о сильной усталости после напряженного физического труда' (*Так будешь грести, што отстанешь от рук, отстанешь от рук — до чего уж делается.* Сямж. Монаст.); *с руками 'качественно, квалифицированно'* (*Это делалось с руками, ну, делал человек умеющий.* Сямж. Монаст.); *с руку 'удобно, сподручно'* (*А у них техничка там, дак с руку, всё им принесёт. Принесла, а*

⁷Попова А. Р. Фразеологизмы с компонентом *рука* в севернорусских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 10. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. С. 86–97.

она на другой день и белить окна стала. Сямж. Монаст.); не к рукам (не на руки) куделька 'о неумелом человеке' (Посмотри, какой стог поставили! Ой, девки, ой, не на руки куделька эти Игнашевы! Сямж. Монаст.). Внутренняя форма ФЕ на круту руку 'быстро, наспех, торопливо' для диалектоносителей является прозрачной: прилагательное *крутой* в вологодских говорах имеет значение 'быстрый, энергичный в работе'. Знаешь, как ест? А на круту руку. Что-нибудь попьёт да проглотит, а по-нашему никогда не седет. Сямж. Монаст. А тогда уцителей-то пекли на круту руку. Со скамьи — на курсы. Восемь месяцев — и роботай с робятами-ти. Сямж. Монаст.

Диалектный фразеологизм *рука подать* 'близко' представляет собой грамматический вариант общерусской идиомы *рукой подать*: *Здесь-то рука подать от Вологды, а в Кич-Городок далеко ехать*. Сямж. Как утверждает В. В. Красных, в подобных фразеологизмах отражается древнее моделирование человеком мира: «В архетипических формах окультуренной человеком пространственной модели мира естественные границы человеческого тела человека разделяют внутреннее для него и внешнее. В телесно достижимой части окружающего мира руки очерчивают границу возможного непосредственного контакта человека с тем, что заполняет окружающий его мир» (БФС: 537). В результате у компонента *рука* развивается символическое значение 'близость'.

Фразеологизм *за большими руками* имеет значение 'несамостоятельно, в подчинении кому-либо', он отражает строгую иерархию, бытовавшую когда-то в большой крестьянской семье. Контекст свидетельствует о том, что в современной жизни нередко в подчиненном положении оказываются старые родители, что нарушает народные нравственные нормы: *Она боится, чтоб её не заругали, она ведь за большими руками живёт. Сноха не обожает, когда она рассказывает, да и сын тожо*. Сямж. Колтыр. Заметим, что у компонента *рука* древнейшее символическое значение 'власть' развивается и в составе общерусских фразеологизмов: ср. *взять в свои руки, всё в руке Всевышнего*. Сема 'власть' реализуется у лексемы *рука* в составе устойчивого оборота *меж руками* 'без

строгoго контроля, присмотра'. У девушки-то своя девушка есь. Жила в Вологде да принесла. А теперь приехала и так меж руками. Сямж. Монаст.

Прозрачную внутреннюю форму имеет фразеологизм с пальчиков *нализаться* 'стать сытым, имея доступ к продуктам питания': *Бачаруха с пальчиков налижется*. Сямж. Монаст. В режском говоре лексема *бачаруха* употребляется в значении 'хозяйка в доме, женщина, ведущая домашнее хозяйство'. Значение фразеологизма *пить без пальчика* 'пить очень сильно, много (о спиртном)', по-видимому, мотивируется правилом — пить нужно умеренно, указывая пальцем (пальчиком) границу, по которую следует наливать спиртное. *Начальник этот пьёт без пальчика*. Сямж. Монаст. *Вишь, он пьёт без пальчика, дак кто за него пойдёт*. Сямж. Монаст.

Фразеологизм *ноги растянуть* 'умереть' имеют ту же внутреннюю форму, что и общерусский устойчивый оборот *ноги протянуть*: в основе фразеологического значения зрительный образ, связанный с позой умершего. *Кот недавно ноги растянул*. Сямж. Монаст.

Ярко выражена шутливая окраска у фразеологизма *на пятах упечься* 'о пирогах: дойдут до готовности, когда будут съедены'. *Упеклись ли пироги? Ну, не упеклись, дак на пятах упекутся*. Сямж. Монаст.

О любви русского человека к чаепитию свидетельствует такой фразеологизм, как *размочить кишочки* 'с удовольствием, наслаждением попить какой-либо жидкости (чая, воды)'. *Садитесь чай пить, размоцте кишочки-то*. Сямж. Монаст.

Фразеологизм *приятись не по губе (кому)* 'не понравиться' образован по модели общерусской идиомы *не по вкусу*: *Как топнёт муж-то, да как сматюкается, тебе не по губе придётся, отвернёйся да и убежишь домой*. Сямж. Монаст. В основе ФЕ *на брилах молоко не обсохло* 'кто-либо еще совсем молод и неопытен' так же лежит общерусская модель. В режском говоре лексема *брила* имеет значение 'губа'.

Фразеологизм *язык проспать* ‘не до конца проснувшись, не разговаривать’, как и уже описанные ФЕ, связан с телесным кодом культуры: *Головой мотают, язык проспали: не разглуздались, глаза заспанные. Ложились с языком, а встали без языка. А вот так и понимай: головой машет и ничего не говорит.* Сямж. Монаст. И. В. Зыкова отмечает, что компонент *язык* в составе фразеологизмов входит в метонимически-образное отождествление по смежности: являясь частью речевого аппарата, он воспринимается как «орган» речевой способности (БФС: 583). Об этом свидетельствуют и такие устойчивые обороты в говоре Режи, как *за языком не стоять* ‘быть находчивым в разговоре, острым на язык’ (*Она за языком не стоит. Она натиск имеет. У неё как из кузова валит. Ой колоколец! Она натиску даёт!* Сямж. Грид.), *шубный язык* (*у кого*) ‘невнятная, нечеткая речь’ (*О, молодец! Язык-то у тя не шубный!* Сямж. Грид.). Фразеологизмы с компонентом *язык* нередко обозначают болтливую человека: *язык незапертой* (*Язык-от незапертой у него. Он говорит, говорит без конца.* Сямж. Монаст.), *язык на простом месте* (*Ой, у него ведь язык на простом месте. Мели, Емеля, твоя неделя! Любитель поговорить.* Сямж. Монаст.).

Фразеологический образ других оборотов, характеризующих речевую деятельность, включает компонент *рот*: *рот широкий* (*у кого*) ‘о болтливом человеке’. *У него рот широкий, он всем рассказывает: кто как рождает, кто как чего.* Сямж. Монаст. *У бабы Шуры-то рот широкий: всё про всех знает, всё расскажет.* Сямж. Монаст. Фразеологизм *соватья мимо* (*округ*) *роту* (*рота*) имеет значение ‘о том, что не приходит на ум, не вспоминается в нужный момент’: *Не могу вспомнить, и даже место забыла, как зовёцца — вот до чего дико место стало. Вот уж кажецца, только скажи, а вспомнить не могу — мимо роту суёцца.* Сямж. Монаст.

Родственные отношения

Большим семантическим потенциалом обладают термины родства, вследствие этого они нередко участвуют в образовании диалектных идиом. Приведем отдельные примеры.

Фразеологизм *со стыдом как с братом* в значении 'о человеке, испытывающем чувство стыда, неловкости' не требует дополнительного лингвокультурологического комментария. Отметим только, что в основе фразеологического образа лежит древнейшая оппозиция «свое» — «чужое», компонент *брат* выражает идею родства, близости, в составе одной препозиции (*брат — стыд*) наблюдается персонификация чувства: *Пришла на собрание, а там стали ругать её сына. Она со стыда и ушла с собрания. Вот и говорят: «Она со стыдом как с братом»*. Сямж. Монаст.

Фразеологизм *не в большую сноху* 'о человеке, не желающем указывать кому-либо, командовать кем-либо' свидетельствует об отношениях, бытовавших когда-то в большой крестьянской семье. Домом управляла свекровь (*большуха*), ее первой помощницей и главной среди снох была жена старшего сына (*большая сноха*). Фразеологизм *не в большую сноху* используется в современной речи диалектоносителей, несмотря на то, что патриархальные формы семьи давно уже перестали существовать. *Сходите, сходите за молоком. А уж если не хотите, я не отправляю. Я ведь не в большую сноху*. Сямж. Монаст.

Составные наименования мифических персонажей, отражающих языческие представления наших предков, также нередко включают термины родства. В говоре Режи *батюшко-доброхотушко* 'по суеверным представлениям — мифический персонаж, обитающий в конюшне, заплетающий гривы лошадям', *матица-доброхотица* 'по суеверным представлениям — сверхъестественное существо женского пола, добрый дух, живущий в доме': *Матица-доброхотица, батюшко-доброхотушко! Пойдём со мной домой. Так говорят, когда невеста переезжает в дом мужа. Или семья — в другой дом*. Сямж. Монаст. *Батюшко* в народной речи имеет значение 'отец', исходное значение слова *матица* — 'мать', о

чем свидетельствуют данные этимологических словарей (Фасмер, 2: 581) и наблюдения исследователей⁸. Отмеченные устойчивые обороты не случайно включают второй компонент — *доброхотушко*, *доброхотица*: эти слова должны «задобрить» мифического персонажа, установить с ним контакт. В противном случае он может причинить вред: так, *батюшко-доброхотушко* способен вселиться в человека и начать его душить. О. А. Черепанова отмечает: «Персонажи демонологии обнаруживают сходные с человеком черты в своем облике, поведении, отношениях, но всегда с какими-то ограничениями, отклонениями от норм реальности или вовсе с «обратным знаком»⁹.

Имена собственные

Этнокультурный компонент ярко выражен во фразеологизмах, включающих имена собственные. Еще П. Флоренский указывал на социальную значимость имени: имя — это точка приложения известных верований и убеждений народов, фокус социальной энергии¹⁰.

Фразеологизм *как у Берди на заводе* имеет значение ‘о беспорядке, при котором множество предметов собрано, набросано в одном месте’. Внутренняя форма ФЕ затемнена, о чем говорит контекст: *Как у Берди на заводи. У мян тожэ тут завалу-то мно-го. А я не знаю, что за Бердя, деушка!* Сямж. Монаст. Прозвище *Бердя* лежит в основе ряда русских фамилий: *Бердяев*, *Бердюгин*, этимология которых исследователям представляется спорной. Семантически ослабленным является имя собственной и в составе идиомы *останется Кука да Мака* ‘о сильной усталости, полном изнеможении’: *Если пешком дойду, останется от меня Кука да Мака.* Сямж. Монаст.

⁸Криничная Н. А. Матица — слово, образ, символ // Русская речь, 2014, 4. С. 116–121.

⁹Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 7.

¹⁰Флоренский П. Имена // Флоренский П. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М., 1999. С. 160.

Затемненным представляется и фразеологический образ такого устойчивого оборота, как *Шоша да Мотоша да Колупай с братом* 'о случайно собравшихся, ничтожных, незначительных людях': *Знаю я их! Никогда не помогут, ещё хуже сделают да всем расскажут. Шоша да Мотоша да Колупай с братом.* Сямж. Двин. *Шоша да Мотоша да Колупай с братом — неваровые.* Сямж. Монаст. Компонентами ФЕ являются имена-прозвища с отрицательной коннотативной окраской. Так, прозвище *Мотоша* восходит, возможно, к диалектному глаголу *мотать*, отметим его значения, негативно окрашенные: 'жить с трудом, маяться', 'пьянствовать' (СРНГ, 18: 296). Согласно второй версии перед нами образование от деминутива *Мотя* (*Матфей*), показательно, что и при таком подходе все однокоренные слова отантропонимического происхождения (*мотява* 'о неповоротливом, глупом человеке', *мотюня* 'неуклюжий, большого роста человек') являются экспрессивами, обладают пейоративной окраской¹¹. Антропоним *Колупай* встречается в севернорусских памятниках XVI–XVII вв. И. А. Коршунова сопоставляет его с апеллятивом *колупай* 'мешковатый, нерасторопный человек, копуша' (СНЛИ: 236). СРНГ фиксирует вариант анализируемого фразеологизма *Тюха (да), пантюха да Колупай с братом* в двух значениях: 1. 'о ленивых работниках' Иркут.; 2. 'о морально разложившихся членах общества' Костр. (СРНГ, 25: 200). Интересно, что Салтыков-Щедрин в произведении «За рубежом» использует фамилии купцов-кровопийцев *Колупаев* и *Разуваев*, ставшие символическими (Михельсон, 2: 445).

Значение фразеологизма *Осипат прошёл (у кого)* 'о ссоре, размолвке' имеет, по-видимому, ассоциативно-образную основу. *У них опять Осипат прошёл — даже не разговаривают.* Сямж. Монаст. Компонент *Осипат* соотносится с именем *Осип*, используемым в языке фольклора: *есть такой Осип, что увидит — всё просит, Архип осип, Осип охрип.* Форма *Осипат* фиксируется в

¹¹Родионова И. В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении, 2005, 10, с. 159–189.

народных сказках, например, *Осипат и чёрт*. Значение фразеологизма, видимо, связано с омофонической близостью имени собственного *Осипат* и глагола *осипнуть* 'стать сиплым (о голосе)'. В ссоре, ругани голос от напряжения может терять свою звучность, чистоту.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. Локальный характер фразеологизмов, известных режскому говору, обусловлен разными причинами. Прежде всего, региональные ФЕ могут включать в свой состав диалектные компоненты: *матица-доброхотица*, *идти под батог*, *бадог свищет*, *словно банник унёс*, *брать такими кочами*, устаревшие слова *на пятах упечься*. Нередко такие фразеологизмы строятся по общерусским моделям (ср. *на брилах молоко не обсохло* — *на губах молоко не обсохло*). Различие между диалектными и общерусскими ФЕ может наблюдаться на грамматическом уровне (*с руку* — *с руки*, *рука подать* — *рукой подать*).

Региональный характер имеют отономастические фразеологизмы: *как у Берди на заводе*, *Осипат прошёл*, *останется Кука да Мака*.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть общность ассоциативно-образной основы общерусских и диалектных ФЕ (ср. *целый кузов* — *с три короба*). Анализ ФСС режского говора подтверждает точку зрения И. А. Подюкова: «Фразеосюжеты в народной речи чаще всего универсальны, совпадают не только в разных говорах русского языка, но и в разных языках»¹². Близость фразеосюжетов очевидна и при сопоставлении общерусских и диалектных фразеологизмов (ср. *травы не одёрнет* — *тише воды, ниже травы*).

¹²Подюков И. А. О локальных особенностях пермской диалектной фразеологии // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная фразеология. 2010, 5 (11). С. 18.

Сокращения

- БФС — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Авт.-сост. Брилева И. С., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Зыкова И. В., Кабакова С. В., Ковшова М. Л., Красных В. В., Телия В. Н. / Под ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006; 4-е изд. 2009. 784 с.
- МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. Т. 1–4. М., 1981–1984.
- Михельсон — *Михельсон М. И.* Русская речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. М.: Терра, 1994. 1600 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М.: Наука, 1975–2011.
- СНЛИ — *Кюришнуова И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–48. М.; Л.; СПб., 1965–2015.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.

E. Andreeva. **Phraseosemantic System of Rezha Dialect and All-Russian Phraseology**

There are idioms in Rega dialect described in the article. The analysis of dialect phraseology in comparison to idioms of Russian literary language allows to show the essential features, that characterize the moral precepts, perception of the world, the way of life of the inhabitants of northern village.

Keywords: Vologda dialects, dialect of Rega, phraseology.

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕЖИ В ИХ ПРОЗВИЩАХ*

Аннотация. В статье анализируются прозвища жителей Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области в структурно-семантическом и этнолингвистическом аспектах. Различные стратегии прозвищной номинации задают свой ценностный регистр в системе социально значимых параметров идентификации личности: индивидуальные прозвища выделяют одного конкретного человека среди односельчан и характеризуют его по каким-либо заметным для всех особенностям внешности или поведения; релятивные прозвища характеризуют человека в микроколлективе одной семьи; коллективные прозвища жителей целых деревень создают собирательный образ обитателей одной сельской местности, противопоставленных по различным признакам жителям другой местности.

Ключевые слова: прозвище, народная картина мира, диалектный социум.

В современном диалектном социуме достаточно активно функционируют прозвища, являющиеся специфическим средством идентификации отдельной личности или группы лиц в рамках диалектного сообщества. Прозвище противопоставлено основному именованию человека по своему происхождению и условиям употребления: имя дается в семье, прозвище — на «улице» и может перерасти в уличную фамилию.

В последнее десятилетие появилось довольно много работ, посвященных изучению такого разряда антропонимов, как прозвища, особенно прозвищ в диалектной среде, коллективных прозвищ. Так, например, большая работа в этом направлении проводится в Уральском государственном университете, где подго-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

товлен «Словарь русских коллективных прозвищ»¹. Вопрос же о наиболее оптимальной классификации прозвищ остается в ономастике по-прежнему открытым.

Объектом изучения в данной статье являются неофициальные антропонимы, зафиксированные на территории Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области. Общее число анализируемых онимов — 280, они были собраны в результате диалектологических экспедиций Вологодского государственного педагогического института / университета (теперь ВоГУ) под руководством доцента Л. Ю. Зориной в основном в 80-е и 90-е годы XX века². Анализу в статье подвергаются антропонимы с установленным мотивом номинации, реальные имена людей — носителей прозвищ не указываются по этическим соображениям.

Изучение неофициальных антропонимов режского говора, дополненное изучением его лексической системы в целом, позволяет описать один из важнейших фрагментов народной культуры, связанный с представлениями о человеке с точки зрения его оценки самим собой.

В центре этой системы оценок находится сам человек, его личность и внешность, репрезентированные **индивидуальными прозвищами** (134 лексемы). В основном эти прозвища представляют собой разновидность неязыковой мотивированной номинации и кроме идентифицирующей функции выполняют функцию характеристики лица, т. к. имеют коннотативную окраску на лексическом или словообразовательном уровне.

Во внешности человека традиционно обращает на себя внимание признак «чрезмерно высокий рост» — **Колыш, Долбило**

¹Воронцова Ю. Б. Из наблюдений над территориальным распределением русских коллективных прозвищ // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / Под. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 52.

²Картотека словаря режского говора, хранится на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета.

или, наоборот, низкий рост — **Воробьёнок**; особенности телосложения: чрезмерная полнота — **Квашня**, **Корчага** (полные женщины), **Медведица** (мощная, косолапая женщина), **Пестерь** (полный мужчина); различные физические недостатки: **Костыль** (хромой мужчина, ходящий с костылем), **Коско** (человек, страдающий косоглазием), **Ключиха** (женщина, у которой была сломана ключица), **Кривоножка**, **Корявишна** (женщина с поврежденным оспой лицом).

Прозвище могло быть дано по какой-либо *отдельной внешней примете человека*: толстая и отвислая нижняя губа — **Брилла**; постоянно открытый рот — **Ворона**; необычная форма головы, лба — **Колун** (заостренная кверху голова), **Поварёнка** (крутой лоб); привлекающий внимание цвет глаз, волос или кожи: **Луца** (мужчина с черными, пронзительными глазами), **Биля** (от «белый», т. е. светловолосый человек), **Бронзовый котелок** (рыжеволосая девочка), **Рак** (мальчик, который был всегда красный, как рак), **Смолёвая** (пожилая женщина, которую сравнивали со старым деревом за смуглый цвет кожи); форма носа: «картошкой» — **Картохишна** (Танька **Картохишна**), **Картошка** (прозвище мужчины); **Кляпоносый** (с приплюснутым носом): *Он упал на дугу и это место переломил. Нос-то у него стал такой неловкой, да гнулсил, дак всё и звали кляпоносым.*

Мотивом номинации по особенностям внешности человека могли стать и какие-либо временные, уже исчезнувшие характеристики именуемого, закрепившиеся в памяти односельчан: **Мудик** (у человека в детстве была мошоночная грыжа); **Сопленосик** (у мальчика в раннем детском возрасте почти всегда было мокро под носом); **Седун** (мальчик не ходил до семилетнего возраста).

Обширную группу составляют прозвища, обращающие внимание на какую-либо *черту характера* или *манеру поведения* именуемого. Специфика мотивов номинации, участвующих в создании этих прозвищ, позволяет говорить о двух подгруппах.

1. Прозвища, дающие оценку характеру человека или особенностям его поведения в целом: **Богомолка** (очень набожная старушка); **Заглядка** — *Васька Заглядка* (постоянно вертел головой,

«заглядывал»); **Кулес** (мужчина, любивший наряжаться); **Лисица** (хитрая, сообразительная женщина); **Литавка** (непокойная женщина, непоседа); **Маслуха** (хитрая, «скользящая» женщина); **Матюга** (мужчина, часто использующий нецензурную брань); **Оказия** (нехороший человек); **Пулемёт** (девушка-лгунья); **Рознотёпый** (скромный, тихий и стеснительный человек); **Соломон** (мудрый человек); **Миёв хандырь** (мужеподобная девушка): *Миёв хандырь — девка, а не парень. Она брюки носила, на гармони играла. Нога на ногу положит да папиросу курит.*

2. Прозвища, полученные человеком за какой-либо отдельный его поступок или вследствие какой-либо отдельной регулярно повторяющейся особенности поведения: **Волк** — прозвище мужчины, который в период раскулачивания отобрал у хозяйки овцу и бросил ее на двор через голову; **Кыка** (*Ондрюха Кыка*) — прозвище старика, который очень не любил перешептывания в церкви и ударял шепчущихся по лбу согнутыми фалангами пальцев (*кыка* 'удар, щелчок' от *кыкать* 'ударяя чем-либо, издавать звук, стучать' (ср. пример, зафиксированный в граничащем с Сямжей Харовском районе — *Ну, перестань кыкать вёдрами!*)); **Мару** — прозвище мужчины, который вместо ругательства говорил: «У, мару!»; **Советская** (*Татьяна Советская*) — женщина, которая в первые годы Советской власти не венчалась, как все, а «расписалась» по новым законам, впоследствии и ее дети тоже были прозваны **Советскими**.

Прозвища характеризуют человека по особенностям его речи, голоса: **Паут** (тот, у кого визгливый голос); **Хныло** — *Ванька Хныло* (у кого гнусавый голос); **Широкоротая** — прозвище женщины с громким голосом: *Её широкооротой прозывают: больно громко кричит. Говорят: «Идёт Широкооротая», значит, Юлия!*

Мотивом создания одного из релятивных прозвищ послужила также характеристика речевых особенностей, но не самого именуемого, а его матери: *У его мать тоже вроде этой Валентины — тьяв-тяв. Понимаешь, тьявкает, говорит — тьявкает. Так и помер Тявтёнком. Тявтёнок* — прозвище мужчины, речь матери которого была отрывистой, похожей на собачий лай.

Отдельную группу составляют прозвища *по роду занятий* или *профессии* именуемого. Как правило, прозвищем становится или редкая для села профессия: **Кино** — *Коля-Кино* (работал кино-механиком); или типичная для села профессия, но не массовая, иначе такое прозвище не выполняло бы функцию идентификации лица: **Пекарка** — *Поля-Пекарка* (женщина, много лет работавшая на пекарне); **Горшок** (мужчина, изготавливавший горшки, гончар). Прозвище **Хлебный** дано человеку, который всю войну был кладовщиком; оно напоминает о голоде военных и послевоенных лет.

Человек мог получить прозвище благодаря какому-нибудь занятию в детском возрасте: **Афиша** — *Павлик-Афиша* (ребенком по просьбе киномеханика расклеивал киноафиши).

Довольно большое количество прозвищ может быть объединено в группу под общим мотивом номинации — полученные при *необычных обстоятельствах*. Такое прозвище могло «пристать» к человеку с раннего детства в самых разных, иногда комичных, ситуациях. Например, ребенок не выговаривал какое-то слово, и именно оно становилось прозвищем: **Кабуй** (*Паши Кабуи*) — в детстве не выговаривал слово «обуй», говорил: «Мамка, кабуи!». Прозвище не только сопровождало этого человека всю его жизнь, но и послужило основой для образования семейного прозвища — **Кабунихи** (дочери Паши Кабуя): *Кабунихи-ти одна на Режу вышла, другая — на Двиницю*. Ср. также: **Карapyш** (*Митя Карapyш*) — прозвище мальчика, который однажды на уроке сказал: «У меня карapyш (карандаш) сломался»; **Чумачь** — прозвище мужчины, который в детстве произнес необычное слово: *Говорят, что парень однажды попросил у матери: «Мама, дай мне молока с чумачью»*. А что такое «чумачь» — никто не знает.

Ребенок мог сказать что-нибудь, запомнившееся всем, и это легло в основу прозвища: **Колхозник** — прозвище мужчины: когда вступали в колхоз, он был еще ребенком и крикнул: «Я тоже пойду в колхоз!»; **Челюскин** — узнав о спасении летчиками людей с легендарного парохода «Челюскин», мальчик на уроке встал и

сказал: «*Я тоже буду Челюскиным*» (он имел в виду «стану челюскинцем», т. е. мореплавателем).

Прозвище могло навсегда запечатлеть как радостное событие в жизни ребенка: **Чапаёнок** — отец сшил мальчику папаху с красной звездой, он пришел в ней в школу, где в это время учили стихотворение о Чапаеве; так и трагическое событие: **Недорезок / Недорезанец** — прозвище мужчины, которого в молодости сумасшедший отец пытался зарезать.

Единичными примерами прозвищ представлены такие мотивы номинации, как *порядок рождения*: **Пятитентий** и **Пятый** — пятые по порядку рождения дети; *долголетие*: **Стогодовик**.

Совмещение сразу нескольких принципов номинации также способствует возникновению прозвищ с яркой внутренней формой: **Квасник** — прозвище мужчины, любившего пить квас и похожего на квасник; **Шаньгин** — прозвище мужчины, который очень любил есть *шаньги* и при этом был маленького роста; **Голля** — прозвище мужчины маленького роста, который воспитывался без матери. Экспрессия (отражающая чувство жалости) и оценочность в семантике этой лексемы поддерживается и способом словообразования: флексийная мена на базе основы прилагательного *голый*.

Следующее прозвище тоже совмещает в себе несколько мотивов номинации: не только бросающаяся в глаза внешняя черта, но и свойство характера, манера поведения именуемого — **Вовка Сосок**: *У Вовки у Соска не хватает товку, бегаёт — только белые соски трясуцо*. Номинация возникает на основе метонимического переноса (часть тела — человек), вследствие чего создается яркая образность и экспрессия.

Как известно, большинство экспрессивов в диалектной речи характеризуется пейоративной оценкой, акцентирует внимание на различных отклонениях от нормы, оцениваемых негативно. Прозвища в этом отношении не являются исключением из правила. Лексемы с ярко выраженной положительной оценкой встречаются крайне редко, ср.: **Красивко** — прозвище мужчины с привлекательной внешностью.

Не всегда представляется возможным однозначно определить характер оценки (положительная или отрицательная). Сравните два контекста употребления одного и того же прозвища **Модёна**: 1) *Модёна была у нас одна — ходит модно, женщина была хорошая, модная, вот и прозвали Модёной.* 2) *Модёна её прозвали, любила губы вот так складывать.* Если речь идет об одной и той же женщине, то первый контекст вроде бы свидетельствует о положительной оценке, второй ставит ее под сомнение — в нем читается, по меньшей мере, ирония в адрес жеманницы. Что-то необычное, не как у всех, всегда привлекает к себе внимание и становится основой прозвища: **Шляпочница** — прозвище женщины, носившей соломенную шляпу.

В условиях села, где все друг друга знают, человек с какими-либо заметными особенностями внешности или поведения сравнивается с другим, возможно, похожим на него членом сообщества. Результатом такого сопоставления может явиться факт передачи прозвища «по наследству» другому лицу, не обязательно родственнику. Ср.: **Манефа** — прозвище женщины по имени Александра, которая, как и некая Манефа (прозвище умершей женщины), была косоглазой.

Следующий пример можно, вероятно, интерпретировать как переходный случай: от прозвища (имени собственного) к локальному экспрессиву (имени нарицательному): *В деревне жила у нас женщина, она была очень высокая. Прозывали её Канталихой. Теперь всех канталихами зовут, если женщина высокая.* Прозвище **Канталиха** изначально не было связано с высоким ростом человека, оно было именованием женщины по мужу или отцу.

Одна и та же лексема может явиться отправной точкой для возникновения сразу нескольких прозвищ на основе метафорического переноса. Ср.: **Копейка** — прозвище скупого мужчины (д. Рассохино, 1983 г.) и **Копейка** — прозвище мужчины маленького роста и слабого телосложения (д. Монастырская, 1984 г.). В этой же деревне (Монастырская) в 1990 г. зафиксировано прозвище **Копейка** у человека мелкого телосложения, которому предыдущий Копейка приходился родным братом (к 1990 году уже

умершим), а в 1991 году сделана запись прозвища **Копеята** — дети **Копейки**. Индивидуальное прозвище послужило основой для родового прозвания: *Вот, Маруся-то и копеят провожает*.

Прозвища данного типа (**Копеёнок, Копеята**) назовем **релятивными** (123 лексемы), т. е. образованными от различных именованных родственников³. Они имеют внутрilingвистическую мотивацию — создаются на базе других антропонимов (официальных и неофициальных)⁴. Релятивные прозвища в системе оценок человека реализуют такую ее важнейшую составляющую, как принадлежность человека к семье, роду. Человек в диалектном социуме обязательно должен быть чьим-нибудь, личность его устанавливается через его родство со старшими по возрасту и авторитетными жителями.

Прозвищная идентификация по гендерному семейному статусу достаточно разнообразна, подобные прозвища образуются от личного имени ближайшего родственника, от его прозвища, профессии, социального положения.

Самая значительная по объему группа представлена прозвищами, возникшими на основе *личных имен* ближайших родственников именуемого.

Чаще всего производящей базой для создания релятивного прозвища выступает основа *личного имени отца* именуемого. Это может быть личное имя в полной (официальной) форме: **Абрамёнок** < Абрам, **Борисята** < Борис, **Евграшонок** < Евграф, **Иринёхонцы** < Ириной, **Кирилёнок** < Кирилл, **Филатёнок / Филатята** < Филат, **Сергишна** < Сергей, **Сиволотиха** (Всеволотиха) < Всеволод и др.

³Пирожкова Е. А., Галинова Н. В. Релятивные прозвища женщин в диалектной среде // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / Под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 213.

⁴Лисова И. А. К проблеме классификации неофициальных антропонимов // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной конференции (Тверь, 10–12 сентября 2014 г.) / Под ред. И. М. Ганжиной, В. И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Багасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 227.

Нередко производящей основой выступает деминутив личного имени отца: **Афонькишна / Офони́на** < Афонька (Афанасий), **Есинец** < Еся (Евстигней), **Лазунёнок** < Лазуня (Лазарь), **Лазункинец** < Лазунька (Лазарь), **Мишинец / Мишинята / Мишкин** < Миша (Михаил), **Пронишна / Пронинцы** < Проня (Прокопий), **Полашонок / Полонсков** < Полоня (Аполлинарий), **Сима́к** < Сима (Серафим), **Толинцы** < Толя (Анатолий), **Федю́нинец** < Федюня (Федор).

Зафиксированы прозвища, возникшие от основы *личного имени матери* именуемого — от его полной формы: **Марфёнок** < Марфа, **Фаининец** < Фаина и от деминутивов: **Катюшонок** < Катя (Екатерина), **Лисинец** < Лиса (Елизавета), **Настюхинец** < Настюха (Анастасия), **Овдюхинец** < Овдюха (Авдотья), **Паранинец** < Параня (Прасковья), **Пахины** < Паша (Прасковья), **Сименец** < Сима (Серафима).

Отмечены случаи образования прозвищ от различных форм личных имен *деда* — **Ванчелята** < Ванчи́ло (Иван), **Васинец** < Василий, **Лаверёнок** < Лавер (Лавр), и даже *бабушки* именуемого: **Платошина** < Плато́ша (Платонида), **Маурин** < Маура.

Многочисленны релятивы, образованные от *прозвища отца* именуемого: **Балаёнок** < Балай, **Билинец** < Биля, **Волчата** < Волк, **Голинец** < Голя, **Горшиха / Горшихшины / Горшонок** < Горшок, **Кабуниха** < Кабуй, **Калабанёнок / Калабаниха** < Калабан, **Квашники** < Квашня, **Комлячиха / Комлячонок** < Комляк, **Кулижонок** < Кулес, **Маслушонок** < Маслуха и др.

Зафиксирован пример образования релятива непосредственно от *отчества отца* именуемого: **Панфилёнок** < Панфи́лыч: *Всё Панфи́лыч да Панфи́лыч! Эдак и на сына пошло — Панфи́лёнок!*

Среди релятивных прозвищ Режи большую группу составляют номинации женщин. На протяжении многих столетий женщина играла в основном второстепенную роль при мужчине, из-за чего многие женские онимы возникали с отсылкой к мужскому антропониму. Выше уже были перечислены некоторые женские прозвища, восходящие к личным именам отца и матери именуемой, а также к прозвищу отца.

Отмечено несколько номинаций, созданных и на базе *прозвища матери*: **Корчажкишна** < Корчага, **Тяпшина** < Тяпа, **Языниха** < Языня: *У нас старушка со Слободки, её всё звали Языниха, а мать её всё звали Языня. Всё и потыкали — Языниха.*

Среди женских релятивов преобладают прозвища, отсылающие к различным номинациям мужа.

Самыми частотными оказываются прозвища, образованные от различных форм *личного имени мужа* или его *прозвища* в процессе суффиксации с использованием «женского» форманта *-их(а)*: **Деяниха** < Деян, **Манилиха** < Манил (Эммануил), **Обрамиха** < Абрам, **Обросиха** < Оброс (Абросим), **Фирстиха** < Фирс; **Седуниха** < Седун, **Кондучиха** < Кондук, **Костылиха** < Костыль.

Такие прозвища могут употребляться как самостоятельные, но чаще выступают как вторая часть личного женского имени, идентифицируя «замужнюю женщину»: **Картошкина** (*Танька Картошкина*) — прозвище женщины от прозвища мужа — **Картошка**. Второй раз она была замужем за человеком по прозвищу **Седун** и звалась *Танька Седуниха*. Эту же самую женщину по отцу (Афанасий) звали *Танька Афонькишна* (*Офони́на*).

Отдельные женские релятивные прозвища образуются по модели притяжательных прилагательных — **Офони́на** < Офоня (Афанасий), **Картошкина** < Картошка, **Матюгина** < Матюга, **Валеткова** < Валетко; другие создаются по типу отчества, но отсылают не к имени отца, а к *имени мужа*: **Куприяновна** < Куприян, **Лазуны́кишна** < Лазуны́ка (Лазарь) или к *фамилии мужа*: **Лузановна** < Лузанов, **Ожиги́шна** < Ожигин.

Прозвища детей, образованные от обозначений профессионального или социального статуса родителей, отмечаются значительно реже. Удалось зафиксировать два релятива от профессии одного из родителей: **Урядничонок** / **Урядничата** — прозвище детей по должности отца (урядник); **Пекарёнок** — сын *Поли-Пекарки* — в этом случае релятивное прозвище сына возникло на основе отпрофессионального прозвища матери. Одно прозвище характеризует социальный статус матери именуемых детей: **Вдови́ны** < вдова.

Следует обратить внимание на то, что в говоре Режи достаточно высокой активностью характеризуются релятивные прозвища, образованные от личного имени или прозвища матери (иногда и бабушки), что в принципе не является типичным для антропонимов данного типа. Релятивы служили основой для создания семейных прозваний, которые, в свою очередь, отправной точкой стремились иметь мужское именование, и только особые обстоятельства ставили во главу семьи женщину. Массовое возникновение релятивных прозвищ и, тем более, уличных фамилий от женских антропонимов говорит о неблагополучии внутри семьи — отсутствии в ней по разным причинам хозяина, кормильца. Объяснение этого явления, вероятно, следует усматривать в сложившейся в России конца 80-х — начала 90-х гг. социально-экономической и демографической ситуации.

В диалектном онимическом пространстве существуют неофициальные, так называемые *уличные* фамилии, появление которых обусловлено общественно-бытовыми условиями сельской жизни, тем, что часто в пределах одного населенного пункта встречаются семьи-однофамильцы, сохранившие родственные связи. В Режиском сельсовете функционирует небольшое количество фамилий (*Вахрушевы, Востряковы, Игнашевы, Ратушины, Стариковы* и др.). Индивидуальные прозвища, конечно, способствуют облегчению процесса идентификации лица, но более всего эту функцию реализуют релятивные прозвища, которые, возникнув вначале как номинация одного члена семьи (или всех родственников одного поколения семьи), распространяются на многие последующие поколения данной семьи, т. е. становятся *уличными* фамилиями.

О том, что какой-либо неофициальный антропоним релятивного типа вполне вероятно может функционировать в качестве *уличной* фамилии (т. е. передается от поколения к поколению в рамках одной семьи), свидетельствует его структура — словообразовательный тип с антропоформантами *-ов-* (*-ев-*), *-ин-*, по которому чаще всего образуются *уличные* фамилии от личных имен

или прозвищ: *Отец был Федосом — вот и говорят: Ванюха Федосков.*

Первостепенное значение в определении для антропонима статуса уличной фамилии имеют, безусловно, свидетельства информантов. Например, зафиксировано объяснение возникновения коллективного антропонима **Ласаковы** для детей и всех потомков мужчины по прозвищу **Ласточка**. Он не был местным жителем, приехал в деревню. Детей его стали называть прозвищем — *Ласаковы (Ласточкины)*. Его сын — Егор *Ласточкин* (настоящая фамилия — Прокофьев), внук этого Егора — Васька *Ласаков*, жена которого получает прозвище *Ласаковна*.

Однако уличной фамилией может стать антропоним и другого, не менее распространенного в вологодских говорах словообразовательного типа с антропоформантами *-ёнок- / -ят(а) и -ец- / -(ин)цы*: **Егорята** — коллективное прозвище всех детей и внуков *Старикова Егора*; **Сорочата** — семейное прозвище *Вахрушевых*; **Чижихинцы** — прозвище семьи от их фамилии **Чижовы**; **Билинец** (*Женька Билинец*): *Женька-то толстой Билинец-то. Дед — Биля. Билинцем звали и зятя, и внука.*

На следующем уровне в ценностной системе диалектного речевого континуума человек — представитель рода становится представителем целой общины, сельского сообщества. **Коллективные прозвища** жителей отдельных деревень Режского сельсовета (23 номинации) выявляют не исключительность, индивидуальность, а, наоборот, включенность личности в один социум. Выявление мотивов создания данных антропонимов позволяет воссоздать исторически сложившийся коллективный «образ» жителей того или иного населенного пункта.

Например, яркая особенность внешнего облика жителей д. Коробицыно запечатлена в их коллективном прозвище **коробицынцы-брюханы** (информант говорит, что жители этой деревни были «брюхатые», «толстобрюхие»). Веселый нрав жителей д. Рассохино отражает прозвище **рассохинцы-зубоскалы**: они любят подшучивать, подсмеиваться.

Следующие номинации содержат в себе характеристику односельчан по доминирующим чертам поведения, обычаям и привычкам: **наливашники** — жители д. Лукавино (Монастырская): в деревне была церковь, и жители часто ходили на венчание, где им наливали вина. **Чернотропики** — жители д. Марково: избы раньше топили по-черному, поэтому в домах было грязно, а хозяйки еще и редко их мыли. Когда люди зимой выходили на улицу в той обуви, в которой ходили по избе, то тропинка от их следов чернела.

Коллективные прозвища, как и индивидуальные, представляют собой в основном лексемы с отрицательной коннотацией, они нередко высмеивают какие-либо человеческие пороки (пьянство, нечистоплотность), а иногда и прямо указывают на преступный характер поведения именуемых: **гридинцы-живорезы** — жители д. Гридино, прозваны так за большое количество драк и убийств в деревне.

Такие прозвища вербализуют существующую в народной картине мира оппозицию «свое — чужое». Рассмотренные примеры представляют собой не самоназвания жителей того или иного населенного пункта, а взгляд со стороны, глазами жителей соседних деревень, ср.: **магазиники / магазейны** — жители д. Монастырская. В деревне был казенный амбар — магазей: *Магазей-то была очень высокая, большая. Потолка в ней не было, стояли сусеки. А в одном сусеке хлеба не было; один мужик забрался туда, думал, чтобы из-под низа выпускать зерно. А зерна-то не было. Он упал и сломал ногу — вот почему их стали звать магазейниками: что воры они!*

Нейтральные обозначения жителей деревень Режи создаются по продуктивным как в литературном языке, так и в вологодских говорах словообразовательным моделям. Данные номинации относятся к параметрам пространственной ориентации в картине мира диалектоносителя: где *проживает* человек — **бурнинянка** (жительница д. Бурниха), **тафтянка** (по названию сельсовета — Тафта), **режак / режаки / режачи / режичи / рижская** (жители Режи), **марковушка / марковушечка** (жительница д. Марково), **фо-**

фан / фофаны / фофанец / фофанцы (д. Фофанец); *откуда он родом: рубцовка (Настя Рубцовка — родом из д. Рубцово), сондожаха* (родом из Сондуги), **ратёха** (из д. Ратино), **гридинская** (из д. Гридино); *откуда переехал: куловская* (приехавшая из д. Кулово), **колобовский** (последним переехал из д. Колобово в д. Колтыриху).

Коллективные названия всех жителей населенного пункта используют суффиксы форм существительных множественного числа *-и(ы)*: **гридинцы** (д. Гридино), **коробицынцы** (д. Коробицыно), **рассохинцы** (д. Рассохино), **колобовцы** (д. Колобово), **копыловцы** (д. Копылово), **кругловцы** (д. Круглая), **лукавинцы** (д. Лукавино), **марковцы** (д. Марково); *-ан(е)*: **двиничане** (местность Двиница), **колтыряне** (д. Колтыриха), **лукиняне** (д. Лукинская); и характерные как раз для морфологической системы севернорусских говоров формы на *-ан(а)*: **двиничана**, **колтыряна**, **копыловчана**, **бурниняна**, **коробицына**, **лукавинца**, **лукиняна**, **монастыряна**.

Рассмотренные лексемы, служащие коллективными прозвищами жителей Режского сельского поселения, встречаются в их речи и по сей день. Причем зачастую, называя обитателей той или иной деревни, информант воспроизводит и существующее (или существовавшее) в данном диалектном сообществе специфическое отношение к жителям конкретной деревни: *Копыловчана не наши, они хуже яблочной каши*; вспоминает какие-либо подробности их хозяйственной деятельности: *Колобовцы дак страсть сколькё клестов ловили*; *Фофаны поднимают подтон высоко, дак у них спичками стог обтыкают*; или констатирует особенности географического расположения: *Монастырёнки живут всё к церкви ближе, а лукавинцы — поодаль от неё*.

Особенности восприятия географического пространства показывает и оппозиция «*широкое — узкое*», определяя место человека в границах села, ср.: **волощане** (название всех жителей волости, т. е. деревень Копылово, Рассохино, Гридино) и **краенчане** (название жителей, живущих на краю деревни).

Таким образом, в диалектном языковом пространстве Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области функционируют прозвищные номинации, являющиеся средством идентификации отдельной личности (индивидуальные прозвища); группы лиц — членов одной семьи, рода (релятивные прозвища, уличные фамилии); а также жителей отдельных населенных пунктов (коллективные прозвища) в рамках диалектного сообщества.

Индивидуальные прозвища выделяют одного конкретного человека среди односельчан и характеризуют его по каким-либо заметным для всех особенностям внешности или поведения. Апеллятивные основы индивидуальных прозвищ представляют собой лексику как общерусскую, так и локальную, фиксируемую в Вологодской группе говоров (*брила, бухарь, долбило, колобан, колыш, комель, кулес, литовка, нестерь, смолёвый, сумёрзлый* и др.).

Релятивные прозвища характеризуют человека в микроколлективе одной семьи, коллективные прозвища жителей целых деревень создают собирательный образ обитателей одной сельской местности, противопоставленных по различным признакам жителям другой местности.

Каждая стратегия прозвищной номинации задает свой ценностный регистр в системе социально значимых параметров идентификации личности. Через выражение отношения к конкретному человеку прозвища отражают и мировосприятие, присутствующее данному языковому коллективу в целом. Будучи метками, порой неожиданными характеристиками, они направлены на именуемого с юмором, нередко даже с участием и заботой, не содержат злой иронии или сарказма. Изучение неофициальной диалектной антропонимии, безусловно, позволяет выявить мировоззренческие составляющие социума, такие, например, как творческое и ироничное восприятие себя самого и окружающих людей, тяготение к языковой игре и выражению через нее своей оценки происходящего вокруг.

N. Komleva. Reflection of World Perception of Rezhza Residents in the Materials of Their Nicknames

The article analyzes the nicknames of inhabitants of the Rezhsky rural settlement of the Vologda region's Syamzhensky District in the structural-semantic and ethnolinguistic aspects. Different strategies of nickname nomination set their value register in the system of socially significant parameters of identity establishment: individual nicknames allocate one specific person among the villagers and characterize him according to some features of appearance or behavior which are noticeable to everyone; relative nicknames characterize a person in the micro group of a family; collective nicknames of inhabitants of whole villages create a collective image of one rural area's residents which oppose the inhabitants of other areas on the various basis.

Keywords: nickname, popular picture of the world, dialect society.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ГНЕЗДА СЛОВ С КОРНЕМ *-РЕК- В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ*

Аннотация. В статье определяется состав исторического гнезда слов с корнем *-рек- в вологодских говорах, дается описание лексико-семантических зон, которые образуют слова с общим этимологическим корнем, выявляется лингвокультурологическая информация, основным источником которой является внутренняя форма производных слов с корнем *-рек-. Материал для исследования извлекался из «Словаря вологодских говоров».

Ключевые слова: вологодские говоры, историческое корневое гнездо, лексико-семантическая зона.

В современных исследованиях исторические корневые гнезда (ИКГ) рассматриваются как комплексные словообразовательные и лексико-семантические единицы¹. Комплексный подход к описанию ИКГ позволяет реконструировать фрагмент народной картины мира, отразившийся в лексике с общим этимологическим корнем. Особый интерес представляет изучение диалектных вариантов исторических гнезд слов, имеющих древнейшие индоевропейские корни.

Корень *-рек- восходит к общеиндоевропейскому языку, о чем свидетельствуют многочисленные соответствия в языках индоевропейской семьи (Фасмер, 3: 227). Исходное значение корня

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

¹Яцкевич Л. Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнезд // Слово. Семантика. Текст: Сборник научных трудов / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб., 2002. С. 76–79; Колесова И. Е. Динамика исторических корневых гнезд (процессы конвергенции и дивергенции в ИКГ с вершиной *-lei-). Вологда, 2012. 256 с.

*-рек- связано с идеей горения, приготовления пищи на огне. В вологодских говорах лексемы, входящие в данное ИКГ, составляют четыре словообразовательных гнезда (СГ), вершинами которых являются *печь* (глагол), *печь* (существительное), *печься*, *печать*. В статье не рассматривается СГ с вершиной *печать*, так как в структуре данного СГ уже в древнерусский и старорусский периоды происходят процессы семантической и словообразовательной дивергенции. В результате этого существительное *печать* рано утрачивает связи с производящим глаголом *печь* и становится вершиной отдельного корневого гнезда.

В вологодских говорах наиболее многочисленно СГ, вершиной которого является глагол *печь*. В говорах также представлены формы инфинитива на -кчи (*пекчи* 'печь, выпекать'), -кти (*пекти* 'светить, излучать свет'). Семантическая структура глагола *печь* восстановлена в результате словообразовательного и семантического анализа производных лексем. В вологодских говорах глагол *печь* имеет три значения: 'приготавливать пищу сухим нагреванием на жару', 'обдавать зноем, жаром; палить, жечь', 'светить, излучать свет'. Первое и второе значения являются общерусскими, третье значение глагола *печь*, по данным диалектных словарей, известно вологодским и некоторым другим севернорусским говорам (СВГ, 7: 22; СРНГ, 27: 11).

Многозначность глагола *печь* в вологодских говорах создает возможность параллельного образования трех частных словообразовательных гнезд (ЧСГ). Вершинами ЧСГ являются лексико-семантические варианты глагола *печь*. Лексемы, входящие в ЧСГ, формируют лексико-семантические зоны (ЛСЗ). Как отмечает Л. Г. Яцкевич, в ЛСЗ включаются слова с одним этимологическим корнем, «имеющие в содержании своих лексических значений интегральную сему; эта сема может занимать различное положение в семантической структуре слов, объединенных в одну ЛСЗ»².

²Яцкевич Л. Г. Паславянская лексика в «Словаре вологодских говоров» // Ярославский текст в пространстве диалога культур. Материалы международ-

ЧСГ 1, мотивированное лексико-семантическим вариантом глагола *печь* 'приготавливать пищу сухим нагреванием на жару', непосредственно связано с идеей домашнего огня. В семантической структуре лексем, входящих в ЛСЗ «Приготовление пищи в печи», «Продукты питания, приготовленные в печи», отражается древнейшее значение корня *-рек-. Большинство глаголов ЛСЗ «Приготовление пищи в печи», обозначающих приготовление пищи в печи, имеет общерусский характер (*запечь, допечь, испечь, пропечься* и т. д.). В данную ЛСЗ включаются существительные, называющие лицо, которое занимается выпечкой хлеба: *пекариха* 'женщина, занимающаяся выпечкой хлеба в пекарне', 'женщина, умеющая печь пироги', *хлебопекарка* 'женщина, занимающаяся выпечкой хлеба', *пекарка* 'женщина, занимающаяся выпечкой хлеба в пекарне'. В ЛСЗ также входят существительные, обозначающие сооружение, емкость для приготовления пищи на огне: *пекарка* 'русская печь', *пекарня* 'посуда, в которой замешивается тесто'.

ЛСЗ «Продукты питания, приготовленные в печи» представлена прежде всего названиями изготовленных в печи мучных изделий: *перепеча* 'каравай', *печенуха* 'пирог', *печенье, печенина* 'выпечные изделия из сдобного теста', *подпека* 'ватрушка с творожной начинкой', *попека* 'пирожок', *недопёкиш, недопёка* 'непропечённый хлеб', *опёкиш, опекишек* 'оладья'. ЛСЗ также включает лексемы *запеканка* 'кушанье из яиц с молоком, запечённое в печи', *припёк* 'блин из овсяной муки, запеченный с толчёным картофелем и сметаной сверху', *печеница, печёнка* 'печёная репа, брюква' и т. д.

В народном сознании отождествляются человек и хлеб, выпечка хлеба и появление ребенка на свет. В вологодских говорах существительные, называющие изготовленные в печи мучные изделия, могут использоваться для обозначения людей с физическими или психическими недостатками: *недопёка* 'человек

ной научной конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014 г.) / Отв. ред.: О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль, 2014. С. 362.

маленького роста, умственно отсталый, недоразвитый', *опёкиши* 'крупный толстый мужчина', *перепеча* 'толстая, ленивая женщина'. Употребляясь в переносных значениях, эти лексемы образуют ЛСЗ «Физические и психические характеристики человека». К данной ЛСЗ также относится прилагательное *недопечённый*, которое в вологодских говорах имеет значения 'неловкий, нерасторопный', 'слабосильный', 'болезненный, нездоровый', 'недоразвитый'.

Формирование ЛСЗ «Физические и психические характеристики человека» связано с хорошо известным обрядом перепекания больного младенца. В вологодских говорах отмечен глагол *перепекать* 'у суеверных людей лечить (чаще детей, младенцев) особым способом: ребёнка сажают на лопату и на короткое время суют в печь, произнося при этом заклинание'. Глагол *перепекать* и глагол *припечь* 'по суеверным представлениям, произвести какое-либо действие с целью приворожить, приколдовать' составляют ЛСЗ «Обряды, ритуалы».

Данные «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева свидетельствуют о том, что значение 'обдавать зноем, жаром; палить, жечь' сформировалось у глагола *печь* еще в праславянский период (ЭССЯ). Развитие данного значения обусловлено нерасчлененно-слитной природой архаического мышления. В первобытном сознании человек и природа едины, солнце «печет», поскольку солнце, как и домашний огонь в печи, является источником света и тепла. В вологодских говорах эти представления находят отражение в семантическом развитии производных слов с корнем *-pek-. На базе ЧСГ 2 с вершиной *печь* 'обдавать зноем, жаром; палить, жечь' формируется ЛСЗ «Солнце», которая включает в себя глаголы со значением 'изменить цвет в результате действия солнечных лучей': *выпечь* 'выщвести, потерять цвет, окраску под действием солнечных лучей', *опекаться* 'высыхать', *опечь* 'обесцветить, сделать менее ярким', *запектись* 'покрыться загаром, загореть', *запечь* 'покрыть загаром', *запечься* 'покрыться загаром'. В данную ЛСЗ также входит прилагательное *опёклый* 'выцветший'. В вологодских говорах гла-

голы данной ЛСЗ покрывают семантическое пространство, занимаемое в литературном языке глаголами с корнем *-gor- (*выгореть, загореть*).

В человеческой культуре огонь — это не только символ домашнего очага, источник тепла и света, но и опасная стихия. На базе ЧСГ 1 и ЧСГ 2 формируется ЛСЗ «Травмы». Глаголы, входящие в данную ЛСЗ, имеют значение ‘получить травму в результате действия огня или солнца’: *опечь* ‘повредить огнём, обжечь’, *опечься* ‘получить ожог, обжечься’, *упечься* ‘изнемогать от жары’, ‘излишне нагреться, перегреться’. В говорах происходит расширение семантики глагола *упечься*, данный глагол используется для обозначения действия, непосредственно не связанного с огнём или жаром: *упечься* ‘умереть, отравившись угарным газом’. Глагол *опечь* в вологодских говорах может употребляться в значении ‘укусить, ужалить’ (*Идѣшь боисся, ожгут, опекут всю*). В основу формирования переносного значения положено сходство ощущений, которые возникают в результате укуса насекомых и воздействия огня на кожу человека. Диалектные глаголы, входящие в данную ЛСЗ, обозначают действия, для называния которых в литературном языке используются лексемы с корнями *-gor-, *-žeg- (*обгореть, угореть, обжечь, обжечься*). В ЛСЗ «Травмы» также включаются существительные *печенка* в значении ‘запёкшаяся кровь на месте ранки’, ‘кровоподтек, синяк’, *печенища* ‘кровоподтек, синяк’.

В вологодских говорах у глагола *печь* формируется значение ‘светить, излучать свет’. Лексемы, мотивированные данным лексико-семантическим вариантом, составляют ЛСЗ «Свет»: *заопекать* ‘начать ярко, ослепительно вспыхивать, сверкать (о молнии)’, *опекать* ‘сверкать (о молнии)’, *опечь* ‘сверкнуть (о молнии)’. Такое направление семантического развития глаголов с корнем *-pek- может быть связано с народными представлениями о молнии как о небесном огне. Как отмечает К. С. Верхотурова, интерпретация молнии как божественного, небесного огня находит от-

ражение в русских говорах³. В вологодских говорах зафиксирован глагол *пекти* 'светить, излучать свет' (*Дождутся, когда месяц пекти начинает, и гадают, смотрят через левое плечо, сколь месяцев пекёт в зеркале*). По мнению К. С. Верхотуровой, «в языковой картине мира с небом связан некий синкретичный образ горения»⁴. В ЛСЗ «Свет» также включается глагол *отпекать*, имеющий значение 'отсвечивать' (*А зимой дак от фонарей всё небо над деревней отпекает*).

Вершиной второго СГ является существительное *печь*. На базе СГ формируется ЛСЗ «Кладка печи». Данная ЛСЗ является источником этнографической информации об устройстве русской печи. По своему составу ЛСЗ «Кладка печи» наиболее многочисленна и включает в себя несколько рядов словообразовательных синонимов: *запечка, запечь, запечье, запечник* 'тёмное пространство между стеной и печью', *опечек, опечка, опечник, опечье* 'деревянное основание русской печи', *печурка, печечка, печурок, печушка* 'углубление в наружной стене русской печи, куда кладут разные мелкие вещи для просушки' *подпечек, подпечник, подпечье, подопечек, подопечье* 'пространство в нижней части русской печи, расположенное под шестком, и прикрытое дверцами или доской; служит для хранения дров, домашней утвари и т. п.' и т. д. В данную ЛСЗ также входят лексемы *печеклад* 'печник', 'мастерок, которым пользуется печник при работе', *печина* 'глина, которой обмазывают печь', 'небольшой кусок кирпича, отколотый от печи'.

Согласно мифологическим представлениям печь расположена в пограничном пространстве между «чужим» и «своим» мирами, «как за печью, так и под печью живет домовая, соединяющий в себе признаки архаического тотема и антропоморфного предка»⁵. В вологодских говорах в состав ИГК слов с корнем **-pek-*

³Верхотурова К. С. Огонь в изображении языка // Человек и филология. Барнаул, 2008. С. 159.

⁴Там же. С. 158.

⁵Агранович С. З., Стефанский Е. Е. Миф в слове: продолжение жизни (Очерки по мифолингвистике). Самара, 2003. С. 66.

включаются мифологическая лексика: *запеченка* ‘по мифологическим представлениям — дух, обитающий за печкой’, *запечник*, *запечный* ‘по суеверным представлениям — существо, якобы обитающее в доме за печкой’. Данные лексем образуют ЛСЗ «Мифологические существа».

Третье СГ составляют лексем, производные от глагола *печься*. В вологодских говорах глагол *печься* (*печись*) употребляется в значениях ‘беспокоиться, заботиться о ком-, чем-либо’, ‘работать с усердием’. Производные слова мотивируются обоими лексико-семантическими вариантами глагола, следовательно, в исходном СГ создаются два ЧСГ и две ЛСЗ. В семантике лексем, входящих в ЛСЗ «Чувства, эмоции», находит отражение мифологический мотив внутреннего огня, горящего в сердце человека, поддерживающего тепло человеческого тела. ЛСЗ «Чувства, эмоции» включает глагол *печись* ‘беспокоиться, заботиться о ком-, чем-либо’, а также лексем, производные от существительного *печаль* в значении ‘забота, беспокойство’: *печаловать* ‘беспокоиться, заботиться о ком-, чем-либо’, *печальный* ‘заботливый, постоянно о ком-то беспокоящийся’. В состав ЛСЗ «Труд» входят лексем *печись* ‘работать с усердием’, *печальливый* ‘старательный, усердный’, *печальный* ‘трудолюбивый, работающий’.

СГ с вершиной *печься* в вологодских говорах более архаично по своему составу, чем в литературном языке. Глагол *печаловать* ‘беспокоиться, заботиться о ком-, чем-либо’, ‘беспокоиться, тревожиться’, а также производящее существительное *печаль* в значении ‘забота, беспокойство’ отсутствуют в словарях современного русского литературного языка, однако отмечены в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв., 15: 31.).

Таким образом, в вологодских говорах корень *-pek- обладает большим словообразовательным и семантическим потенциалом. Слова с этимологическим корнем *-pek- называют интенсивное действие и употребляются не только по отношению к человеку, но и по отношению к солнцу, молнии, месяцу, насекомым. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значимости слов с корнем *-pek- в диалектной картине мира. ЛСЗ исследу-

емого ИКГ соотносятся с разными сторонами крестьянской жизни и объединяются в тематические группы «Природа» («Солнце», «Свет»), «Человек» («Физические и психические характеристики человека», «Чувства, эмоции», «Труд», «Обряды, ритуалы», «Мифологические существа»), «Питание» («Приготовление пищи в печи», «Продукты питания, приготовленные в печи»), «Материальная культура» («Кладка печи»).

Сокращения

ИКГ — историческое корневое гнездо
ЛСЗ — лексико-семантическая зона
СГ — словообразовательное гнездо
ЧСГ — частное словообразовательное гнездо

Сокращения источников

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / под ред. Т. Г. Паникаровой. Вып. 7–12 / под ред. Л. Ю. Зориной. Вологда: ВГПУ / ВГПУ, 1983–2007.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–48. М.; Л.; СПб., 1965–2015.
СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29, М.: Наука, 1975–2011.
Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2003.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–39. М., 1974–2014.

*E. Ivanova. Semantic and Ethnocultural Potential Capacity of the Historic Word Family with the Root *-pek- in the Vologda Dialects*

The article defines the structure of the historic word family with the root *-pek- in Vologda dialects. The lexical-semantic areas which form the words with a common etymological root are described, lingvocultural information is exposed, the main source of which is the inner form of the derivatives of words with the root *-pek-. The source of the material of the study is words from the “Dictionary of Vologda dialects”.

Keywords: Vologda dialects, historical word family, lexical-semantic area.

ПРОЕКЦИИ НАРОДНОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИИ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются проекции народного религиозного сознания в повседневной жизни на примере номинации растений и животных. Описаны названия некоторых видов растений (богомолка, богородская травка, божий хлебец), а также названия некоторых насекомых (богов конёк, богова коровка), рыб (богомолка, богословка, покровка), обращения к скотине (пар божий). Исследование проведено на материале архангельских говоров: вышедших томов АОС, его бумажной и электронной картотек и собственных полевых записей автора.

Ключевые слова: народное православие, русская диалектология, архангельские говоры, фитонимы, зоонимы.

В статье рассматриваются проекции народного религиозного сознания в повседневной жизни на примере номинации растений и животных. В диалектной речи широко распространены атрибутивы *божий*, *христовый*, *молёный* и некоторые другие, так или иначе связанные с тематической группой ВЕРА, РЕЛИГИЯ. Они обычно распространяются на людей, но могут относиться к животным, насекомым, а также растениям. Исследование проведено на материале архангельских говоров: вышедших томов АОС, его бумажной и электронной картотек и собственных полевых записей автора. По отношению к людям в архангельских говорах распространены ласковые обращения с прилагательными *христовый* и образованными от них дериватами (*христоданненький*), а также с прилагательными *молёный*, *умолённый* и др.: *Ой ты христовый Феденька! // Она всех детей: золотеюшко, голубеюшко, христоданенька. // А вот детоньки бедные, детоньки молёные. // Водой, молёна, уж как чем взданёшь, как не водой.* Чаще всего такие обращения входят в состав этикетных формул прощания, приветствия, благопожелания: *Давай до свиданья, Ленушка хри-*

стовая, до свиданья, милая, попутника тебе хорошего. // Ой, христовые девушки, дай вам Господи добра, здоровья.

Некоторые из интересующих нас прилагательных входят в состав ласковых обращений к животным. К скотине обращаются, употребляя прилагательное *божий*: *божья коровушка, божья скотинушка*. Часто такие словосочетания встречаются в заговорах, когда Бога или святых (например, Власия-Медосея, который, по поверьям, отвечает за сохранность скота¹) просят присмотреть за скотиной на выпасе: *А уходят из стаи, тем более три раза всех перекрестишь и скажешь: «Святой батюшка Власей Медосий, дай, Господи, леготы и моготы на сегодняшний денёчек моей божей скотинушке.» И перечислишь всех.*

Распространенными являются номинация и обращение к скоту *пар божий*: *У хозяйушки тоской скотинка, пар божий, одета в ежову шубу, хомутом покрыта, шипучей опушена, жадному, завиднящему завешаны глаза. Аминь. Аминь. Аминь.* К такому может прибавляться кличка коровы: *пар божий Зорюшка* или *пар божий скотинка Черноха: Беру подойник, раба божья, вересовый, глиняный, сажусь под пар божий скотинку Черноху, беру золотые ключи, отмыкаю у Чернохи белое молоко, жёлтое масло, густую сметану.*

В основе данного принципа номинации лежит традиционное представление о наличии у животных не души, как у человека, а *пара*: если человек в христианской религии именуется *рабом Божьим*, то скотина – *паром Божьим*: *Человек — раб божий, а скотинка — пар. Это уж из старины дак, от старины, вся живность — пар божий.*

Прилагательное *божий* может согласовываться не только с существительным *пар*, но и с существительными *коровка (коровушка), скотинка (скотинушка)*. Такое согласование встречается при утрате выражением вокативной функции, и тогда вместо *пар божий скотинушка* встречаем *пар божья скотинушка*, где существительное *пар* практически подвергается десемантизации, а в

¹Мороз А. Б. Святые русского севера: Народная агиография. М., 2009. С. 33.

номинативной функции выступает уже выражение *божья скотинушка*: *Оставайся тоска-кручинушка в старом дворе на дверном косяке. За пар божьей скотинушкой, коровушкой не гонись. // Путь лено без узла вязано, упутай, Бог, лягание у пар божьей коровки (имя) во веки веков. Аминь.*

Традиционно в денотат слова 'скотина' включается лишь крупный рогатый скот, однако у некоторых носителей диалекта представление о 'скоте' может существенно расширяться, и тогда *божьим паром* может считаться, например, кошка: *Кошка — животное, скотина, да, тоже пар, пар. Неодушевлённый предмет — вот то не пар.*

Прилагательные *божий, богов* могут утрачивать атрибутивную функцию и становиться частью номинации животного, насекомого. Причиной появления элемента *божий (богов)* в зоонимах посвящены многие исследования. В статье В. Н. Топорова «Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки...»² на базе сравнений литовских и полабских названий божьей коровки реконструируется праславянское **divĵja *korv-*, где **divĵja* означает «божья», «принадлежащая Богу», что, как указывается в статье, характерно для именованья именно диких животных: *божьи пчелы, божий олень, божий конь* и др.³. «Божьим» насекомым посвящены статьи О. А. Терновской⁴, А. В. Гуры⁵.

Название насекомого *божья коровка* является общерусским. Но если в литературном языке в словосочетании функционирует только существительное *коровка*, то в диалектном языке встречаются также существительные *корова, коровушка*, которые сочетаются не только с прилагательным *божий*, но и с его слово-

²Топоров В. Н. Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в перспективе основного мифа // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981.

³Там же. С. 278–280.

⁴Терновская О. А. Божья коровка или ночь накануне Ивана Купалы (соотношение микро- и макроструктур) // Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов. М., 1993. С. 41–55.

⁵Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

образовательными вариантами *боговый, богушков*: *Богова коровка она и есть. Божья коровка, вылети на небо. // Богушковыма коровушкама звали, тычинками она такая*. Согласно примете, большое количество божьих коровок летом свидетельствует о хорошем урожае белых грибов: *Ну тогда божих коров много было, и грибов белых было, примета такая есть*. Насекомое *божья коровка* также может называться *боговой мушкой*, или *мухонькой*: *Богова мухонька, его гладишь, она крылышка подынет и улетит. Богова мушка ходит красненька*.

В основе номинации насекомого может лежать «метафорический перенос, основанный на сходстве с различными реалиями внешнего мира, а именно с животными»⁶. Так, кузнечик в архангельских говорах часто называется *кобылкой* или *коньком*. Существительное *конёк* в значении ‘кузнечик’ так же, как и в случае с *коровкой* и *мухонькой*, может сочетаться с прилагательными *божий, богушков* и *боговушкин*: *А тут скачут боговушкины коньки. // Конёк такой, богушков конёк, так и рычит (стрекочет) всё*. Сравнение с молодым конём (*коньком*) или *кобылкой* носители диалекта обычно объясняют, указывая на быстроту передвижения и прыгучесть кузнечика: *Божий конёк тоже, он летучий. // Богушковы коньки – длинные ножки, подскакивают с травы*. О человеке, обладающем быстрой, легкой походкой, скажут, что он ходит, как *богушков конёк*: *Поля у нас, как богушков конёк, быстрее меня ходит. // Тётушка, как богушков конёк, идёт по Погосту, девочьей походки не потеряла*.

В интересующее нас поле значений входят и названия некоторых видов рыб. Так, в Приморском районе Архангельской области сёмгу небольшого размера, которую ловят осенью, называют по близкому ко времени лова церковному празднику или по дню памяти какого-либо святого. Сёмга может называться *богородской* по празднику Рождества Богородицы (21 сентября), *богословкой* по дню памяти св. Иоанна Богослова (26 сентября), *здви-*

⁶Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 181.

женской или здвиженкой по празднику Воздвижения Креста Господня (27 сентября), покровкой по празднику Покрова Богородицы (14 октября): Якорница в конце августа, сентября должна идти. А дальше покровка да богословка. О Богослови — мелка попадает. О Покрови — тут тоже поход, та крупная. Богословка — поздая-то, мелкая провёртывается, та и в перемёты попадает. Богородская тоже попадает и здвиженская — та тоже мелкая. Покров-то — тоже поздая, богословка ещё впереди.

Принципы номинации того или иного растения могут быть самыми разнообразными: цвет, запах, вкус, размер и т. д. Подробный анализ и классификация признаков растений, выделяемых традиционной культурой и лежащих в основе их семиотического статуса, проведен в работах В. Б. Колосовой⁷, Т. И. Вендиной⁸. Применительно к исследуемому материалу, одной из самых частотных моделей номинации для фитонимов, входящих в интересующее нас поле значений, является «называние растения по календарному празднику, приблизительно совпадающему со временем цветения растения»⁹. Исследовательница приводит в пример такие фитонимы, как *аграфена-купальница* (день св. Аграфены – 3 июля), *юрьева роса* (день св. Георгия Победоносца – 6 мая), *иван головастый* (день св. Иоанна Крестителя – 7 июля), *петров крест* (день ап. Петра и Павла – 12 июля)¹⁰ и др. Со сходным мотивировочным признаком мы уже сталкивались при описании некоторых видов сёмги. В архангельских говорах встречается фитоним *богомолка (богомолочка)*, образованный от названия праздника *Богомолье*, который отмечается через две недели после Пасхи. Обычно *богомолкой* называют травянистое полевое растение с желтыми цветками: *Богомолки-то эти жёлтенькие только знаем. // Мурошка така, жёлтая, не меньше богомолки. Богомолкой может называться любое растение с жёлтыми цветами, в том чис-*

⁷Колосова В. В. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009.

⁸Вендина Т. И. Указ. соч.

⁹Колосова В. В. Указ. соч. С. 87.

¹⁰Там же. С. 87–89.

ле кувшинка: *Ой, как глянутся цветочки богомолки в озере, богомолки называются. Богомолкой* также может называться сорт картофеля: *Картошка богомолка — желтые как (если) шишечки.* Здесь мы имеем дело с другим принципом номинации. Так как богомолье празднуют весной, а цветение картофеля приходится на конец лета, речь идет о способе называния растения по другому растению на основе общего признака. Этот способ также описан в работе В. Б. Колесовой: «поскольку одним и тем же признаком могут обладать разные растения, они нередко имеют общее название»¹¹. Таким образом, *богомолкой* называется сорт картофеля с желтыми цветками.

Самым популярным персонажем библейской мифологии в тематической группе «растения», безусловно, является Богородица¹². В архангельских говорах распространено название *богородская (богородицкая, богородичная) трава (травка)* для растений ‘чабрец обыкновенный’ и ‘тимьян’: *А вот богородски травы — звон она, называется чабрец, // Богородска трава, тмян ползучий, с чаем, кому нравится, кому нет запах-то.* Этой траве приписывают целебные и / или магические свойства, называют *призорной*, то есть снимающей порчу: *Заварила травы богородской и пуншиком сделали. У меня книжка есть лечебная — от алкоголя эта трава. // Есть призорны травы. Богородска трава, она тоже как куксинная (фиолетовая), только жёсткая, она по ручьям растёт, она о лес растёт.* Пучком тлеющей богородской травы окуривают скот от болезней: *Покадим скотинку богородскими травками, в какой-нибудь ковшик положат и покадят.* Растению приписываются и другие полезные свойства, например, считается, что ее запах может отпугивать змей: *У нас есть трава така богородска, мятна, та хорошо пахнет. Богородска трава есть — и змеи ей боятся.* Говоря о *богородской траве*, носители диалекта часто описывают место ее произрастания — обычно это высокий берег реки, каменистая местность: *На щелье растёт богородска тра-*

¹¹Там же. С. 61.

¹²Там же. С. 92.

ва, чабрец по-научному, цветочки аленьки, прямо на камнях растёт, как камнеломка. // Богородска трава — ту сушат да заваривают, у моря, о саму землю растёт. С местом произрастания связана легенда о происхождении названия растения: Пресвятая Мати Божья Богородице Мария бежала по щелью, и в её следках выросла богородска травка. Однако более вероятным представляется принцип номинации растения по христианскому празднику. Речь идет о так называемой богородичной неделе или богородичных днях, приходящихся на 1–6 июля: Своими средствами лечились, изгон-от — шесть лепестков, а подызгонье — пять лепестков, их на богородской неделе собирали, с 1 по 6 июля чтобы цвела.

Одним из принципов номинации может быть ассоциация с пищей, вкусовые ощущения. Так, растение клевер называют *хлебцем*, потому что оно является съедобным. Жители Русского Севера часто рассказывают, как в войну или другое голодное время *хлеб* пекли не из муки, а из толчёных цветков *хлебца* или *хлебника*: *Алые цветочки размелешь да в хлеб. Алые цветочки пойдут. // Всё ели: мякину, красные головки, клевер. // В войну головушки у калача (клевера) нащиплешь, лепёшки делаем.* Часто клевер называют не просто *хлебцем*, но *божьим хлебцем*, как бы подчеркивая, что это дикий, природный хлеб, который дан Богом: *Мы-то называли божий хлебец.* Неслучайно клевер также называют *житником* (*житом*), то есть растением, дающим жизнь: *Маленьки были, житники рвали.*

Сокращения

Архангельский областной словарь. Вып. 1–16. М., 1980–2015. (издание продолжающееся).

M. Solomatina. Projections of Human Religious Consciousness in Language: Plants' and Animals' Names

The article is dedicated to projections of human religious consciousness in language. The research is based on the exploration of local Names of plants and animals. The author describes the names of some plants, insects, fishes and some forms of address to the cattle. The materials of the research are the following: the published volumes of The Dictionary Of Arkhangelsk Region, its paper and electronic catalogs and the author's own records.

Keywords: folk orthodox religion, Russian dialectology, the dialects of Arkhangelsk region, phytonyms, zoonyms.

СВЕКРОВЬ И ТЁЩА: ТЕРМИНЫ СВОЙСТВА В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. Термины свойства в архангельских говорах рассматриваются в статье на примере номинации 'родителей жены и мужа' (свекрови и свёкра, тёщи и тестя). Дается инвентарь терминов, говорится о возможности / невозможности их вокативного употребления, приводятся аналитические формы и словосочетания, обозначающие родителей мужа и жены, показано регулярное использование терминов кровного родства для номинации и обращения к свойственникам, возможности семантического переноса, употребление терминов в паремиях.

Ключевые слова: термины родства, термины свойства, русская диалектная лексикология, севернорусские говоры, архангельские говоры.

1. Термины родства и структура терминов родства

При изучении терминов родства мы всегда оказываемся в поле пересечения этнографии, изучающей структуру родственных отношений, и лингвистики, изучающей термины родства. В разных культурах структура родства и термины родства соотносятся по-разному. В русском этносе структура родства в целом достаточно однородна, хотя при сопоставлении древнерусских памятников и сегодняшнего инвентаря терминов родства можно увидеть утрату некоторых терминов кровного родства, связанных с номинацией боковых линий: в древности существовали особые термины для обозначения дяди по отцу и матери, племянников со стороны сестры и брата и нек. др. Уменьшилось и продолжает стремительно уменьшаться количество терминов *свойства*, определяемого через брак, — с распадом «большой семьи» стали забываться значения терминов *шурин, деверь, золовка, свояченица* и нек. др., т. е. неактуальными в первую очередь становятся наименования братьев и сестер жены или мужа в отношении к их новому родственнику и друг к другу.

2. Термины свойства. Многозначность терминов

В русских говорах продолжают функционировать термины, утраченные в литературном языке. Хотя можно предположить, что и в древности инвентарь терминов не был единым и различался по регионам. Наиболее «экзотическим» термином свойства в архангельских говорах является наименование 'жены дяди' (*дейна, деенка, дедина* и др.¹). В остальных случаях как «экзотические» воспринимаются термины, имеющие знакомые общерусские синонимические параллели. Например, *свесь* — 'сестра жены', она же *свойка, свояченица*: *Свесь — это сестра жены. Что свояченицей, что свесь.*

При видимой строгости соответствия термина определенному месту в структуре родства наблюдается многозначность терминов. В первую очередь это касается терминов кровного родства, но распространяется не только на них. Так, *дедина* не только 'жена дяди', но и 'жена родного брата'. *Свесь* — не только 'сестра жены', но и 'мать жены (невесты) в отношении к родителям мужа (жениха); сватья': *Свесь — это мой сын да твоя дочь склались, да вот она свесь, родители твоим родителям сватья, отец зовёт тёщу свесь.* Термином *свесь* может обозначаться и 'брат жены; шурин', противопоставленный *свесье* 'сестре жены': *У жены брат и сестра, по мужу свесь и свесья, или шурак и свесья.* Однако встречаются термины, тяготеющие к однозначности (*свёкор, свекровь, тесть, тёща* и нек. др.). Т. е., с одной стороны, для обозначения определенного места в структуре родства используется несколько разных терминов — иногда даже в пределах одного говора, с другой стороны, происходит расширение значения термина, когда от протозначения, связанного с номинацией одного определенного члена социума, термин используется для номинации (и обращения) к другому родственнику.

¹См. соответствующие статьи в АОС: Вып. 10.

3. Родители мужа и жены: свёкор и свекровь, тесть и тёща

Термины, обозначающие 'родителей жены и мужа' (*свекровь* и *свёкор*, *тёща* и *тесть*) и их словообразовательные дериваты почти не выходят за рамки протозначений. Слова с корнями *свекр-/свекор-* не зафиксированы в качестве обращений, как вокативы используются только термины, обозначающие 'родителей жены'. Параллельно терминам с корнями *свекр-/свекор-*, *тест-/тещ-* для обозначения 'родителей жены и мужа' регулярно используются термины кровного родства с протозначениями 'мать', 'бабушка', 'тётя' для *свекрови* и *тёщи* и 'отец', 'дед' для *свёкра* и *тестя*.

3.1. Инвентарь терминов

Для номинации *свекрови* зарегистрировано более десятка дериватов с корнем *свекр-* (*свекровь*, *свекóрка*, *свёкра́*, *свекрова*, *свекрóвина*, *свекровка*, *свекровушка*, *свекровья*, *свекруха*, *свёкрушка*, *свекру́шка*, *свекрѝ*), более десятка дериватов с корнями *мам-/мат-* (*мама*, *мамаша*, *маменька*, *мамка*, *мамонька*, *мамушка*, *матенка*, *матенька*, *матерь*, *мати*, *матка*, *матушка*, *матушко*, *мать*), немногим менее десятка дериватов с корнем *баб-* (*баба*, *бабка*, *бабонька*, *бабулька*, *бабуля*, *бабуся*, *бабушка*, *бабушко*), используются лексемы с корнем *тёт-* (*тёта*, *тётенька*, *тётя*), а также дериваты с корнем *стар-* (*старая*, *старуха*, *старушка*): *На обед свекóрка наладит всево. Раньше молодлицы куды на праздник идти, у свекрѝ перьво спрашивалась, а потом у мужа уж. Я со свекрѝ жила боле двадцати годов. Свёкра умерла, меня не было, я по лесозáготовкам. Первый ребёнок родится — надо свекровы подарить на юбку. Дети с бабушкой жили, с моей свекровой. Свекрóвина нас отделила. Приехала к свёкру да к свекровке. Свекровушка-покоенка рассказывала. Не знай, по матери жить, не знай, по свекрови жить. Свекровья-то в Котласе живёт, с детьми осталась. Я у свекрухи жила. Да как буду я свёкрушка звать, да как буду я свёкрушку звать... (фольк.). Пожила там немного, и пришлось к свекру́шке уехать. От венца приедет да*

свекры́ и даря дары. Наиболее частотными являются лексемы *свекрова, свекровка, свекровь*.

Для номинации *свёкра* используется более десятка дериватов с корнем *свекр-/свекор-* (*свёкор, свёкр, свекореюшко, свекорила, свекорило, свекорилушко, свёкорка, свёкорок, свекро́в, свекровушко, свекро́шко, свёкрушка, свёкрушко*), а также корни, обслуживающие в архангельских говорах понятие 'отец': *бать-* (*батько, батька, батюнька, батюшка, батюшко, батя*), *тат-/тать-/тятъ-* (*тата, татка, татушка, татушко, татка, татя, татенька, тятка, тятя, тятенька*), *пап-* (*папа, папаша, папенька, папонька*), *отец-* (*отец*) и *дед-* (*дед, деда, дедка, дедко, дедо, дедушка, дедушко*). Кроме того, для обозначения *свёкра* встретилась лексема *дединко*, а также дериваты с корнем *стар-* (*старик, стари́чэнко, старой*): *Она уш свёкром не зовёт в очи. А меня-то, молоду, свёкр не спустил, заставил свекореюшко овин молотить...* (фольк.). *Свекорила этта лежит пьянёхонек. Што свекорило зашумел, он ишо заширился за столом. Свекорилушко на игриша не спустил. Свёкоркí-те были братья. Невеста должна была дарить женихову родню — свекровка да свёкр, девёрья да золовки. Я к батюшке пошла, к свекро́ву-то. Я со свекро́вушкой была. Свекро́шко-то гварит: «Нрав-то у его дурной». У меня свёкрушка тоже сто два года жил. Это ейной свёкрушко, а это свекровушка.*

Другая картина выявляется для номинации 'матери и отца жены' — *тёщи* и *тестя*. В архангельских говорах, помимо собственно лексемы *тёща*, зафиксирован лишь один ее дериват (*тёщенька*), а также несколько дериватов от корня *баб-* и *мам-/мат-* — в гораздо меньшем объеме, чем фиксировалось для *свекрови*: *Это хлебíны после свадьбы на другой день, это тёшита зятя угощает. Тёщенька меня на пецьку повалила.* Встретилось всего три лексемы с корнем *тесть-*: собственно *тесть* и дериваты, зафиксированные в обращении: *тестько́, тэстюшко*. Кроме того, для обозначения *тестя* используются лексемы *дед, дедко* и *старик*: *Костя с тестем идёт да и с шураком — да со свояком, а не с шураком.*

3.2. Использование терминов кровного родства для обозначения свойства

В обращении к свекру и свекрови, *тестю* и *тёще*, как правило, используются термины кровного родства. Они же фиксируются и в номинации. В свадебном причитании невесты встречаем: ...*Назову я свёкра батюшкой, лютую свекрову матушкой, деверьщцу звать да братьщицами, золовушек звать сестрицами...*

О свекрови: *До смерти её мамой звала, она умерла, я всё мамой звала. Это будет мужа мама — мамаша мне. Мамаша сварила браги. Тоже была маменька, мужа мать. У меня свекровка, мамка, тоже верколка. Тут мамонька бежит, стречат. Свекровку-ту мамушкой звав, она ту тоже мамушкой звала. А невестки маму называли матенкой. Они сами дак огород и всё ведут, умерла мати да, свекровка дак. Матери у нас нету, свекровы-то. Я всё время звала мама, пока не стали ребята. А ребята стали, она сама сказала — зови бабой, баба да баба. Звала я мамой, а потом бабушкой, дети-то пошли. По детям — бабушкой. Назвала её мамой, мне бабушкой никак было не назвать. У меня ещё баба была, свекровка. Така бабка вредна была свекровушка. Она уж всем бабонька, не свекровка, а бабонька. У нас бабулька была — она много знала, свекровка-то моя. У нас была бабуля, мужу мать, дак она девеносто три года полных прожила. Бабуся была свекровь, боевая. Тётенька Павла, а кака она мне тётенька? Маменька. В обращении: Идёт свекровка: «Мама, ты што, пошла корове давать?» Матушка, чё мне там делать-то? Она наряд (задание) раздаёт. Бабуля, чё поделатъ? Баба Лиза, ты не мри, цего есть в холодильнике, поджаривай да ешь, ты сама себе не томи. Сноха будит: «Бабушка, чай иди пить». К свекровке пришла, говорю: «Тёта Катя, у тебя коромысло крепкое».*

О свёкре: *Как придёшь взамуж, свекровку называют матушкой, а свёкра батюшкой. И свекровь маменька называли, а свёкра татенькой. Татенька и маменька, а раньше матушка и батюшко. У меня мужик вот был, и батько был — старик, батюшка дак, свёкор дак, щас и рыбы навозят, и карасов, и хариусов.*

Батю́нька — свёкор. Свёкра *тата* называли, *батюшко*. Отця-то звали *тата*, а маму — *мама*, така уж есть, а свёкра *батя*. Я свёкра *папашей* звала. Свёкра кто *батюшко* звал, а кто *папенькой*. *Тата* у нас экой ругливой свёкор был. Пришла молодица, называет *татенька*. А которы опять называли *татка* да *мамка*. Здесь у нас всё *татушкой* звали, свёкор-*батюшко*. Егова сестра жила в одном доме с *татушко* да *матушкой*. Она расскажет, как с *тятенькой* жила да как с золовками жила. Свёкор и свекрова, а как поживёшь маленько — *тятька* да *мамка*. Пока детей нет, называли *татой*, а дети пойдут — *дедушко* да *бабушкой*. *Дедушко* по ребятам всё *тятю* звала. А потом как родилась Галя, *дедушко* стала звать. *Деда-то*, свёкор-то, у меня был охотник. Уехал к *дедушку-то*, ейну свёкру. *Дед Митя*, наверно, выписывал. *Дедко* да муж — *пъеницы*. Шесть золовушек было, а *дедо* один. Вечёр *дедушко* пришёл дак, а сына-то нет. В обращении: *Поедем, батюшка*, поедем на *заговене*. Ставай, *батюшко*, пои́сть. Мне *зыбочка* надо, *дедушко*.

О теще: Маму всё *мапашей* звав, не *тёщей*, а *мапашей*. Пока жива была, он (муж) тожо звал *мамой*. Ну это он из-за *матери*, из-за *бабки*. Пока *бабка* жила, он и не задевал вина, трезвый придёт на работы. Жёнку бьёт да *няньку* — жёнкину *матку*. В обращении: «*Мапаша*, мы двоима», — он маме моей говорит. А этот *Костенька* — земля ему пухом — *мамочка*, здравствуй! Мне зять спаял: На тебе, *мать*, под воду под поточну.

О тесте: А зять *тёши*у должен звать *мапаша*, а *тестя* — *папаша*. *Дедко* всё *ворует*, *молодици-то* отець. А *дедко* у меня был, жёнки отец, слеп был.

Употребление одних и тех же лексем в разных значениях (для наименования / обращения к матери и к некровной родственнице) и закрепление за словом значения 'не-матери' порождает две разнонаправленные тенденции: одна — разнести, разделить значения, используя для этого разные лексемы, другая — противоположная — заменить различие на новое сходств: *Свекровку маменькой* да *матушкой* звали, а *родную мать* — *мамой*. Раньше, раньше *матушкой* звали, *матушка* да *батюшко* — всё возвели-

чивали, это ишо до нас было. *Татька* — так это свёкор, а *тата* — родной отец. Хоть отца, хоть свёкра называли *тата* в давни времена.

Если для обращения к свекрови используются лексемы *матушка*, *маменька*, то родная мать будет называться *мать*, *мама*, *мамушка*, *мамка*: *Выходила замуж, так свекровка не давала называть матерью, а матушкой: я тебя не рожала, зови матушкой. Матушка — мужа мать, а своя — мама, мамушка*. Естественно, возникает ситуация, когда происходит наложение: слияние в пределах одной лексемы нескольких значений, и тогда в течение какого-то времени может наблюдаться вариативность в наименовании матери и не-матери. При этом одна тенденция как бы тянет за собой противоположную: как только в системе возникает временное тождество в обращении к матери и свекрови — меняется ласковое обращение к матери, что влечет за собой новое уподобление: «старое» обращение к свекрови (*матушка*) заменяется «новым» (*маменька*, *мамаша*, *мама*): *Раньше матушка была свекровка, сейчас мамкой зовут. Раньше звали матушка да батюшко, а ныне — папаша да мамаша. Раньше свекровку матушкой звали, а типерь всё мамой зовут, а кака ей мама? Она ей не рожала. Котора рожала, та уж настояща мама. Кто мамой, кто мамушка, кто как. Я звала маменькой, а нынче мамой зовут. При вариативности обращения выбор остается за родителями: Раньше надо вот было спросить, как зовут родителей. Свадьба-то начинается — нать спросить. Она подойдет к свекрови: «Как тебя звать — матушкой ле мамой?»*

То же для свёкра, *тестя*, *тёщи*: *Тёишу*-то зовут по-за глазу, а так, с ней когда, её *мамой* называли. Он назвал, ей было интересно, — *мамой* назвал. Зятевья звали *мамашей*, а сами (дочери) *мамой* звали. Нонце *мама*, *тата* зовут. Раньше *татой* только своего звали, а свёкор — *батюшка*. *Татка* — так звали раньше отца. А *тёишу*, *тестя*, *свёкра*, *свекрову* звали *мамаша*, *папаша*.

Кажется, что разница в номинации (и обращении) между матерью и свекровью, когда используется один корень, прототипически привязанный к термину кровного родства, но различают-

ся аффиксы, характерна для многих языков и является языковой универсалией.

Лексемы с корнем *тесть-/тёщ-* зафиксированы в вокативе: это *тёща*, *тёщенька* (для *тёщи*) и *тестько́*, *тэстюшко* (для *тестя*): *Один зять дельной, так тожо мамой всё зовёт, а этот тёшчой зовёт. Он-то меня всё тёшчой звал, а потом бабушкой. Чё надо — так тёшча, в глаза. Сегодня ходила: — Здравствуйте. — Проходи, тёшча, проходи. Тёшша, порноват морсо, — говорит, — нать розбавить. Спасибо, тёшша, за твою дочерь. Дорогая моя тёшша, поверь совести моей, четыре годика ухаживал за доцькой за твоей (фольк.). Тёшшэнька, я у тебя не был. Вот тебе, тёшшэнька, — для брюликов лапоточки детские мне сделал. Скушай, тэстюшко, в еды греха нету. На прямой вопрос: А тёщу можно тёщей называть? — был ответ: Да-да, кто как, кто и бабушкой назовёт по детям, как дети пойдут. Т. е. гораздо чаще тёща, как и свекровь, все-таки оказывалась бабушкой, «по детям».*

В городской разговорной практике мамой называют и родную мать, и мачеху, и свекровь, и тещу. Современная тенденция оставить лексему *мама* только для обозначения родной матери (и для обращения к ней), а для некровной родственницы использовать обращение на *вы* и по имени-отчеству (т. е. обращаться к ней как к неродственнице) до сих пор воспринимается как тенденция новая, как сознательный отказ от традиции.

3.3. Словосочетания

Достаточно часто однословный термин родства заменяется аналитическим. Чем дальше от центра (*мать* ~ *отец*) к периферии — боковому и нисходящему / восходящему родству (*племянники*, *внуки*, *деды*), тем чаще используются описательные словосочетания, сочетания-пояснения. Синтаксические модели, по которым они образованы, достаточно регулярны для всех типов родства, в том числе для кровного — для боковых, восходящих и нисходящих линий: *дочь брата* ('племянница'), *внука от дочери* ('внучка'), *у сына дочка* ('внучка'), *сыновнин (сынов) сын*

(‘внук’), *сыновья внуча* (‘внучка’)². Встречаются составные термины и для обозначения свойства: *жёнка брата* (‘сноха, невестка’), *брат молодки* (‘зять’ или ‘шурин’), *мужев брат* (‘деверь’), *деверной брат* (‘деверь’). При этом аналитическая форма используется и тогда, когда есть однословный термин, и тогда, когда его нет. Для обозначения *свекрови* зафиксированы следующие аналитические формы: *мужа (мужика) матери (мама)*; *мать мужичка*; *бадькова матка*; *мужикова матушка*; *мужова (мужья) мать*; *мать по мужу*; *дедку матери*; *дедушкова мама*. Для *свёкра*: *мужиков отец*; *дедков отец*; *мужиков дедко*; *отец у дедка*; *дедко у мужика* (под *дедком* и *дедушкой* обычно имеется в виду муж, но в последнем примере — свекор). Для *тёщи*: *бабы мать*; *жёнкина матери (матка)*; *молодицина матери (мама)*; *мать (матка) снохи, мать (матка) молодухи*. Для *тестя*: *жёнкин (жёнин) отец (папаша)*; *сношкин бадька*.

Иногда аналитические формы имеют пояснительный характер: *Мужиков отец — невесте свёкор*. *Мужа мать и отец — свекровка и свёкор*. *Свекрова — парня мать, твоя мать парню — тёшча*. *Это будет мужа мама — мамаша мне*. *Мужика матери — матушка*. *Свекровь делала, бадькова матка, стогодовалые половики*. Но могут использоваться вполне самостоятельно.

О свекрови: *И мужня матери ей была хрестница, они свои были крепко*. *Были стары, да вымерли: была матушка мужикова, был дедя, таткин брат*. *Сыновнина-то мать стречает молодых с полотенцем*. *Дедку (мужу) матери была староверка*.

О свёкре: *Ребята одны остались у дедка мужикова*. *У нас отец у дедка-та (‘отец у мужа’) жернова-те всё делал*. *А бадько, у дедко-то бадько (‘у мужа отец’) жил тоже чуть не до ста*.

О тесте: *Жонкин отец и он братья были*. *Ныне отец да матери, отец жёнин да родители*.

²Подробнее см.: Качинская И. Б. Имена родства: термин и словосочетание (по материалам архангельских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 244–257.

О теще: *На гостьбу ездили, уже угощает жёнкина мати. Бабы-то мать* ('жены мать') *была, за дедку вышла, да шишо хромая нога была.*

Новые родители, в дом к которым переходила молодая невестка, были чужими: свёкор — *чужой батюшко* и даже *чужой отец-батюшка*: *Не жури, родной батюшко, не жури ты меня, матушка, не жури-ко, чужой батюшко* (фольк.).

Нередко термины свойства и кровного родства объединяются и появляются сложные наименования: *маменька-свекрова, мама-свекровушка, матушка-свекровушка, свекрова (свекровка) матушка, бабушка (бабка) свекровка, бабушка-свекровушка (свекруха), а также старуха-свекровка, свекровушка-старушка*: *В шестидесятом году маменька-свекрова умерла. У меня была мама-свекровушка, на сорок девятом году родила парня. Только меня мама-свекровь любила. Перед ейными глазами воротца закрыла, не пустила матерь-свекровку-ту. Чужая сторонушка без ветерка сушит, матушка-свекровушка без винушки бранит* (фольк.). *Бабушку-свекровку оставила. Бабушка-свекровушка заругается. Родила она, бабке-свекровке на руки пала. Идут обратно старухи-свекровки.*

Для мужского варианта: *батько-свёкор, свёкор-батюшко, свёкр-батюшка, батюшка-свёкор, свёкор-татенька, свёкор-дедка, дедко-свёкор, дедо-свёкр*: *Батько-то свёкор у меня охотник был. Да шишо свекровь не по душе, да свёкру-батюшку. Мой мужик молотил, и свёкор-батюшка, и деверья. Веряя, веряя, сбереги ты меня: не увидел бы меня свёкр-батюшка, не видала бы меня свекрова-матушка* (фольк.). *У нас свёкор-дедка, дак порной (крепкий) цяй пьёт. А тут деда свёкр да свекрова были. Дедко свёкор мой помер и свекровка.*

Достаточно часто используются постоянные эпитеты-характеристики (как правило, в фольклоре): *лютая свекрова и лют свёкор, лихая свекровка, свекровушка воркотливая (долгозубая, зубатая), свекровка-воркотовка, лиха мать свекровушка*: *Сестрицы-подружки-гостюшки, придумайте мне, пригадайте, как я буду звать люта свекра, лютую свекрову звеличать?.. Кисни, ки-*

сни, кислый квас, да у свекровки вырви глаз, у свекровки у лихой вырви глаз один, другой. Не ходите (замуж), буде боле горюшка да зубатая (любящая ругаться) свекровушка. Мать мужичка, свекровка-воркотовка. Свекровка-воркотовка, воркоци не воркоци, тебе место на печи. Ой, скука и разлука, чужая сторона, ой, чужая сторонушка без ветерка сушит, ой, лиха мать свекровушка без винушки бранит.

В то же время свёкор и свекровь были сужеными или богоданными родителями: Гостей богоданных зовут — мать, отца. А йон выстане да богоданных родителей наперёд. Молода-то была — любила, у богоданных родителей жила. Как хороша-то жирушка (жизнь), богоданным родителям вековое поминаньице. Всё равно, евонны-то родители — батюшко да матушко — богоданны, богоданники. Термин богоданный может использоваться и как субстантиват: За старого выходила, дак там богоданных не было. Немного жила с богоданныма. Раньше богоданных ведь уважали. Мотивация богоданных родителей весьма прозрачна: это «новые» родственники, Судьбой, Богом данные: Судьба дана, так сужена мать, а как же. И муж — жених богоданный, есть богоданные родители да сё. Всё это от Бога пришло³.

Свёкор — богоданный отец, богосуженный: Богоданной отец тоже был старOVER. Богоданна матушка. Тожо так жо — богоданной татушко. Пошла к богосуженому, богосуженого парализовало, не ходит, ноги-ти не порато хорошие. Свекровь — богоданная мать (матушка, матенка, свекровка): Спасибо свекровушке, богоданной-то матери. Пишу снохе письмо: привет от богоданной матери, я ей уж богодана мать, а не родная. Я приехала в Суру приносить (рожать) Таньку-то. Мати-то выставила из дому: Иишы богодану матенку да богоданы стенки. На богоданной-то сторонушке нынче праздник годовой, богоданная-то матушка не хуже и родной (фольк).

Богоданными (богоданными, богосуженными) будут деревня, место, дом, куда молодая жена переехала жить к мужу: богоданная

³Богосуженным, богоданным может быть и муж, жених.

сторонка (сторонушка), богоданные стенки, богосуженой двор: **Богоданная сторонка** — как замуж выйдешь, это **богоданная**. Замуж выйдешь куда-нибудь на какую-нибудь **сторонушку**, вот и будет **богоданая**. Замуж выйдешь — это **богодатная сторонушка**, это замужье. Первого февраля Макарий бывает там, на **богоданной**, где я жила. Обцертисся (во время святочных гаданий), сидишь, полешь: Полю, полю беленькой снежок, приговариваю: «Залай, залай, собачка, на **богосуженном дворе**».

Из примеров очевидно отсутствие параллелизма в номинации **свекрови** и **тещи** (**свёкра** и **тестя**). Для номинации **тёщи** используется гораздо меньше вариантов терминов кровного родства (с корнями **мам-/мат-**, **баб-**), отсутствуют сложные наименования типа **матушка-свекровка**; при терминах отсутствуют постоянные эпитеты; ни **тёща**, ни **тесть** не оказываются **сужеными** или **богоданными**. Представляется, что это связано с традиционным существованием «большой семьи». Когда невеста выходила замуж, шла **за-мужа**, т. е. приходила в семью мужа, наиболее актуальными оказывались ее отношения с родителями мужа: **свекровью** и **свёком**. Муж, приходящий жить в дом жены, в деревне считался неполноценным: **Это всё приёмыши, налёпыши**⁴, **это всё не мужики, дрянь! Приёмыш, приняла, а когда ево ругают, гооря: куричья головка! Петух, говорят, в дом пришёл. Приёмышем тоже называют, но всё больше петухом. В приёмки — чужая, grit, квашня. Ты, гыт, чужая квашня, приёмок. Голодом приёмыши насидится, долго ли проживёшь голодом?! Чем приёмышем быть, дак лучше борону положить да с крыши на неё соскоцить.** Со второй половины XX в., после войны, ситуация изменилась: все чаще женщина **принимает** мужа к себе в дом, все более актуальными становятся отношения **зять** ~ **тёща**. Но в языке говорков это противопоставление пока слабо отразилось.

⁴В архангельских говорах насчитывается несколько десятков лексем, обозначающих 'мужа, пришедшего жить в дом жены'. См., например, словарные статьи **дворник** (АОС, 10), **животник** (АОС, 14).

4. Коннотации

Термины родства обладают богатым коннотативным потенциалом, весь мир осмысляется в терминах родства. Именно термины кровного родства проецируются на окружающий человека мир: они употребляются для обращения к свойственникам, неродственникам, а также для их номинации⁵; проецируются на животный мир (*пчелиная матка*)⁶, растительный (*мать-и-мачеха*)⁷, предметный (*матка* — женское чрево; *матица* — мать жилого помещения; *бабка* — малая укладка зерновых, льна и т. д.)⁸. По отношению к абстрактным понятиям термины родства в основном используются в комплиментарной функции в сочетаниях: как постоянные эпитеты, приложения: *земля-мать* и *небо-отец*, *солнышко-батюшко*; *река-матушка*, *вода-матушка*, *Москва-матушка* и *Питер-батюшка*, *война-матушка*, *зима-матушка*, *матушка-ноченька*, *старина-матушка* и др.⁹

У терминов свойства подобные переносные значения встречаются чрезвычайно редко, даже если рассматривать их словооб-

⁵Качинская И. Б. Термины родства и наименования людей по полу и возрасту: диффузность смыслов // *Cilveks valoda: etnolingvistika, lingvistisk, pasaules aina* (Человек в языке: этнолингвистика, лингвистическая картина мира) // *Komparativistikas almanahs*. 2013. Nr. 4 (33). (Альманах компаративистики. 2013. № 4 (33)). Даугавпилс. Латвия. С. 198–214.

⁶Качинская И. Б. Термины родства и животный мир (по материалам архангельских говоров) // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 2011. СПб., 2011. С. 177–195.

⁷Качинская И. Б. Термины родства и растительный мир (по материалам архангельских говоров) // *Севернорусские говоры*. Вып. 12: межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 83–96.

⁸Качинская И. Б. Термины родства и предметный мир (Термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., Наука, 2008. С. 265–283.

⁹Качинская И. Б. Зима-матушка, война-матушка... Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) // *Palaeoslavica*, 2015, XXIII, № 1. Cambridge – Massachusetts. Pp. 129–143.

разовательные дериваты. В предметной области зафиксирована словообразовательная и семантическая деривация:

Свекровница — вышитая юбка, которую невеста на свадьбе дарит свекрови. *Свекровницу свекровке дарили*¹⁰.

Свекровочник — вышитое полотенце, которое невеста на свадьбе дарит свекрови. *Свекровочник: я сама свекровке вышивала утиральник, свекровочник назывался.*

Свёкор — часть печи¹¹: *Эта палка — причелина, свёкор, коник, вот это полатка, печурочек здесь, уху варили.*

В ботанике несколько разных растений имеют название *тёщин язык*. Как правило, это растение с длинными узкими листьями, иногда колючими: щучий хвост (сансевиера), столетник (алоэ): *А там тёщин-то язык, Галя сказала. Есть тёщин язык, цвет такой. У меня был алоэ, он всё называл тёщин язык.*

Неделя перед Великим постом (Масленица) может называться *тёщиной* или *зятней неделей*: *Тёщина, зетня, мясна, молочна — это всё подходит к Паске, перед Великим говеньем.* Номинация связана с обычаем перед Великим постом ходить к *тёще* на блины. К *тёще* на блины ходят и на второй день свадьбы: *А на второй день у невесты гуляют, это называется как тёщины блины.* В рассказе о старине вдруг появляется эпитет-приложение *тёща*: *Рассказывай-ко, голубчик-дядя, про тёщу-старину.* Хотя гораздо чаще встречается *старина-матушка* (*старинка-, старинушка-*), *досельщина-матушка*: *Древность была, старина-матушка. Старины-то матушки много у них. Она досельщину-матушку помнит, у ней память кака глубока.*

¹⁰В СРНГ *свекровница* – «женская рубашка с вышивкой (надеваемая под сарафан), которую невеста дарила будущей свекрови». Арх. или «Полотняное полотенце с вышивкой, которое невеста дарила будущей свекрови». Костром. (СРНГ, 36: 232).

¹¹Об использовании *свёкра* и *свекрови* в названиях печи (*свёкор* – внешняя часть печи; *свекровин пуп* – ‘печная заслонка’) см. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 257–259. См. также *свекровий* (*свекров*) *зуб* – ‘изъян в домотканом полотне’ (Онеж.) (СРГК, 5: 652).

5. Паремии

Свекровь и теща попали в пословицы. И вновь оказывается, что *свекровь* в паремиях и фразеологии встречается чаще, чем *тёща*.

О теще: *Всю войну жили не у тётчи на блинах — минировал, разминировал, по-пластунски ползал. У нас ишо приговорили — у хорошей тётшиш не будет зять тошшой. Хорошу тётшчу не будеш звать тётшчой.*

О свекрови: *Свекровка, чёрт — не мати. У свекровушки — не у мамушки. Как на пече мыть, так со свекровкой жить. Каково над печью мыть, таково и со свекровкой жить — горячѣ так же. Шерстяну кудель допрядать — как свекровину смерть дожидать. Корова не свекрова, порычит, да помолчит. Корова не свекрова, корова порычит, да помолчит, а свекровка поторчит (будет браниться). Корова не свекрова — у меня любимая поговорочка, оцень вьелася, — корова не свекрова, порыцит, да замолчит. В гаданиях: «Мутовка-мутовка, покажи мене свёкра да свекровку, деверя-золовку», — гадают на Рожество. В приметах: *К веретну припрядёшь шерсть — и к свекровке пристанешь (будешь хорошо жить со свекровью), а не припрядёшь — не пристанешь.**

Исследование выполнено на материале вышедших томов АОС, картотеки АОС (бумажной и электронной) и собственных полевых записей автора.

Сокращения

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–16-. М., 1980–2015.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Тт. 1–48-. М.; Л.; СПб., 1965–2015.

I. Kachinska. **Husband's Mother and Wife's Mother: Kinship Terms for Spouse Parents in the Arkhangelsk Region Dialects**

The article discusses the kinship terms in the Arkhangelsk Region dialects on the example of the terms for Spouse Parents (Husband's Mother, Husband's Father, Wife's Mother, Wife's Father). The author provides the inventory of terms, refers to their possibility / impossibility in vocative usage, considers analytical forms and phrases denoting the spouse parents, shows the regular use of the consanguinal kin terms for the nomination and appeal to the in-laws, the possibility of semantic transfer, and idiomatic usage of the terms.

Keywords: dialects, lexicology, kinship terms, affinal kin, consanguinal kin, spouse parents, Arkhangelsk Region, Russia.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОВОРОВ ПОЗДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ КУБАНИ)

Аннотация. В статье на материале кубанского диалекта раскрывается актуальность изучения лексико-семантического пространства говоров позднего образования в генетических координатах. Предлагаемое направление исследования дает важные сведения о степени близости говоров вторичного образования к материнскому языку и раскрывает их локальное своеобразие.

Ключевые слова: говоры позднего образования, кубанский диалект, генетические координаты, локальное лексико-семантическое своеобразие.

Вопрос о словарном составе говоров принципиален для диалектологии, поскольку он непосредственно связан с определением лингвистического статуса диалектов как одной из форм существования национального языка. Что касается говоров позднего образования, то актуально, на наш взгляд, рассмотреть их лексический состав в генетических координатах. Предлагаемое направление исследования позволяет выяснить, является ли слово, функционирующее в говорах вторичного образования, принадлежностью материнской лексической системы, вошло ли оно в местный диалект из других языков, непосредственно с ним контактирующих (для кубанских говоров — из языков народов Кавказа), или представляет собой локализм, родившийся «на местной почве». Генетический подход, таким образом, предоставляет важные сведения о степени близости говоров вторичного образования к материнскому языку и раскрывает их локальное своеобразие. При отнесении слов кубанских говоров и их значений к локализмам мы ориентировались на данные СРНГ, на слова русского литературного языка и на украинские лексикографи-

ческие источники, прежде всего на «Словарь украинского языка» Б. Д. Гринченко, в котором отражен лексикон, послуживший материнской базой для кубанских говоров с украинской языковой основой. Бесспорно, отсутствие анализируемых слов и ЛСВ в перечисленных изданиях или наличие в СРНГ соответствующих помет, указывающих на их фиксацию только в кубанских говорах, не всегда является показателем локальности. Лексикографические лакуны могут свидетельствовать и о низкой степени актуализации значений и слов в материнских говорах. Между тем представляется, что регистрация подобных фактов демонстрирует самобытность лексико-семантического пространства говоров вторичного образования, которая проявляется как в наличии локализмов, так и в актуализации значений и слов, не отмеченной в материнском языке.

В кубанском диалекте преобладает лексика материнских лексических систем, вошедшая в лексическую макросистему кубанских говоров в начальный период их формирования. Данное обстоятельство закономерно и объясняется экстралингвистическим фактором — переселением на Кубань носителей украинских и южнорусских говоров: воронежских, курских, рязанских, орловских, тамбовских. Подчеркнем, что релевантная генетическая особенность кубанских говоров состоит в том, что многие функционирующие в них слова одновременно принадлежат южнорусскому диалекту и украинскому языку. Рассмотрение лексического состава кубанских говоров в генетических координатах демонстрирует, что судьба слов материнских говоров складывается в кубанском диалекте по-разному. Часть из них живет полноценной жизнью, находясь в активном словарном запасе жителей местных станиц, часть выходит из употребления, предается забвению, лексемы могут менять свой внешний облик, перестраиваться внутренне. Так или иначе, слова материнских говоров, бытующие на Кубани, по-своему адаптируются к *местобывтованию* (ср. с термином *месторазвитие*, введенным в научный обиход П. Н. Милюковым, выдвинувшим тезис о значении такого понятия в развитии культуры). Представляется, что фак-

тор местобывования является весьма существенным для диалектного слова, функционирующего в говорах позднего образования. Адаптация слов к местобывованию может проявляться как в консервации, так и в изменении исконных форм и значений. Структурные трансформации, не нарушающие семантического тождества слова, обусловлены специфическими особенностями диалектной языковой системы; семантические и фразеологические трансформации зависят от внеязыковых условий, в соприкосновении с которыми в семантике лексической единицы происходят различные преобразования. Проиллюстрируем изменения в семантике слов на конкретных примерах, приводя контексты, на основе которых формулируются локальные ЛСВ.

Приращение значений. Слово *дегтярь* в кубанских говорах употребляется в прямом полидиалектном значении ‘человек, который топит деготь или продает его’ (Гринченко, I: 385; СРНГ, 7: 327–328). В ст-це Платнировской у него записано локальное значение, имеющее иронический, пренебрежительный оттенок, — ‘неженвшийся мужчина 30–40 лет’: *Называ́ли «дихтя́ри» — дядьки тры́цати, сарака́ лет, а он ни жы́ни́лся. Я ж рассказывал: мой брат ни жы́ни́лся да тры́цати́ лет. Их называ́ли «дихтя́ри». Ужэ́ старі́к, ужэ́ на́да дитя́й иметь, симью́ — ни жы́ни́лся.*

В словарях украинского языка существительное *женáч* не отмечено. В СРНГ оно представлено в значении ‘Женатый мужчина. Молодой женатый мужчина’. Урал. 1960 (СРНГ, 9: 124), в котором слово зафиксировано и на Кубани: *Жы́на́ч, а до дифча́т идэ́* (ст-ца Ленинградская). Записанные в ст-це Ярославской контексты позволяют выявить у лексемы локальный ЛСВ ‘молодой неженатый парень от 18 до 20 лет’: *Када́ я ищэ́ у жы́на́ча́х хаді́л, ана́ ми́не нра́вилась... Драли́сь пад ба́чки, кулачка́ми, начина́ли малы́шы́, лет на де́сять–двина́цать, па́том выхаді́ли рибя́ты па́ста́ршы, па́том жы́на́чи́, а за ні́ми ужэ́ мужы́ки́ и ста́ршы.*

Лексический диалектизм *задрі́панка* СРНГ подает со следующим толкованием: ‘Неопрятная, неаккуратная женщина замарашка, неряха’ с единичной фиксацией — с пометой Усть-Лабин. Краснодар., 1965 (СРНГ, 10: 68). В кубанские говоры с южнорус-

ской языковой основой лексема попала из кубанских говоров с украинской языковой основой, в которых она является принадлежностью материнского языка (ср.: *задріпанка* ‘Забрызганная грязью, неряха’; см. также: *задріпа*, *задріпанець*, *задріпаній* ‘Забрызгавшийся грязью, неряха’, *задріпати*, *задріпувати* ‘Забрызгивать, забрызгать грязью нижнюю часть платья’ (Гринченко, II: 36). Носители кубанских говоров, употребляют слово *задріпанка* как в указанном ЛСВ, так и в локальном значении — ‘неказистая, невидная девушка или женщина’. Ср. записанные контексты: *Ходэ заныхаяна, ну така задріпанка* (ст-ца Старокорсунская) — *Сын тётки Вальки жынывсь, узяв таку задріпанку: ны кóжы ны рóжы* (ст-ца Старокорсунская).

Общепринятое существительное *козёл* помимо литературных значений в местных говорах зарегистрировано в трех локальных ЛСВ. Так, в ст-це Передовой *козлом* называют первую волну при наводнении: *У нас тут наваднёния бывають. Пёрвую валну у нас называють «казёл»*. Появление данного значения, вероятно, могло произойти по аналогии с развитием переносного ЛСВ у слова *барáшки* ‘белая пена на гребнях волн’. В результате метафорического переноса у слова *козёл* в кубанских говорах развились также значения ‘самодельная электрическая печь на ножках для обогрева помещения’ и ‘уазик’. Приведем их актуализацию в записанных контекстах: *Ва фсё щёли дуеть, так и казёл ни сагрётъ* (ст-ца Некрасовская). *Вин робы́в на козлу́. Козёл — цэ увáзик* (ст-ца Гривенская).

Полидиалектными являются значения ‘1. Глубокая выбоина, ухаб, рытвина на дороге. 2. Глубокое место, яма в реке, озере, пруде’ слова *колдóбина*, которое МАС подает с пометой *Обл.* (МАС, II: 90). (ср. с укр.: *ковдóвбина*, *колодóвбина* ‘Выбой, ухаб’ (Гринченко, II: 271). Кроме указанных ЛСВ, у лексемы в кубанских говорах зарегистрировано еще одно локальное значение, образованное в результате метафорического переноса, — ‘неспокойная, неблагополучная жизнь’: *Шэсть лет така́я калдóбина: руга́юцца, бь́юцца* (ст-ца Старокорсунская).

Лексический диалектизм *кушири́* на Кубани и на Дону функционирует в значении ‘густые водоросли в реке у самого берега’: *Сичас в на́ший рíчки ра́кив нэ пийма́иш: рíчка зайлилась. Вóдоросли пря́м со дна́ расту́т, як вонó называ́ецця, — куши́рь* (ст-ца Каневская). *Та в нас лóтка у кушы́рях застря́ла* (ст-ца Новокорсунская). В кубанских говорах, в отличие от донских, лексема употребляется в форме не только множественного, но и единственного числа (*куши́рь*). Б. Д. Гринченко приводит слово в форме единственного числа с близким толкованием — ‘Водяная крапива’ (Гринченко, II: 335). В других русских говорах фонематический вариант *кушир* также служит для номинации водяных растений (СРНГ, 16: 196). В кубанском диалекте эта лексическая единица широко употребляется еще в одном, локальном, ЛСВ — ‘заросли, чаща’: *В э́нтих кушы́рях я кра́сную ба́рыню кагда́-та ви́дила* (ст-ца Чамлыкская).

Лексема *ти́чка* ‘Стая собак с сукою или волков с волчицею’ представлена в СРНГ как локализм с пометой Кубан. 1949–1951 (СРНГ, 44: 148). Поскольку слово в данном значении зарегистрировано в украинском языке (Гринченко, IV: 267), то можно утверждать, что в кубанские говоры с южнорусской языковой основой оно пришло из говоров с украинской языковой основой: *Ти́чкай у нас заву́ть ста́ю валко́в, кагда́ валчи́ца гуля́йицца. Валчи́ца насабира́ла питна́цать валко́в, цэ́лую ти́чку* (ст-ца Отважная). *Иду́, а там ти́чка соба́к* (ст-ца Бузиновская). На базе данного ЛСВ в местном диалекте развилось локальное значение — ‘компания, группа людей’, в котором слово может употребляться не только как нейтральное, но и с неодобрительной коннотацией. Ср. записанные контексты: *Щас сва́дьба — вжык! Всэ — сва́дьба ко́нчилась. А ра́ньшэ взде́ жы́ных ны́вэсту з то́го кра́ю на то́й край, и за ны́м ти́чка лю́дэй иде́ и спива́е* (ст-ца Ахтанизовская) — *Ты внов ти́чку навёл?* (ст-ца Динская).

Как моносемант представлено в СРНГ и в словаре Б. Д. Гринченко прилагательное *голомóзый*: ‘Плешивый, лысый’ (СРНГ, 6: 320; Гринченко, I: 304), см. также структурный вариант *голомы́сый* ‘Безволосый или с очень редкими волосами на голове’ (СРНГ, 6:

320). «Словник української мови» подает слово как полисемант '1. Без волос, лысый или бритый. 2. в знач. суц. Про турок, татар, которые имели обычай брить головы' (СУМ, II: 115). В этих значениях лексема имеет на Кубани широкую дистрибуцию: *Галамозый — эта лысый, бизвалосый* (ст-ца Зассовская). *Бывайить маладой, а ужэ галамозый* (ст-ца Новобейсугская). *На лысава, без валос гаваряят «галамозый»* (ст-ца Отважная). *Вин побрыл го́лову и тэпэр голомозый* (г. Усть-Лабинск). *Чиркэсав назывáli галамозый: ані брыли го́лавы* (г. Усть-Лабинск). В наших материалах у диалектизма зафиксированы еще три локальных ЛСВ, образованных в результате метафорического переосмысления. Приведем их актуализацию в соответствующих высказываниях информантов: 'без головного убора': *Сты́дна на люди наказáцца галамозай* (ст-ца Константиновская); 'легко одетый или раздетый': *Такый вiтэр, а ты отó хóдыш голомозая. Кóхту надiнь* (г. Термрюк); 'бедный, неимущий': *Кальца абручáльнава ни насiли: галамозый бы́ли* (ст-ца Зассовская).

В украинском языке слово *дохожáлий* означает — 'Взрослый, в летах', см. также *дохожáлость* 'Пожилые лета' (Гринченко, I: 436). В СРНГ прилагательное *дохожáлый* представлено без иллюстраций в двух ЛСВ — '1. Имеющий от роду от 22 до 30 лет. Терск., Кубан., 1901. Зрелый, не первой молодости (о юноше, которому пора жениться, или о девушке, которую пора выдавать замуж). Южн. Даль. 2. Опытный, бывалый' Кубан., 1905–1921' (СРНГ, 8: 162). В наших материалах слово зафиксировано в контексте, актуализирующем наличие у него второго локального значения: *Взялысь нас провóдыть рыбьята, и оды́н, знáчить, ужэ дохожáлый пáрэнь, такый вжэ, знáчить, щé з жiнкой развóдывся, такый вжэ, щé, знáчить, в áрмийи був* (ст-ца Старомышастовская).

Носителями кубанского диалекта глагол *вiлынять*, в местной огласовке также — *вiлынять* — употребляется как в общенародных значениях, так и в локальном переносном значении 'похорошеть, измениться внешне к лучшему': *Якá була гы́дка, а вiлыняла — такá красы́ва ста́ла* (ст-ца Старотитаровская).

Утрата значений (во многих случаях более корректно говорить об отсутствии данных об употреблении слова в том или ином значении, хотя отдельные факты очевидны). Речь, бесспорно, не идет о тех случаях архаизации, когда значение слова угасает или вообще «умирает естественной смертью» в силу исчезновения обозначаемой реалии. Количественные изменения в семантической структуре лексических единиц материнского языка правомерно рассматривать на синхронном срезе. Так, слово *го-робѣц(ь)* ‘воробей’ в местных говорах — моносемант. В украинском языке оно имеет еще два ЛСВ, не отмеченных на Кубани, — ‘1. Название вола, цветом подобного оперению воробья. 2. Род орнамента на писанках’ (Гринченко, I: 314). В курских говорах этим словом называют также соловья (СРНГ, 7: 54), что для Кубани не характерно. Диалектизм *дурѣнда* в кубанских говорах имеет два ЛСВ ‘1) дурак и дура; 2) жмых из семян подсолнечника’. В смоленских говорах лексема *дурѣнда*, *дурѣнда* служит также для номинации брюквы (СРНГ, 8: 266, 273). Слово *метѣлык* на Кубани, как и на Украине, номинирует бабочку, мотылька; во втором ЛСВ ‘листовка, прокламация’, отмеченном в словарях украинского языка (СУМ, IV: 687), эта лексема в местных станицах не зарегистрирована.

Возможны также *комбинированные случаи*: лексическая единица одновременно утрачивает значение(я) и приобретает новое(ые). Представляется, что после образования в семантической структуре лакуны слово как будто стремится к заполнению «пустоты» другим, актуальным для данной языковой среды значением. Так, в кубанских говорах как с южнорусской, так и с украинской языковой основой функционирует слово *бѣбка* в значении ‘ягода’, которое записано в донских и смоленских говорах (БТСДК: 57; СРНГ, 3: 234). В Белоглинском и Мостовском районах Краснодарского края этим словом называют ‘косточку фрукта (абрикоса, вишни и т. д.)’: *Абрикóсы кóлим на сѣшку, а бѣпку удаляѣим* (ст-ца Успенская). В смоленских говорах слово служит для ласкового обращения к человеку (СРНГ, 3: 234), на Кубани этот ЛСВ не зафиксирован.

Интересен процесс развития дополнительных значений у слова *ганчі́рка*. Б. Д. Гринченко отмечает у него два ЛСВ — ‘1. Тряпка, тряпица, ветошка, стирка. 2. Грязное старое платье’ (Гринченко, I: 271). Словарь украинского языка (СУМ) подает слово в четырех значениях: ‘1. Кусок старой, изношенной тряпки. 2. *перен., презр.* Изношенная, старая одежда. 3. *прен., презр.* О женских нарядах. 4. *перен., презр.* О безвольном, бесхарактерном человеке’ (СУМ, II: 27). В СРНГ лексема представлена как моносемант — ‘Тряпка для вытирания чего-л. Южн. Даль [с приведением другой формы: *гарничирка* и с примеч. От гарнец — 7]’ (СРНГ, 6: 136). На основе записанных на Кубани контекстов: *Простэлым ганчі́рку, покладём буханку хлі́ба та глэ́чик з молоко́м поста́влым* (ст-ца Крыловская). *Ти ганчі́рки — це дужэ гря́зни* (ст-ца Марьянская). *Ка́жуть: краси́вой дівки хоро́шó и в ганчі́рки* (с. Новопавловка). *Яка́ Нінка ганчі́рка! Ну гря́зну́ля!* (ст-ца Динская) — можно вывести 4 ЛСВ ‘1) тряпка, тряпица; 2) грязная тряпка; 3) *презр.* изношенная, старая одежда; 4) *перен.* неряха’. Четвертое локальное значение в кубанском диалекте поддерживается устойчивым сравнением *гря́зний як ганчі́рка* — ‘*презр.* об очень грязном человеке’: *Шо ты яв́івся, гря́зний як ганчі́рка* (с. Михайловское).

Из трех ЛСВ, представленных в словаре Б. Д. Гринченко у слова *квóчка*, в кубанских говорах зафиксирован только первый — ‘1. Наседка. Два других — ‘2. Созвездие плеяды. 3. Название играющего ребёнка в игре в пиж.’ (Гринченко, II: 234) — в наших материалах не отмечены. В русских говорах лексема имеет широкий ареал в первом значении; в псковских и тверских говорах она также служит для номинации быстро говорящей женщины (СРНГ, 13: 170–171). В первом ЛСВ слово входит в общекубанский лексический пласт. При этом *квóчкой* одни информанты называют курицу с цыплятами, другие — курицу-наседку. У лексемы зарегистрировано также локальное значение — ‘сорт зубчатого лука’, которое представляет собой результат метафорического пересмысления первого ЛСВ: *Квóчка — зубча́тый лук. Он на ча́сти распа́даница, и как у квóчки цыпля́та-до́льки* (ст-ца Чамлыкская).

Фонетические варианты *кѳрна*, *кѳрна* функционируют на Кубани в двух ЛСВ — ‘1) курносый нос; 2) нос’: *Кѳрна* — *нис курносый* (ст-ца Курчанская). *На нѳс так и кѳжутъ* — *кѳрна* (ст-ца Бриньковская). Устойчивость первого значения поддерживается прилагательными *кы(и)рпѳтый*, *кѳ(ѳ)рпѳносый* — ‘курносый’; второго — фразеологизмом *задрѳть кѳ(ѳ)рпу* — ‘задрать нос; зазнаться, загордиться’, — широко бытующими в кубанских станицах. В украинском языке слово имеет следующее толкование — ‘1. Короткий, вздернутый нос. 2. Про человека с таким носом; 3. *перен., нар.-поэт.* смерть’ (СУМ, IV: 152) (два последних ЛСВ на Кубани не отмечены). Семантические сетки слова, функционирующего в кубанском диалекте и в русских говорах, совпадают только в первом значении (ср. лексикографическую разработку сущ. *кѳрна* в СРНГ — ‘1. Вздернутый, короткий нос. Зап. Брян., 1957. // Нос. Зап. Брян., 1957. 2. Курносый человек’. Южн. [?]. Твер. [?]. Даль (СРНГ, 13: 222).

В украинском языке слово *мѳнтус* означает ‘Ломоть, кусок хлеба, полученный нищим, вообще всякая съедобная подачка нищему; отсюда *мѳнтус* — просто подачка, остатки пищи, даваемые нищим и пр.’ (Гринченко, II: 426). В южнорусском диалекте лексема не отмечена, и данное обстоятельство позволяет считать, что на Кубань она пришла из украинского языка. Однако здесь диалектизм *мѳнтус* употребляется в двух других локальных ЛСВ — ‘1) вкусная еда, обычно сладости; 2) разборчивый в еде человек’: *У нас всѳкы вкуснѳтыны «мѳнтус» назывѳлы. Цѳ гѳрни конхвѳты, прѳныкы. Цѳ булѳ мѳнтусы* (г. Славянск-на-Кубани). *Мѳтѳ звѳрэ лѳвко и ѳго зовѳ, а вин такѳый мѳнтус був, шо усѳ пырыбырѳв у едѳ* (хут. Беднягина). Первый локальный ЛСВ представляет собой переосмысление исконного значения слова (ср. бытующее народное представление: остатки сладки). Второй ЛСВ развился на базе первого локального ЛСВ.

У прилагательного *мѳрый* Б. Д. Гринченко фиксирует, кроме ЛСВ ‘Тѳмно-серый, испещрѳнный пятнами (о масти)’, ЛСВ ‘Смутный’ (Гринченко, II: 455). В южнорусских говорах по данным СРНГ лексема также функционирует в двух ЛСВ ‘1. Бурый, чѳр-

но-коричневый или желтовато-серый. Даль [без указ. места]. Дон.' и '2. С полосатой окраской (о скотине)' (СРНГ, 18: 361). В кубанских говорах слово зарегистрировано в трех значениях. Центром номинации первых двух ЛСВ является сема 'цвет, окрас', на базе которой сформировались значения: 'бурый (о масти животных)', 'рыжий, веснушчатый' (ср. 'испещрённый пятнами' в укр. языке): *Карóвы бы́ли чё́рнайи, кра́снайи и му́райи бы́ли* (ст-ца Андрюковская). *Де́вочка конопа́та, ну така́ му́ра-му́ра* (ст-ца Ленинградская). Третье значение 'хитрый', вероятно, возникло в результате переосмысления второго, так как по народным представлениям рыжие люди отличаются хитростью и изворотливостью: *Ох ы му́ра оца́ кии́шка: хова́еция у ха́ти — нэ най́дэши* (ст-ца Стародеревянковская). Второе и третье значения диалектизма являются локальными. Значение 'смуглый' в кубанских говорах не зарегистрировано.

Глагол *галасать* Б. Д. Гринченко регистрирует как моносемант 'Драть горло, кричать, вопить' (Гринченко, I: 267). Отсутствие слова в СРНГ (в нем представлено только однокоренное сущ. *галас* 'Крик, шум голосов, шумный говор' Южн. Даль (СРНГ, 6: 105) позволяет признать, что лексема вошла в кубанские говоры из украинского языка. На «кубанской почве» значение слова было переосмыслено, на его базе родился полисемант '1) бегать с криком и шумом; 2) гулять, веселиться; 3) *перен.* сильно кипеть (о жидкости)': *Вэ́чиром, як ужэ́ корóвы пры́дуть, як начнэм по у́лыци галаса́ть* (ст-ца Азовская). *Оца́ Саи́ко. Ще́ нэ жы́ны́всь, ще́ бы́га, галаса́е, прывы́дэ дру́зэ́й, му́зыку вруба́ють* (г. Тимашевск). *Ой, побижу́ до до́му: в мэ́нэ там бо́риц, галаса́е* (ст-ца Новокорсунская). Общим семантическим компонентом, для всех трех ЛСВ являются семы 'шуметь', 'издавать шум'. Не сохранив исходное значение, слово приобрело в местных говорах три локальных ЛСВ.

Функционирующий в кубанском говоре глагол *закув́икать / закув́икать* в значении 'начать пронзительно визжать (о свинье)' отмечен и в украинском языке, и в тульских говорах (Гринченко, II: 55; СРНГ, 10: 172). На Кубани у слова, кроме указанного значения, обнаружено также переносное — 'заплакать, заныть (о чело-

веке)’: *Адѣть нѣчиво, укрѣщица нѣчим: салѳмки брѳщиш, лѳжником адѣнишиш и кувѳкайшиш* (ст-ца Вознесенская). См. также одноко- ренное имя существительное общего рода *кувѳкалка* ‘плакса’, за- писанное в ст-це Воронежской: *Ну, закувѳкал, кувѳкалка* (ст-ца Воронежская). Значение ‘О сове: закричать’ (Гринченко, II: 55), которое зафиксировано у лексемы в украинском языке, в наших материалах не представлено, как и украинизм *кувѳк* ‘сова’.

Отмечены случаи, когда лексема в новых условиях бытова- ния меняет эмоционально-оценочную характеристику. Так, слово *мармиза* украинские лексикографические источники регистриру- ют со следующими пометами: ‘*вульг.* Лицо, обличье’; ‘Презритель- но о лице, морда, рожа’ (СУМ, IV: 630; Гринченко, II: 406). В кубан- ских говорах существительное употребляется с шутливым, иро- ническим оттенком, часто по отношению к детям: *Идѳи и умѳи мармѳзу* (ст-ца Мингрельская). Изменение коннотативного зна- чения может сочетаться с различиями на уровне дифференци- альных сем. Так, Б. Д. Гринченко фиксирует слово *вѳлупок* ‘Дети’ как бранное слово (Гринченко, I: 168). На Кубани лексема *вѳлупок* записана как нейтральная в значении ‘хилый болезненный ре- бенок’: *Бывѳит, шо симѳя нормѳльная, а одѳн болѳзнинный. Это вѳлупок. А потѳм той вѳлупок как вѳмахаит под двѳ мѳтра, быкѳ рогѳ вѳртѳ* (ст-ца Копанская). См. также: в нейтральном зна- чении или с ироническим оттенком *вѳлупень* ‘ребенок’: — *У дочкѳ дочкѳ и сын. Двѳе вѳлупнив.* — Как? Вылупни? Это как? — *Цѳ дѳты. Вѳлупни* (хут. Ананьевский). Глагол *ремыгѳть* в наших ма- териалах представлен в двух ЛСВ — 1) жевать жвачку (о живот- ных); 2) есть, медленно пережевывая (о человеке)’: *Заболѳила ко- ровѳ тай пырѳстѳла рымыгѳть* (ст-ца Азовская). *Сыдѳить, два часѳ рымыгѳе за столѳм* (ст-ца Азовская). Б. Д. Гринченко также отмечает у слова два ЛСВ ‘1. Жевать жвачку (о волах). 2. О лю- дях грубо: есть, жрать’ (Гринченко, IV: 12). Вторые значения сло- ва совпадают на уровне интегральной семы — ‘есть’ и отличают- ся дифференциальными: ‘*медленно пережевывая*’ и ‘*с жадностью*’, кроме того, в данном значении глагол в кубанских говорах имеет скорее неодобрительную коннотацию.

Следует подчеркнуть, что в большей части лексика материнских говоров, бытующая на территории распространения кубанского диалекта, сохраняет значение, зарегистрированное в лексикографических источниках. В этой стабильности проявляется важное свойство слова как единицы языка, которая «стремится к собственному тождеству (= равенству самой себе), к неизменности и постоянству, ибо каждая единица, по определению, представляет собой относительно устойчивое единство звучания и значения». С другой стороны, «слово под давлением внешних обстоятельств (внеязыковых реалий) стремится «выйти из себя», измениться в своих значениях и функциях»¹. Оказавшись в новой диалектной системе, существуя только в устной форме, при отсутствии кодифицированных норм, при прикрепленности высказывания к определенной ситуации, слово проявляет как устойчивость, верность самому себе, своему материнскому языку, так и гибкость, изменчивость, подвижность семантической структуры. Статичность и динамичность как имманентные свойства слова являются показателем его жизнестойкости и принципиальной неисчерпаемости, заложенных в нем потенциальных значений.

Определенную самостоятельность лексической системы говоров вторичного образования демонстрируют *собственно* локализмы — диалектные слова, родившиеся «на местной почве». Они образуются по тем же словообразовательным моделям, что и слова литературного языка. При этом граница между узуальными, окказиональными и индивидуальными лексическими единицами не имеет четких очертаний. Приведем некоторые примеры. *Мушáтить* ‘много и тяжело работать’. Глагол является однокоренным с акцентологическими вариантами *му́ша* и *мушá* ‘Переносчик тяжестей, носильщик. Му́ша. Кавказ., Даль. Мушá. Телав. Тифлис., 1909. Отрадн. Краснодар’ (СРНГ, 19: 43). *Он харóбийый, хазяин харóбийый. Он мушáтит: дом éтат апклáл, кúхню там абдéлал, такой паря́дак. Мушáтит, да тавó мушáтит* (хут.

¹Лыков А. Г. Асимметризм русского слова // Вопросы русистики. Избранное: Т. 2: Лексикология. Краснодар, 2003. С. 183.

Ильич). Фонетический состав корня глагола позволяет предположить его родство с существительными *маштáк* 'порода низких степных лошадей, сильных и выносливых, но не обладающих большой резвостью' и *мушáк* (записано в ст-це Копанской Ейского района в устойчивом сравнении *як мушáк* 'о человеке, который способен много работать'). *Отче(а)ма́ха, оче(а)ма́ха* '1) отчаянный человек; сорвиголова; 2) заводила' (ср. с однокорневыми словами общенародного языка: *отчаянный, отчаяться*). Что касается второй части слова: -МАХ(А), то, вероятно, ее можно рассматривать как экспрессивный суффикс (ср. в кубанских говорах: *дыромáха, костомáха*). Словом *сиби́льда́* в Лабинском и Кавказском районах края называют очень худого человека. На Дону зарегистрирована лексема *сиби́ль* 'порода сельдей' (БТСДК: 483). Метафорический перенос *рыба* → *худой человек* достаточно продуктивен (ср. в литературном языке и в русских говорах: *селёдка, тарáнка, чехо́ня*). Диалектное существительное образовано путем прибавления суффикса -Д(А). Суффиксальный способ является достаточно распространенным способом создания локализмов. См. также: *вы́хватка* 'дерзкая, смелая девушка' (от глг. *выхватить* + суффикс -К(А)), *груша́ник* 'лепешка, которую в голодные годы пекли из толченых груш' (от сущ. *груша* + суффикс -АНИК), *ездáчиться* 'груб. ездить' (от сущ. -ЕЗД(А) + суффиксы -АЧИ/ТЬ/СЯ), *звездóвать* '(обряд.) ходить в рождественскую ночь со звездой' (от сущ. *звезд(а)* + суффиксы -ОВА/ТЬ), *свайбóиться* 'намечаться (о свадьбе)' (от сущ. *свайб(а)* + суффиксы -Ы/ТЬ/СЯ) и др.

Отмечены также универбы-локализмы: *гречнёвка* 'гречневая каша', *желе́зница* 'железная дорога', *зачу́ха* 'муж, живущий в доме жены (заведующий чужим хозяйством)', *защíтка* 'защитная лесополоса'.

Продуктивно образование локализмов на основе звукоподражания: *дырдýкала* 'ручная мельничка', *Дóма у кáждава ва дварé дырдýкала стая́ла, кукуру́зу на нéй малóли* (ст-ца Архангельская). *Наглéкаться* 'напиться пьяным': *Робýлы. Як síлы в посáтки: глэк та глэк, глэк та глэк. Як наглéкалысь!* (ст-ца Медведовская).

Нады́ркать ‘содрать шелуху с зерна на ручной мельнице, переработав его в крупу’: — *Облу́щивали эту кукуру́зу. Кру́пору́шки ходили просили. Нады́ркаим: др-р-р, др-р-р.* — «Надыркаим»? Это как? — Ну да. Она́ жэ так: *др-р-р, др-р-р* (ст-ца Гривенская). *Проху́кать* ‘отогреть дыханием просвет на замерзшем стекле’: *Зимой в акне праху́кали ды́рачку: ху-ху. И гляди́м на у́лицу* (ст-ца Зассовская) и др.

Среди собственно локализмов выделяется ряд сложных диалектизмов. Как известно, тенденция к интеграции двух слов в одно слово достаточно сильна не только в литературном языке, но и в говорах. См., например, *катава́лы, катава́льчики* ‘холмистая целинная земля по склону горы, используемая для сенокоса’: *Па́ этих катава́льчиках, катава́лах каси́ла се́на* (хут. Ильич). Эта лексема, входящая в активный лексикон жителей Отрадененского района, зарегистрирована в СРНГ с единственной пометой *Краснодар*, без иллюстративного примера (СРНГ, 13: 119). В русских говорах зафиксированы существительное *вал*, одно из значений которого — ‘ряд скошенной травы’ (СРНГ, 4: 19), а также фразеологизм *ката́ть се́но* ‘трести, сгребать сено’ (СРНГ, 13: 125), что позволяет предположить: *катава́лы* — место, где *ката́ют ва́лы*, или сгребают скошенное сено. См. также: *блудве́й* ‘гуляющий мужчина’, *ды́рогла́зый* ‘большеглазый’, *добропрокля́тый* ‘вспылчивый, но отходчивый человек’ и др.

Особый пласт составляют слова, заимствованные в результате прямых контактов диалектоносителей с представителями кавказских народов. В ст-це Ярославской лексема *бадрижа́н* записана в двух ЛСВ. Если первый ЛСВ ‘помидор’ отмечен и в СРНГ как заимствование из азербайджанского языка (СРНГ, 5: 41), то второй — ‘прозвище жителей ст-цы Ярославской’, имеющий иронический оттенок, является локальным: *Ра́ньше ярасла́вских звáли «бадрижа́нами»: ани́ так памидо́р назывáли* (ст-ца Ярославская). Другой пример — *мару́шка* ‘женщина, девушка’. Оно, как отмечает С. Д. Мастепанов, заимствовано казаками от горцев, подстраивающихся под русскую речь (Мастепанов: 55). Слово *кубга́н* М. Фасмер подает как заимствование из терского со следующим

толкованием: 'Большой металлический кувшин' (Фасмер, II: 396). В кубанских говорах диалектизм употребляется в двух фонематических вариантах — *кубáн*, *куба́н*, которые имеют несколько иное значение — 'глиняный высокий горшок, кувшин с узким горлом, обычно с двумя ручками': *э́та куба́н у ми́ня́ бы́л, разби́лся, в нём агури́цы са́лили* (ст-ца Архангельская). *Куба́н — кушы́н з двумя́ рúчками* (с. Новопавловка). *Маки́тра — бе́з ручи́к, а куба́н — с рúчками* (ст-ца Успенская). Зафиксированные структурные и семантические различия позволяют признать, что слова, заимствованные в результате прямых контактов диалектоносителей с представителями кавказских народов, также могут подвергаться в местных говорах локальному варьированию.

Проанализированные примеры наглядно демонстрируют, как в поисках новых средств выражения кубанский диалект использует общенародные и диалектные слова материнских говоров, перерабатывая их в структурном и семантическом планах, придавая им новые номинативные или экспрессивные функции. Несмотря на имеющееся сходство с материнскими говорами, на так называемую «вторичность», кубанские говоры обладают определенной самостоятельностью, проходят в русском диалектном континууме свой путь развития, что позволяет рассматривать их как самобытный и уникальный идиом. Локализмы имеют различную локализованность на территории распространения кубанских говоров: их функционирование может как ограничиваться говором одного населенного пункта, так и охватывать широкий ареал. На основе генетического подхода в лексическом составе кубанских говоров выделяются следующие генетические пласты: 1. Неварьируемая лексика материнских говоров и общенародного языка. 2. Локальные варианты лексических единиц материнских говоров и общенародных слов. 3. Собственно локализмы. 4. Неварьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа. 5. Варьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа. Дальнейшее исследование лексического состава кубанского диалекта в генетических координатах сделает возможным составить максимально полное представление о путях его формирования, а так-

же о локальном лексико-семантическом своеобразии диалектной лексики Кубани, в котором отражается специфика говоров позднего образования и языковое творчество их носителей.

Сокращения

- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка: В 4-х т. Киев, 1958.
МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4-х т. М., 1982–1984.
Мастепанов — *Мастепанов С. Д.* Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края. Армавир—Отрадная, 2013.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–48. М.—Л., СПб., 1965–2015.
СУМ — Словник української мови. Київ, 1970–1980.
Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 1964–1973.

O. Borisova. Lexical-semantic Timelines of Lately Originated Dialects in Genetic Coordinates

In current article based on research of kuban dialect the timeliness of lexical-semantic study of lately originated dialects in genetic coordinates is disclosed. Suggested research direction gives important information about secondary originated dialects affinity to mother tongue and discover their local identity. Keywords: lately originated dialect, kuban dialect, genic position, coordinate, local lexical-semantic identity.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ*

Аннотация. Статья посвящена изучению языковой картины мира жителей Вологодского края, в частности, особенностям вербализации их представлений о здоровье и болезни. Материалом для наблюдений служат этнографические и лексикографические работы начала XX века (М. К. Герасимов, П. А. Дилакторский), опубликованные выпуски и картотека «Словаря вологодских говоров», включающие в себя записи речи с 60-х годов XX века, ответы на вопросы по программе «Народная медицина» Лексического атласа русских народных говоров, сделанные в конце XX — начале XXI века, а также данные опросов пациентов сельских учреждений здравоохранения последних лет. В результате делаются выводы о динамике представлений о здоровом и больном человеке, выявляются устойчивые показатели здоровья как одной из базовых ценностей в картине мира севернорусского крестьянина, выявляются различия в вербализации представлений о болезни: о составе болезней, причине их появления, средствах и способах лечения.

Ключевые слова: диалектология, вологодские говоры, языковая картина мира.

Языковая картина мира — «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности»¹ — исследуется в российском языковедении на материале различных функциональных разновидностей национального языка, в том числе и на материале территориальных диалектов. Понятие диалектной языковой картины мира

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

¹Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 9.

активно обсуждается в работах отечественных диалектологов² с точки зрения особенностей вербализации ментальных объектов, специфики выражения в диалектной речи различного рода оценок, репрезентации системы действий, характерных для носителя говора. Одну из наиболее существенных ценностей в диалектной языковой картине мира составляет *здоровье*, вследствие чего исследованию ментальной оппозиции «здоровье — болезнь» посвящены исследования многих российских ученых³. Метафорические модели, репрезентирующие здоровье в русском языке, ориентируются на представления о жизненной силе и крепости, целостности, неповрежденности формы, готовности к выполнению биологических и социальных функций. Здоровье мыслится как измеряемая аксиологическая субстанция. Это признак гармонии души и тела, источник наслаждения, счастья и блаженства, это фундамент счастья и могущества, залог победы в битве и материального благополучия, здоровье — сокровище, особая ценность которого ощущается именно тогда, когда оно утрачивается. Болезнь — это, наоборот, признак слабости, утраты жизненных сил, потери благополучия во всех сферах жизни, стихийное бедствие или хитрый враг.

Лексика и фразеология народной медицины — уникальный материал для характеристики языковой картины мира жителей Русского Севера. С одной стороны, здесь консервируются древнейшие славянские представления о сущности болезни, средствах и способах ее лечения или профилактики.

²Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998; Букринская И. А., Кармакова О. Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира // Язык: изменчивость и постоянство. Сб. статей. К 70-летию Л. Л. Касаткина / Отв. ред. М. Л. Каленчук. М., 1998. С. 5–14; Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения. Екатеринбург, 2007; др.

³Тимошенко Л. О. Скалярно-антонимический комплекс концепта «здоровье» в русском и английском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 190 с.; Петкау А. Ю. Ольфакторный образ концепта «здоровье» в русском языковом сознании // Уральский филологический вестник. Психолингвистика в образовании, 2013, 4; др.

Эти представления имеют межнациональный характер и реализуются в типовых синтаксических конструкциях (например, неопределенно-личных, предполагающих чей-то злой умысел: *избереж́али, изурóчили, насаж́али кил, об́аяли, обурóчили, оговор́или, озéпали, озыч́али, оприкóсили, опризóрили* и др.). С другой стороны, эти древнейшие представления особым образом конкретизируются на севернорусском материале, в чем убеждает анализ лексики диалектных словарей и обращение к выводам уже существующих диалектологических исследований по народной медицине⁴. Различия наблюдаются в лексическом составе названий болезней, действий, сопровождающих их течение, в характеристике средств и способов лечения, а также в некоторых других аспектах. На материале севернорусских говоров территорий современной Вологодской области эта проблематика также была предметом обсуждения в публикациях различной временной отнесенности.

Одним из первых исследователей проблем соотношения здоровья и болезни в языковом сознании жителей Русского Севера был Михаил Кондратьевич Герасимов. Его этнографические очерки и особенно «Словарь Череповецкого уездного говора» (СЧГ) содержат многочисленные названия болезней, подробное описание их симптоматики, причин появления, средств и способов болезни. Лексика и фразеология народной медицины в говорах вологодской группы этого периода достаточно полно представлена в «Словаре областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. А. Дилакторского (Дил.), хотя, в силу специфики образования авторов этих словарей, в первом из них она дается более обстоятельно и точно.

⁴Меркулова В. А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка // Этимология. 1967. М., 1969. С. 158–172; Меркулова В. А. Народные названия болезней, II: На материале русского языка // Этимология. 1970. М., 1972. С. 143–206; Ганцовская Н. С., Лебедева И. В., Никулина Т. Е. Лексика по теме «Народная медицина. Болезни» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1992. СПб., 1994. С. 121–127; Проценко Б. Н. Лексика медицинских заговоров и оберегов и картотека ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1998. СПб., 2001. С. 87–94; др.

Среди общих названий болезни фиксируются следующие слова: *боль, болѣзнь, бѣлѣсть, болятѣк, недѣг, недѣжина, нездорѣвье, немогутѣ, нѣмочь, хворостѣбѣ, хворь, хиль, хирь, хиря, худѣба*. Большинство этих существительных образовано от глаголов с соответствующим значением: *болеть* — *болѣзнь*; *хворать* — *хворь, хворость, хворостѣба*; *хилеть* — *хиль*; *хиреть* — *хирь, хиря* и др. Кроме того, отмечены приставочные образования, построенные по контрастному принципу: *сила* — отсутствие силы (*мочь* — *немочь, могутѣ* — *немогутѣ, здорѣвье* — *нездорѣвье, *дуг* ‘сила’ (ср.: *дѣужий*) — *недѣг*).

Симптоматика различных заболеваний обозначается устойчивыми синтаксическими структурами, либо включающими в себя наименование больного органа как вместилища болезни (*зуб ноет, горло болит*), либо безличными конструкциями с употреблением различных глаголов физического действия (*сердце колет, поясницу разломилѣ*), либо неопределенно-личными конструкциями, когда причиной заболевания предполагается чей-то злой умысел (*оговорили, изурочили*). Как отмечает В. А. Меркулова⁵, эти структуры, глубоко архаичные и связанные с древнейшей демонологической сферой, сохраняют устойчивость и в современных русских говорах. Исследуемые нами источники также содержат большое количество примеров каждой из перечисленных структур: *глотѣло болит* ‘этим сочетанием объясняют все болезни горла и зева’ (СЧГ: 33), *лицѣ и утробѣ сбыло* ‘говорят при водяночном отеке’ (СЧГ: 52), *глаза распахнулись* ‘о болезни глаз’ (СЧГ: 78), *обурочили* («*Бывает, когда лицемерно, с заднею мыслию похвалят или зло, сердито посмотрят на человека или на животное, больной лишается аппетита, делается скучным, невесѣлым и худеет с тела. Его обурочили*» (Дил., 3: 2)), причем наиболее употребительными и разнообразными оказываются безличные конструкции: *бушит в головѣ* ‘о состоянии головокружения’ (СЧГ: 23), *вздѣхи затеснилѣ* ‘о затруднении дыхания’ (СЧГ: 29) *волочѣт*

⁵Меркулова В. А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка // Этимология. 1967. М., 1969. С. 158.

в двóйку ‘объяснение болезненного состояния, при котором можно лежать, только согнувши ноги в коленях и прижав их к животу’ (СЧГ: 30), *грязи захвати́ло* ‘остановка послеродовых очищений’ (СЧГ: 32), *ко́жу отсоча́ет* ‘при лихорадке, ознобе ощущение, как будто кожу на теле отдирает’ (СЧГ: 48), *му́лит на животе́* ‘вертит, перебирает’ (СЧГ: 56), *на отса́д сади́т го́лову* ‘определение острой степени головной боли’ (СЧГ: 60), *смя́гнуть, насмя́гло* ‘о неприятном ощущении во рту во время болезни’ (СЧГ: 80), *стро́жет в глазу́* ‘об ощущении боли при образовании язвы роговой оболочки’ (СЧГ: 83), *ту́ском заволокло́ глаза́* ‘о потере зрения’ (СЧГ: 86), *трёщи́т* ‘ноет, дергает’ (СЧГ: 87) и др.

Названия болезней, по мнению В. А. Меркуловой⁶, можно разделить на несколько лексических групп. Их выделение во многом определяется народными представлениями о здоровье и болезни, ярко характеризую естественную природу, прагматичность и традиционность языковой картины мира жителя Русского Севера.

1. Повальная болезнь, эпидемия, именуется в ранних памятниках вологодской областной лексикографии как *лету́ха*, *лету́чка*, *мор*, *перебиру́ха*, *повётрие*, *пове́тёрье*, *пошоу́ра*. Большинство этих слов образовано от глаголов со значением движения (*летéть* — *лету́ха*, *лету́чка*, *перебира́ть* — *перебиру́ха*, *поша́вать* — *поша́ва*, *пошоу́ра*(?)). К этой группе примыкают слова с корнем *-ветер-* // *-ветр-* (*повётрие*, *пове́тёрье*), так как ветер (движение воздуха), по поверью, может принести заболевание. М. К. Герасимов отмечает, что повальное распространение болезни называется еще глаголом *рассеверила́сь* (СЧГ: 76), внутренняя форма которого (*распространилась по всему Северу*) актуальна для языкового сознания севернорусского человека. Для прекращения повальной болезни, по свидетельству М. К. Герасимова, использовался ряд целительских манипуляций: *держáть топóр в загнётке* ‘предохранительное средство при эпидемии’ (СЧГ: 87), *навёшивание замка́ на дверну́ю скóбку* ‘для ограждения от эпиде-

⁶Там же, с. 159.

мии оспы' (СЧГ: 60), *выти́рание огня* 'для прекращения повальной болезни достают «живой огонь» трением бревна о бревно' (СЧГ: 30), *переска́кивать и перета́скивать через огонь* 'во время эпидемий больных перетаскивают через «живой огонь», а здоровые перескакивают сами' (СЧГ: 73), *прота́скивать сквозь ду́пло де́рева или ступе́ни сквозно́й ле́стницы* (СЧГ: 73). Эти манипуляции отражают древнейшие мифологические представления о защитной функции «живого» огня и священных деревьев⁷.

2. Богатым лексическим материалом представлены названия болезней, недомоганий и травм, возникающих в результате злого умысла: *доспе́шка, напу́щенная зябелъ, оговóр, озéп, óзык, повре́да, поглум, призо́р, прико́с, притка, по́рча сгла́з, тра́та, уро́к*. Многие из этих отглагольных имен отражают древнейшие представления о магическом воздействии слова, взгляда или прикосновения: *озы́кать, озыча́ть — óзык, призо́рить, опризо́рить — призо́р, прико́сить, оприко́сить — прико́с*. Механизм воздействия на человека в результате таких действий подробно описывается источниками: «*Бывает, когда лицемерно, с заднею мыслию похвалят или зло, сердито посмотрят на человека или на животное, больной лишается аппетита, делается скучным, невесёлым и худеет с тела. Его обурочили*» (Дил., 3: 2). Большинство названий связано с глаголами физического действия, последствия которого могут быть вредоносными: *повреди́ть — повре́да, прико́сить — прико́с, доспе́ться — доспе́шка, поглуми́ться — поглум*: «*Доспешка. Болезни, наступившие внезапно, а также травматические повреждения. Все эти случаи приписываются действию «нечистой силы». Вдруг человек сломал или подвинул ногу — говорят: «Это доспешка, не лечи, а поезжай к знахарям». Или сразу отнялась поясница, например, при ревматизме поясничных мышц, — окружающие решают, что это ему «доспелось», а в уме про себя прибавляют «от нечистого»* (СЧГ: 35). При этом причина появления болезни конкретизируется по-разному. Так, например, *вереди́ть* (Дил., 1: 39) или *урочи́ть* (Дил., 2: 5) обозна-

⁷Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 159, 285.

чают достаточно широкий диапазон действий. Другие глаголы называют более конкретные действия: *извереж́ать* ‘повредить, изувечить’ (Дил., 2: 2), *озы́кать, озы́чать* ‘навести порчу наговором’ (Дил., 3: 14), *призо́рить, опризо́рить* ‘навести порчу взглядом’ (СЧГ: 72). Следует заметить, что в значении «навести (наводить) порчу» чаще используются глаголы речевого воздействия: *озы́кать, озы́чать, урочи́ть, обурочи́ть* (ср. также: *обба́ять, оговорочи́ть, озэ́пать*⁸). Это свидетельствует о том, что в представлениях о магических действиях, служащих причиной болезней, наиболее сильным представлялось воздействие словом.

3. Особую группу составляют наименования различных болезней, сопровождающихся изменениями кожного покрова. Как отмечает В. А. Меркулова⁹, эта группа довольно многочисленна в русских говорах. Во-первых она включает в себя народные названия кожных заболеваний (*зуд, чёс, чесотка, очёс, почесуха, почесу́ля, почесу́лька, почесу́ня, почесу́нька, нуд, нуди́ще, свербе́жь, своро́б, своро́бь, своробо́к, своро́бость, короста, парши́, лишáй, хру́ны, стру́п, леменá* и др.). Во многих из них актуализирован признак кожной болезни, вызывающей сильный зуд: это отглагольные образования с корнями *-чес-* и *-сверб-/-свороб-*. Среди наименований сухих поверхностей на заживающей коже (*короста, стру́п, хру́на*) особый интерес вызывает слово *хру́на*, употребляемое в данном значении только в северо-восточных говорах (влд., яросл., вятск.). Сопоставление этого слова с южно-русскими *хру́ни, хру́ны, хруньё* ‘тряпки, лохмотья, рваньё’, *хри́да* ‘человек грязный, мокрый’, *хры́стать* ‘скоблить’ и с диалектными образованиями других славянских языков (укр. *риня́вий* ‘струпистый, шелудивый’, серб. **xrudǔ* ‘изогнутый’ и др.) позволяет В. А. Меркуловой связать образование этого слова с праславянским **xryditi* ‘скоблить’ и другими словами с корнем **(s)ker*, **(s)kerē* ‘резать’, а также выявить в севернорусских и южнорус-

⁸Меркулова В. А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка // Этимология. 1967. М., 1969. С. 159.

⁹Там же, с. 159–160.

ских говорах два самостоятельных варианта развития семантики слова *хру́на*: 'драть, рвать' → а) 'рваньё, тряпки' (юж.); б) 'короста, болячка' (сев.)¹⁰. К данной группе слов примыкают наименования различных образований на коже. '**Чирей, нарыв, прыщ**': *болято́к, боля́чка, ве́ред, вздро́чиш, гноева́тик, гнойни́к, гнои́ще, ка́мчуг, коро́стинка, пупырёк, пупы́ш, пупышо́к, пупы́рь, типу́н, чи́рей, кы́лы* (каменные, кожаные, годовалые), *неду́жницы, нату́жницы, ночни́к, ночной щипо́к* (водяной прыщ, появляющийся ночью). '**Опухоль**': *балды́рь, болонá болонó, булды́рь, булы́шка, волды́рь, ворогу́ша, желва́к, желвь, жольв, желно́, о́тёк, могильная ко́сточка* 'опухоль на суставе', *песья́к* 'опухоль на глазу'. '**Синяк**': *синевы́ца*. '**Бородавка**': *борода́шка, борода́вица*. В образовании этих названий актуализируются болезненное состояние человека (*болято́к, боля́чка, недужница*), причина появления образований (*ночной щипо́к, нату́жница*), время их появления (*ночни́к*), цвет (*синевы́ца*), наличие отделяемого (*гноини́к, гноева́тик, гнои́ще*), форма (*боркунéц* — ср.: *боркунéц* 'шарообразный колокольчик' (СВГ, 1: 39) и др). Особое место в этой группе занимает слово *кы́ла*. В вологодских говорах этим словом именуются различные воспалительные опухоли и нарывы на различных частях тела, по суеверным представлениям, появляющиеся в результате чьего-либо злого умысла: «*Возле íхнего до́ма не́пошто болта́ться. Кил насажа́ют, дак и му́чайся потóм! Поше́пчет Некра́сиха, дак, поди, кыл-то и наса́дит*» (Кир. Борб.).

Особые целительские манипуляции совершались при лечении *во́лоса*. Этим словом именовались «*свищи, холодные нарывы, костоеда с сильным отделением гноя, где и предполагались животные, едва видимые глазом, в форме волоса*» (СЧГ: 26). Причинами появления волоса считались как неблагоприятные воздействия внешней среды при общем ослаблении организма («*Болезнь лошадей, когда она долго стоит в грязи и назьму, то в ноги её принимают червяки, имеющие вид волоса*» (Дил., 1: 5), так и насылание

¹⁰Меркулова В. А. Народные названия болезней, II: На материале русского языка // Этимология. 1970. М., 1972. С. 193–195.

порчи. Лечение этой болезни осуществлялось следующим образом: «Волос гнать «способ знахарей: при костоеде, свищах опускают больную руку или ногу в ведро с теплым щелоком, укрывают, и волос идёт» (СЧГ: 30). Зооморфные представления о болезни¹¹ отразились и в других целительских манипуляциях, например, *колóть жáбку* ‘способ лечения воспаления языка, при котором снаружи к горлу прикасаются гвоздем, веретном или прутиком с особым заговором’ (СЧГ: 49).

Вторую важную часть данной группы названий составляют наименования эпидемических заболеваний, при которых происходит изменение кожного покрова (*бспа, вбспа, вбспница, сыпь, ветреница, ветрянка, летучий огонь, корь, кориха, корюха, корюшка, краснуха, золотуха* и др.). Среди них выделяются существительные с древним корнем *-su-/*-sър-: *вбспа, вбспница, вбспина, вбспинка, вбсыпь, бсыпь, сыпня, сыпуха, сыпушка, сыпь* и др. Все эти названия связаны с глаголом *сыпать* (**suti*, **supati*)¹² и обнаруживают соответствия в других славянских языках (блр. *сып* ‘сыпь’, болг. *оспа* ‘сыпь’, польск. *ospra* ‘корь’ и др.)¹³ На фоне этих образований обособляются наименования с корнем *-шадр-*: *шадра́, шадри́на, шадри́нка* и др. Судя по данным картотеки «Словаря русских народных говоров», слова с этим корнем употребляются в севернорусских (арх., вят., перм., олон., влгд. и др.) и некоторых среднерусских говорах (яросл., новг., пск.). В этимологических источниках слова с этим корнем часто рассматриваются как заимствования из тюркских языков (Фасмер, 4: 394), где *шадра* означает ‘рябой, пестрый’. Подобные цветковые параллели обнаруживаются и в других названиях следов оспы: *цвет, пёжина* и др.

В словаре М. К. Герасимова описываются различные манипуляции, направленные против заболеваний с изменениями кож-

¹¹Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 105, 250.

¹²*Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969. С. 40–41.

¹³*Меркулова В. А.* Народные названия болезней, II: На материале русского языка // Этимология. 1970. М., 1972. С. 145–147.

ного покрова: *ношение на шее мишурного ожерелья при золотухе* (СЧГ: 60), *натираться ситом при чесотке* (СЧГ: 61), *обтирание тела росой на улице при чесотке, обводить углём лишай*, чтобы не распространялся, *прокалывать ушные мочки при золотухе* (СЧГ: 74), *присекать огнём при коросте на губах высекать над лицом искры из кремня огнивом* (СЧГ: 74), *перевязывание четверговой ниткой* ‘перевязывать палец при лишаях ниткой, спряденной в Великий Четверг’ (СЧГ: 74) и др.

4. Другую значительную по объёму группу слов составляют наименования болезненных состояний, сопровождающихся жаром и ознобом, различного рода лихорадок: *лихомánка, лихорадка, огневи́ца, огнёва, náпа, тряса́, тряся́, трясе́я, трясу́ха, трясу́чка, трясу́нья, гнету́ха, осену́ха, ве́шница, ворогу́ша, ворогу́ха, умо́ха, кому́ха, кашлю́нья* и др., а также различного рода припадков: *паду́чая, роди́мец, роди́мчик, роди́мое, своё, клико́та, исполóх, переполо́х, спо́лох, о́зык, чёрный недуг, смире́нец, смире́нчик, т́ихонькой, напу́щенная зябель* и др. В вологодских источниках в основном встретились производные существительные, внутренняя форма которых отражает симптоматику заболевания (*трясе́я, трясу́ха, ломота́, шат, знобо́та* и др.), время его проявления (*осену́ха, ве́шница*), враждебность по отношению к человеку (*ворогу́ша, ворогу́ха, о́зык, чёрный недуг*). Кроме того, встретились существительные с метафорической мотивацией (*огневи́ца, огнёва*) и названия-эвфемизмы (*кумо́ха, кому́ха, роди́мое, своё, смире́нчик, т́ихонькой*). Исследуемые источники содержат описание ряда целительских манипуляций, направленных на лечение лихорадочных состояний и припадков: *вбивание колышка в стенку* ‘способ обрывания болезни: если ребенок страдает нервными припадками (пляска св. Витта), то измеряют ему рост и отмеряют вышину на стенка колышком, и как только перерастет отмеченное, то припадки прекратятся’ (СЧГ: 30), *окачивать с камешков* при лихорадке (СЧГ: 65), *питье воды с иконы св. Тихона, просфоровой печати и ласточкиных гнезд* — при родимце, «тихоньком» (СЧГ: 74) и др.

5. В особую группу могут быть сочетания слов, относящиеся к различным заболеваниям брюшной полости: *пуп скрътан* (*сёрван, рассыпался, прирёс к спинё*) (СЧГ: 73). М. К. Герасимов по этому поводу замечает: «Согласно мнению, что человек «на пупу оснван», это основание чаще всего и подвергается заболеваниям» (СЧГ: 73) — и далее перечисляет несколько целительских манипуляций, которые, по суеверным представлениям, позволяют привести пуп в нормальное состояние: «Горшок накидывать на пуп. При болезнях живота горшок приставляется наподобие сухой банки, и живот до того втягивается в горшок, что его не отнять руками, а приходится разбивать; на животе надолго остается темно-багровый круг» (СЧГ: 33). «Завёртывать пуп палкой. При болезнях живота положенную на пуп палочку вращают кругом и этим якобы укрепляют пуп» (СЧГ: 42) и др.

6. В названиях других болезней и болезненных состояний отразились названия пораженного болезнью органа (*горлянка, горлоуша* 'скралатина, дифтерит' (СЧГ: 31), *ма́тошник* 'различные женские болезни' (СЧГ: 56), *череву́ха, черевёня, церёво, черсу́ха, черсу́ня* 'понос' (Дил., 4: 83; СЧГ: 94), причины появления (*холодя́нка* 'чахотка' (СЧГ: 92), *порасту́нки* 'детские недомогания, связанные с ростом' (СЧГ: 69), *полевой опóр* 'ревматизм, внезапно появившийся при работе в поле' (СЧГ: 66), *опáр* 'опрелости у детей' (СЧГ: 65), *перелóм* 'болезнь глаз' (СЧГ: 67) и др.), время проявления (*полунóчница* 'бессонница' (СЧГ: 66), *ме́сячный перелóм* 'ежемесячные выделения крови из матки женщины' (СЧГ: 57) и др.), особенности симптоматики (*залóга* 'задержание мочи' (СЧГ: 41), *скрипúн* 'воспаление сухожилий и суставных сумок на руках и ногах' (СЧГ: 80) и др.), эвфемистически отрицательная оценка болезни ('сифилис': *худáя боль* (СЧГ: 92)). Памятники начала XX века описывают множество манипуляций целителя, направленных против этих болезней: *в пару протиранье* 'знахарское лечение, растирание больного в бане' (СЧГ: 30), *вылизывание языком* 'знахарская манипуляция: доставание инородного тела, например, соринки, из глаз языком' (СЧГ: 30), *ломать глаз* 'при глазных болезнях через закрытое веко растирают (массиру-

ют) глазное яблоко' (СЧГ: 54), *метать кровь баночную* 'приставлять кровососущие рожки или банки' (СЧГ: 57), *отворять кровь жильную* 'кровопускание из вен' (СЧГ: 65), *окуривать киноварью и травами* 'при сифилисе', *отдирать кожу от черепа* 'захватывать пальцами клок волос, подтягивать кверху при головной боли' (СЧГ: 65), *прощаться с местом* 'при некоторых болезнях нужно припомнить место, где заболел, и сходить проститься с ним' (СЧГ: 73), *рубить поясницу топором* 'кладут больного на порог дверей и машут топором над обнаженной поясницей с приговорами при ревматизме спины' (СЧГ: 78), *сидеть на парах* 'в кадушку с водой опускают горячие камни, и больной, укрываясь, садится на нее' (СЧГ: 83), *стучать пятками в стену* 'младенца, у которого бессонница, постукивают коленками в пустой хоромине' (СЧГ: 83), *трение поясницей о забор или стенку овина* 'при ревматизме поясничных мышц' (СЧГ: 87) и др.

7. Особую группу составляют названия болезней животных. Это наименования эпидемий (*оскóтье, паде́жина*), болезней лошадей (*вóзгрень, вóзгарь, возгóрь, возгрáя* 'мыт, загрязненный насморг у лошадей' (Дил., 1: 48 (об.)), *волоскíи* 'болезнь лошадей, когда она долго стоит в грязи или назьму, то в ноги проникают червяки, имеющие вид волоса' (Дил., 1: 50), *почечу́й* 'болезнь ног у лошадей от опоя' (Дил., 3: 77 (об.)), *наёди, насóсы* 'болезни зубов у лошадей' (СЧГ: 61)), коров (*груднiк* 'болезнь вымени у коров' (Дил., 1: 75), *потéря жвáки* 'болезнь, вследствие которой коровы теряют способность пережевывать жвачку; при потере жваки у коровы берут кусок хлеба и дают пожевать другой корове, здоровой, и часть этого куса дают есть больной' (Дил., 1: 102)) и домашней птицы (*слепóтка* 'куриная слепота' (СЧГ: 81)). Большинство названий болезней, зафиксированных нашими источниками, относится к лошадям¹⁴. Это свидетельствует об особом вни-

¹⁴Ганцовская Н. С., Красильщик Е. А. Народные названия анимальной медицины как предмет ареальной лингвистики // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1994. СПб, 1996. С. 114–119.

мании к этим животным в крестьянском хозяйстве, а также о развитии коновальской практики в сфере народной медицины.

Разнообразны в исследуемых говорах названия лиц, оказывающих помощь при лечении болезней. Рядом с новообразованиями, появившимися под влиянием официальной медицины (*дóфтор, дóхтур, дохтурица, фéришал, фершелица, медик, медíчка, вóспенница*), соседствуют традиционные наименования: *ворожéя, ворожбúнья, забáйда, знатóк, знатíха, знахáрь, знахáрка, пúхтальница, пухтáрка, шептúн* и др. В них нередко маркируется способность совершать различные манипуляции (*бáбка-килúнья* 'снимает килу' (Дил., 2: 16), *бáушка пупорéзная* 'повитуха' (СЧГ: 23), *костопрáв* 'деревенский знахарь, помогающий при вывихах' (СЧГ: 48), *трíха* 'знахарка, растирающая больных в печах и банях' (СЧГ: 86) и др.). В исследуемых источниках фиксируются общие наименования целительских способностей (*вещетíнье* (Дил., 1: 42 (об.); СЧГ: 26), *вéще* (СЧГ: 26)) и средств лечения (*зéлье, зéльце* (Дил., 1: 135), *на́добье* (Дил., 2: 77; СВГ, 5: 34)). Источники содержат многочисленные названия лекарственных снадобий: *ветрунóк* 'нежные лепестки бересты на березе, прикладывают к чирьям' (СЧГ: 27), *глотúха* 'ягоды черемухи, используются при болезнях живота' (СЧГ: 32), *глистянóбе мáсло* 'добывают из перетопленных в жару земляных червей; втирают при ревматизме' (СЧГ: 33), *зме́йная травá* 'ятрышник, листья прикладывают при укусах змей' (СЧГ: 40), *колóтик* 'растительная слизь, оседающая в воде на древесных сучьях; употребляется при ломоте' (СЧГ: 46), *камешкí-брякункí* 'из породы валунов; употребляются при болезни «озык»' (СЧГ: 50), *кирпíчное мáсло* 'толченые кирпичи кипятят на льняном масле; употребляется при ревматизме' (СЧГ: 50), *мездра́* 'внутренняя поверхность выделанных шкур; прикладывают к ранам' (СЧГ: 54), *мокрéц* 'растение, прикладывают к опухолям — вытягивает жар' (СЧГ: 56), *марыше́вник, марыше́вое мáсло* 'муравьиное масло; втирают при ревматизме' (СЧГ: 56), *пóрховица* 'гриб дождевик, употребляется при кровотечении' (СЧГ: 67) и др. Некоторые из этих средств связаны с древними магическими обрядами, совершаемыми с целью осво-

бодиться от неблагоприятного воздействия злых сил, повлекшего за собой болезнь: *живой огонь* 'во время эпидемий больных перетаскивали через «живой огонь»' (СЧГ: 73–74), *мыло мертвячье* 'обмылки, оставшиеся после обмывания покойника; больные лихорадкой моются этим мылом' (СЧГ: 57), *проснимальная сосна* 'сосна, сквозь дупло которой пролезают больные для полного исцеления' (СЧГ: 74) и др.

Исследование лексики и фразеологии народной медицины в ходе диалектологических экспедиций последних лет показало, что в современных вологодских говорах по-прежнему сохраняются многие народные названия болезней и болезненных состояний, реализуются типичные модели описания их симптоматики, а также подробно описываются многие целительские манипуляции. Вместе с тем некоторые из групп названий болезней и болезненных состояний уже значительно меньше по своему лексическому объему (например, названия болезней животных или характеристики способов народного целительства), хотя и в картотеке «Словаря вологодских говоров» и в опросных тетрадах по разделу «Народная медицина» программы «Лексического атласа русских народных говоров» нередко весьма обстоятельные рассказы о причинах заболеваний или способах их лечения:

а) *«Озычáли меня бáбы. На собрáнье в Ферapóнтово шла, плáтье надéла, что Пáвлик купíл, а бáбы вон у Клáшиного дóма сидéли: Петрóвна, Некрáсиха, да Клáша самá, мнóго. Я не останóвилась, нéкогда бýло, только поздорóвалась, а идú потóm, смотрю — и нóги не идúт! Чегó такóе сдéлалось? Попошлá — а всё хúже и хúже. Встáла постоять у забóра, а тут и Лéбедева меня догоняет. — Ты чегó, Нjúрушка, стойшь-то? — А вся не могу! Онá мне и говорíт: — Шла, дак víдела когó? — А бáбы нáши попáли. — Поди, и Некрáсиха былá? — Былá. — Дак тебя, мáтушка, озычáли! Ну, иди да не оборáчивайся! Пошлá я, а онá сзáди идёт, шéпчет, а потóm говорíт: «Обернись-ко, дéва!» — да и пры́снула мне водóй изо рта. С меня как чегó спáло, и нóги пошлú. А Лéбедева мне потóm и сказáла: «Носí, Нjúра, булаáвку желéзную: нарóду худóго*

много, а ты всё на людях — как бы чего не сделалось». Дак я старуха, а булавку с той порбы ношу» (Кир. Борб.).

б) «Мне Офёнька, я ещё в школе училась, рассказывал: «Мы у Дюни Плахинской репу таскали, дак она услышала, вышла на крыльцо и говорит: «Вот щас кил-от насажаю!» Мы бежать. А утром смотрю — всю щёку разнесло! Дак не знаю, что и делать. Побежал на Плахино, ревью: «Баба Дюня, это я вчера репу таскал!» Она посмотрела на меня. «Хорошо, — говорит, — что сказался. Иди домой, помажь хорошенько, и всё пройдёт» (Кир. Борб.).

в) «Волос-от у меня у Колюшки был, дак Лебедева научила: «Ты, говорит, щёлоку надёлай в таз, и пусть сидит, волос-то и выйдет». Я надёдала сама, а, видно, волос-от крепкой, не выходит. Дак я снова к ей: «Александра Тимофеевна, волос-от не проходит!» Дак она сама пришла, чего-то пошептала, прошло. А как волос-от убрался, я и не видала: видно, ночью вышел» (Кир. Борб.).

При наличии устойчивых представлений о здоровье и болезни в сознании сельских жителей Русского Севера тем не менее можно сделать вывод о том, что в современном массовом сознании при сохранении традиционной ментальной оппозиции «здоровье — болезнь» происходят значительные изменения в области средств и способов ее вербализации. С целью конкретизации этих изменений нами был проведен анонимный опрос более двухсот пациентов сельских медицинских учреждений в возрасте от 14 до 86 лет. Респонденты отмечают, в первую очередь, внешние проявления болезни (*уставший, невеселый; синяки под глазами; бледный цвет лица, кожи; красные глаза; мешки под глазами*), обращают внимание на психологическое состояние больного человека (*нервный, агрессивный, обиженный, недовольный, не верящий в свои силы, испуганный, замкнутый, теряющий смысл / интерес жизни, вызывающий жалость, одинокий, «белая ворона», скучный, не отдающий себе отчета в своих действиях*). Как функциональные нарушения респонденты отмечают *усталость, сонливость, нежелание работать, плохую работоспособность, «отказ рук, ног, мозгов*». Отмечаются также социальные признаки болез-

ни: пропадает *цель в жизни, невозможность достичь намеченного, жить, как надо*. Более молодые респонденты при характеристике болезни предлагают варианты заболеваний и симптомы, хорошо им известные (простудные заболевания, ОРВИ, умственное переутомление и пр.). Взрослые пациенты имеют в этом отношении более богатый опыт: *боль в спине, в пояснице; остеохондроз; боли в ногах, суставах; ревматизм; кашель; бронхит; боль в желудке, тошнота; язва, гастрит желудка; головокружение, головные боли; артериальная гипертония или гипотония; нервы, усталость, сонливость, вялость, депрессия; одышка, тахикардия, боли в области сердца*, а также называют общее болезненное состояние, которое именуется речевыми формулами «*вся не могу*», «*вся пала*», «*нет живого места, которое не болит*», «*букет болезней*» и др. В качестве причин болезней называется *наследственность, невнимательное отношение к своему здоровью и тяжелые условия труда* (физическая и умственная нагрузка, сквозняки на рабочем месте и пр.). Как видим, богатейший лексико-фразеологический фонд народной медицины уступает место адаптированной обыденным сознанием «околомедицинской» лексики. Вместе с тем речевые реакции опрашиваемых сельских жителей восточных районов Вологодской области свидетельствуют о том, что ментальная оппозиция «здоровье — болезнь» также занимает значительное место в их сознании, сохраняет связь с традиционными представлениями, имеет устойчивые речевые реализации.

Сокращения

- Дил. — *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. 1903 // Словарная картотека ИРЯ РАН. Шифр № 35. 342 л.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / под ред. Т. Г. Паникаровой. Вып. 7–12 / под ред. Л. Ю. Зориной. Вологда: ВГПУ / ВГПУ, 1983–2007.
- СЧГ — *Герасимов М. К.* Словарь Череповецкого уездного говора. СПб., 1910.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: Т. 1–4. М., 1984–1987.

E. Ilyina. The Concepts of Health and Disease in the Speech of Inhabitants of the Vologda Region

The article deals with the studying of Vologda inhabitants' language picture of the world, in particular, some peculiarities of verbalization of their perceptions of health and disease. The material for the research includes ethnographic and lexicographical works of the beginning of the XXth century (M. K. Gerasimov, P. A. Dilaktorsky, etc.), published volumes and a card index of the *Vologda dialects Dictionary*, containing speech recordings from the 60-ies of the XXth century, answers to questions on the *Folk Medicine* programme of *Lexical atlas of Russian folk dialects*, which were made in the late XXth — early XXIst century, as well as data from interviews of patients in rural health facilities during recent years. As a result, conclusions about the dynamics of perceptions about a healthy and a sick man were made; sustainable indicators of health as one of the basic values in the northern Russian peasant's picture of the world were identified; differences in verbalization of ideas about a disease: about the list of diseases, their causes, means and methods of treatment were revealed.

Keywords: dialectology, Vologda dialects, language picture of the world.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НИНЫ ДМИТРИЕВНЫ ШИЛОВСКОЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковой личности жительницы города Никольска Вологодской области. Объектом анализа является прагматический уровень языковой личности. На прагматическом уровне языковой личности важна характеристика мотивов и целей, движущих развитием языковой личности, ее поведением, созданием ее текстов и собственно формированием иерархией смыслов и мировоззрения в целом. В процессе анализа было выяснено, что Нина Дмитриевна владеет индивидуальным запасом вербальных и невербальных средств для актуализации информационной, экспрессивной и прагматической функций коммуникации, умеет варьировать коммуникативные средства в процессе коммуникации в связи с изменением ситуативных условий общения, строит высказывания в соответствии с нормами избранного коммуникативного кода и правилами «речевого этикета». На прагматическом уровне Нина Дмитриевна реализует себя как мать и бабушка, проявляющая заботу о своих родных и близких людях, стремящаяся соблюдать сложившиеся в обществе нравственно-этические нормы, в том числе и узуальные нормы речевого поведения. В качестве подтверждения сделанных выводов приводятся тексты, записанные в ходе общения с женщиной.

Ключевые слова: языковая личность, прагматический уровень языковой личности, мотив, коммуникативная личность.

Прагматический уровень языковой личности характеризуется при помощи описания целей, мотивов, интересов, установок информанта. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире¹

¹См. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: монография. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

При этом имеет значение спектр эмоций и набор речевых средств, используемых для их выражения (эмотивный уровень), а также акустико-артикуляционная партитура речи (репрезентационный уровень), определяющая речевую индивидуальность говорящего.

Описывая психологическую сторону речи Нины Дмитриевны, следует обратить внимание на некоторые особенности информанта. Женщина обращается с речью в том случае, если чувствует интерес собеседника к своим высказываниям. Бывают случаи, когда информантка осознанно контролирует поведение внуков («*А ты куда собралась? А Никита где? А куда он пошел? А с кем это он идёт? А что у него в руках?*»), детей («*Людя дом продаёт, зачём и покупала*», «*А Надя в гости пошла. А к кому? А Колья с ней?*»), соседей («*Смотри, куда пошла*», «*Опять он идёт с ведром. Зачём онó?*», «*А онí часто в церкву-то ходят?*», «*Саня и вечерам сахар не мериет*). Это выражается с помощью вопросительных предложений и использования глаголов повелительного наклонения (*смотри, иди, возьми, открой*). Нина Дмитриевна считает, что всем необходимо строить планы на будущее («*А, вот летом, когда отпуск будет? А, может, в мае вам лучше сделать?*»), она старается обратиться ко всем родственникам и знакомым с вопросами о будущем, ее интересуют все последующие события (кто, когда и на ком женится, сколько будет гостей на свадьбе и пр.).

В беседе Нина Дмитриевна чаще всего использует повествовательную интонацию, отчетливо выделяя самое значимое, на ее взгляд, слово в реплике («*Нельзя в этот-то день? А кто сказа́л?*»). В конце предложения информантка использует завершающуюся тональность. Женщина очень часто любит задавать вопросы, проверяя и контролируя поведение собеседника (*А ты уходишь? А надóлго?*).

При характеристике темпа речи следует отметить неторопливость высказываний информантки, использование вводных конструкций («*Видно, ведро завтра будет*»). Снижение темпа речи происходит путем увеличения длительности гласных звуков и замедленным темпом выделения синтагм. В речи Нины Дмит-

риевны присутствуют длительные паузы: женщина неторопливо обдумывает услышанное и сказанное («Я гоорю: «Вон, я буди сколь-нибудь дам денег и фсё, я гоорю» (Молчание). «Пусть онé сáми ору́дуют» (Молчание). «На́до бы окóшка вы́красить, вот никак, в́идишь, нихтó. Не вы́красили у меня́ сево́годы лётom окóшка»). В этом примере можно проследить тщательный подбор слов, обдумывание реплик и при этом ясное высказывание своих мыслей.

Под влиянием эмоций (радость, грусть, отчаяние, страх, печаль, восхищение) отчетливо прослеживаются синтаксические изменения.

1. Нарушение грамматической структуры предложения («Им б́удет фсё это житьё тут, огорóд хорóшой, фсё хорóшоё...»).

2. Сдвиг грамматически времен (женщина описывает действия, происходящие за неделю до беседы: «Не знáю... Я... Мы чё-то заговорили. Я гоорю: «Н́ина сёдня см́ряла у меня́ днём четы́рнадцать и три. М́иша гоорит: «У неё двáдцать пять», гоорит. Вот она́ сидит и фсё вытира́ет и вчера́ была́ эдак, сидит и фсё вытира́ет». Глаголы, описывающие действия, происходящие в прошлом употреблены в настоящем времени: сказал — говорит, сидела — сидит, вытирала — вытирает и др.).

3. Употребление однородных членов предложения, преимущественно дополнений и сказуемых («И бума́ги настриги́ мёлче-мёлче — он́и склю́ют, и скорлуши́ я́ишные клю́ют, и песку́ им на́до дава́ть, и корма́ какие́ вот кури́ные есь, на́до покупа́ть. Фсё-фсё и́дят! Ку́рица, веть, что!»).

4. Частое употребление лексических повторов («Хле́ба намни́ — съидя́т, и карто́шки намни́ — съидя́т, и крупы́ брось люблю́ю... Ка́ша вот оста́нется — они́ фсю́ съидя́т, хоть каку́ю ка́шу»).

Э. А. Нушикян указывает, что «эмоциональные коннотации обнаруживаются и распознаются в тексте благодаря эмоционально-оценочным прилагательным, существительным, глаголам, со-

державшим оценку в своей семантике»². Нина Дмитриевна активно использует оценочные прилагательные («Бóйкий, хорóший пáрень», «баскáя кáша») и существительные («Бáушка фсё ошó бранила меня: «Кобýла и не нóсит и робя́т, кобы́ла и не нóсит». Потóм как началá с одново́-то ей. Как нá: кобы́ла-то!»).

Эмоциональное и неосознанное воздействует также на невербальные компоненты коммуникации, включенные в речь (мимику, жесты, фонации типа междометий и т. п.). Нина Дмитриевна активно использует невербальный компонент в своих рассказах. Говоря о внуках и правнуках, она улыбается, ее тон становится более доброжелательным («Давáй, на колéни возьмú. Идú на колéни», «Ай, Фéдя-то как умéет!»); рассказывая о свекре и свекрови, информантка волнуется, переживает, тон становится более нервным, напряженным («Пéрвую-то Гáльку-то лечила бáбушка, люби́ла, Вáська-то рёвун был, так онú ево́ не люби́ли. Одíн раз я пришлá как-то на мину́ту пришлá, думала, где чё-то забýила, воротю́ся, а она́ высоввае... Нет, пёрвый рас ещё не высóввае, он ешó мáленькой был дак. В зы́бке штё́ думáю, забежáла скорёя в кóмнату, а онé подушку на нево́ полóжили. Эй, на робёнка! Сáми óба сидя́т, кúря́т»). В разговоре о молодости и работе в колхозе Нина Дмитриевна очень жестикулирует, ей нравится рассказывать о прошлом.

Нина Дмитриевна очень любит находиться в центре внимания. Характеризуя способы привлечения внимания собеседника, хотелось бы отметить следующие.

1. Употребление неизменяемых частиц, призывающих к действию: «Давáй, на колéни возьмú».

2. Употребление глаголов второго спряжения: «Торóпится, вíдишь?»

3. Употребление неизменяемых частиц, выражающих просьбу подтвердить, вызвать одобрение собеседника: «Вíдишь, какóе красíвое, да?»

²Нушикян Э. А. О сопоставительном исследовании акустических характеристик эмоциональной речи // Актуальные вопросы интонации. М., 1984. С. 29–43.

4. Употребление глаголов повелительного наклонения: «А мы идём обе-то, да с чемоданам-то, да ночью-то, да тёмно-то, слушай».

5. Употребление междометия, выражающего ненастойчивый призыв или побуждение к действию: «Фсё, видно, вичерпали, ну-ко».

6. Приведение ярких примеров. Говоря о жене внука, родившейся в деревне Байдарово, Нина Дмитриевна весело пропела ча-стухи непристойного содержания:

*«Я самá-то из Байдáрова
И дорóга у меня,
Подберíte-ко товáрочки,
Штóбы я не померлá».*

*«Летít, гоорит, кулик и гоорít: «Зóя, дай стóя».
«Нет, кулίκ, у тебя велик, а у меня дорóшка малéнькая».*

Говоря о детях, Нина Дмитриевна акцентирует внимание на проблемах, которые происходят «здесь и сейчас», не повествуя об их детстве.

«А у неё и фсе робóтают и Тáня вýскочила, скорéй робёнка нáдо. Самá-то медик, дак могла бы и подзадержáца гóдик-два, покáмест. Прáвда, ведь? Робёнок-то успеéца. А тут пошло фсё на робёнка»; «Дак у неё свекрóфка ешо ф гостяx. Досúк ёй? Вот при-ежáли нарядные, так фчера тóко уéхала. Да они тóжо с ссúдой-то связáлися дак, да с дóмом-то да. Вáлька, вишь, торóпит, а ссúду ешó не даúт. Дак онí ошо...», «Ира у нас вон с Серёжой вýложилися фсе с éтой с Кáтёй, с éтой Тánёй, с éтой Анёй. Фсе вýложились: ни копьá, навёрно, ни стáло. То однá придúмвает однó, то фторáя придúмвает другóе. Эт-та пришлá пьяная, с Кóлей вýпили, дак ревёт: «Мама, поштё тák-то, поштё так-то?»»

Самые страшные истории, связанные с первыми детьми (Галиной и Василием), информантка рассказывает, переживая повторно все негативные эмоции:

«Одін раз я пришла как-то на минуту пришла, думала, где чё-то забыла, воротюся, а она высовваает... Нет, первый рас ещё не высовваает, он ещё маленькой был дак. В зыбке штё думаю, забежала скорёя в комнату, а онé подушку на невó положили. Эй, на робёнка! Сами оба сидят, курят. Я поглядёла, он уш... Фсё уш, сейчас бы удущился. Ой, я заревела, схватила ево, откачала, слушай. Я гоорю: «Я отхожу на роботу, если чивó сделаеця с робёнком... Я там Вáсе сичас скажу, он придёт, проверит. Вот так первый раз спасла. Потом забоелися боле. Фторой рас уш он заходил. И чевó-то видно старуха-то осердилася на невó... Вот тóже я эдак: дошла до Сányки опёт чё-то забыла. А она оболочечку ему высовваает. Я гоорю: «А где Вáська-та?» Фсё самá убежала, опёт со стариком сидят, курят. Ходь бы штё, слушай!»

Годы, совместно прожитые с мужем, строительство нового дома, хлопоты, счастливые переезды упоминаются лишь несколькими словами:

«Да дом-то весь ремонтировали да... Ой, у нас тут было работы-то куча с ним... А потом проробили, у меня Гáлька родилася, в Козлóфке-то... Тóко мы... Я в Козлóфке и родила в февралé. Приехали с робёнком, бабушка любила Гáльку. Нормально водились, она ничегó, спокойная была. Потом я забеременила да, Вáську родила. Вáська-то беспокойной был, рёвун такой... Им опёт не пондрáвилося... А у меня робёнок за робёнком покатили ошó (смеётся). Опёт в декрете, опёт рожáю. Пять штук нарожáла, в маслозаводе-то долго я работала, годóф шессь, наёрно».

На прагматическом уровне языковой личности важна характеристика мотивов и целей, движущих развитием языковой личности, ее поведением, созданием текстов и собственно формированием иерархией смыслов и мировоззрения в целом.

«Мотив — динамический процесс физиологического и психологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость. В российской науке часто определяется как

«опредмеченная потребность»³. Основными мотивами Нины Дмитриевны являются: индивидуальная мотивация (поддержания гомеостаза: голод, жажда, избегание боли, поддержка оптимального уровня сахара в крови и артериального давления), групповая (забота о родных и близких). Мотив самоутверждения — стремление утвердить себя в социуме, ярко представлен в поведении Нины Дмитриевны: ей нравится чувствовать себя самостоятельным человеком («*Самá фсё пошла, самá кормила, самá и гоняла*»), заботливой мамой («*Ой, беритё, беритё! Ничево не жалко!*»), хозяйкой дома («*Нет, я самá фсё... Тут же ни хвátит...*»), доброй бабушкой («*Чорнишник... Вот тожо увидишь. Фсё покажу сразу. Тóлько там тéсто надо на дрожжах...*»), хозяйственной женой («*Хто? Вáся хлопотáть некогда и не мог, фсё самá я, фсё самá. Самá пошла*»). Воспитание шестерых детей сформировало в информантке мотив власти: стремление контролировать сложившуюся ситуацию, влиять и изменять ход («*А ты куда? А надблго? А зачём? А не ходи!*»). Таким образом, в процессе становления личности у Нины Дмитриевны отчетливо сформировалась внешняя мотивация (мотив власти, самоутверждения, индивидуальные мотивы).

При характеристике речевого поведения информанта обращает на себя внимание классификация личности и ролевого поведения в ситуациях общения. Речь идет о так называемых типах ДИТЯ, РОДИТЕЛЬ, ВЗРОСЛЫЙ⁴. Нина Дмитриевна в разных коммуникативных ситуациях демонстрирует разный тип поведения. В общении с внуками и внучками информантка ведет себя как заботливая бабушка, РОДИТЕЛЬ: «*Давáй на колéни возьму. Иди на колéни*», «*Нет, я самá фсё...*», «*Там фсё дéлали дéлали, потóм этот дом стáли дéлать. Это стóлько робóты! И фсю жись так в робóте*». В разговоре со сверстниками женщина проявляет себя как ВЗРОСЛЫЙ (контролирует свои эмоции, опирается на

³ Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность: монография. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

⁴ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: монография. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

логический анализ): «А где будите косить? Там ещё не скошено?», «Дождь-от льёт, так сено-то намокнет». Во время тяжелого состояния, болезни, высокого давления Нина Дмитриевна проявляет некоторые черты, которые характеризуют ДИТЯ: «Не хочу пить молоко! Дайте мне этот пирожок!».

При характеристике языковой личности интересным представляется приведение аргументов в диалоге. Приведем пример:

— Ну дык веть. Я вот не гляжу, дак хорошó. А она токо сидит, вытира́еца, у её пот гра́дом. Нина, пот гра́дом, это са́хар большóй, да? Она гоорит: «Два́цать пять са́хар».

— Бабушка, это пло́хо.

— Конечно, пло́хо.

— А чевó, ей укол не поставит что ли?

— Ак она́ гоорит: «Мне-ка то́ко сказа́ли два раза́ в день: у́тром да ве́чером уко́лы ста́вить».

— Так мо́жет на́до побóльше ей ста́вить?

— Так ита́к, гоорит, че́-то четы́рнацать едини́ц ста́вит.

— За оди́н раз?

— Так ви́дно, за оди́н. А ты сколь едини́ц ста́вишь?

— Как по́ела, так и ста́влю. То по два, то два, то три.

— Ак тебе как э́дак ве́лено, али́ ты сама́ это? Сама́? Ну-ко...

— Нет, мне сказа́ли...

(Перебивает)

— Там ведь тебе́ да́ли, она гоорит. Мне-ка ведь да́ли, сна́чала говорит, де́сять вы́писали, ну-ко едини́ц, потóм гоорит, две прибáвили, потóм аще гоорит две прибáвили. «Тепе́рь, — гоорит — четы́рнацать ста́влю». Я не зна́ю, каки́е едени́цы-то там бывáют.

— Мне как врач научила, так я так и ста́влю. Там, ведь, ба́бушка из расчёта: 1 хле́бная едини́ца — 1 кусо́чек хле́ба.

— Ак, ведь, ты али́ считаёшь хле́бные едени́цы? Считаёшь?

— Да.

— Ну вот ты чавó по́ела, хле́бных едени́ц ско́ко ту́тока? Яйца, да помидóры да, да блины́, да и сгушо́нка!

— Сгущё́нка — это бо́льше, то есть...

— И скóко ты насчитала?

— Блин — это одна хлѣбная еденіца, то есть, счи́тай, три хлѣбных еденіцы. Поста́вила укол.

— Три еденіцы ста́виши? Интереснó... А у них вот эдак, Сányка гоорíт. А Мányя Шушкóва гоорíт тóже болѣла, но она́ ужé умерлá. Трídцать нараз ста́ила.

— Чтó-то, ба́бушка, не тó здѣсь.

— Как она́ Сányка прáвильно гоорíт. Её привезлi, она́ уже фсѣ, это... Потóм, гоорíт, отколóли в больнiце. Потóм она́, вiдно, вiписали из больнiцы-то её, вiдно, опѣть што-нибóдь наѣлась, ли што ли, ак. По трídцать гоорíт, она еденiц становiла.

— Так в кóму мóжно, ёсли так мнóго ста́вить срáзу...

Бабушка смеётся.

— Не знáю... Я... Мы чѣ-то заговорили. Я гоорю: «Нiна сѣдня смiряла у меня́ днѣм четы́рнадцать и три. Мiша гоорíт: «У неѣ двáдцать пять», гоорíт. Вот она́ сидiт и фсѣ вытира́ет и вчера́ былá эдак, сидiт и фсѣ вытира́ет.

— Ей нáдо двiгаца.

— У её фсѣ слúшай пóтом, фсѣ пóтом...

— Побежáла бы по стадиóну — пять кругóф! Срáзу бы дѣсять...

(Бабушка перебивает)

— Ак у её нóги боля́т. Ходiла, гоорíт, сѣдня в Энѣрго-то, далѣ-ко ведь. Так пешкóм ходiли, гоорíт. Посылáла егó (мужа), гоорíт, не идѣт одiн дак. Коѣ-как, гоорíт, сходiла, у её ногá болiт тóже э́так. Вот и сидiт тúтока на дивáне. Я пришлá, посидiли малѣ-нешко с неi.

В данном диалоге представлено описание протекания сахарного диабета у племянницы нашей информантки Александры.

Прокомментируем степени аргументации обеих сторон:

I (0) — исходный тезис Нины Дмитриевны. Констатация факта: у Александры высокий уровень сахара в крови.

II (A) — Ответ собеседника, констатация факта: «Это плохо».

III (B) — Информантка соглашается с собеседником.

IV (A) — Вопрос собеседника: «В чем проблема?»

V (Б) — Оправдание подруги: «Следует рекомендации врача».

VI (А) — Вопрос: «Может, следует изменить ход лечения?»

VII (Б) — Ответ информантки: защита подруги. Переключение внимания на ход заболевания собеседника. Беседа о подсчете хлебных единиц.

VIII (Б) — Оправдание подруги. Физические упражнения противопоказаны, к врачу обращались, а показатели не меняются.

Таким образом, при характеристике этой полемики следует обратить внимание на упрощенность конструкции: приведение логических доводов Нины Дмитриевны не меняют ход конструкции, каждый остался при своем мнении.

Характеризуя индивидуальные проявления языковой личности Нины Дмитриевны, хотелось бы отметить на следующие черты:

1. Увеличение числа пауз.

2. Сокращение длины и упрощение структуры предложения: *«Она́ там кому́-то позвони́ла, ли чево́ ли. Повёла́ нас. «Подёмте». Дала́ ночле́к. А мы по́сле дорб́шки-то уста́ли. Я гоору́: «Пойдём вы́моемся». А вре́мя-то бы́ло по́зно. Га́ля-то, ви́дно, успе́ла, помы́лася ешо́ и те́плая вода́ шла. А мне одна́ холо́дная пошла́ (смеётся). Фсё, ви́дно, вы́черпали, ну́-ко».*

3. Частое употребление диалектных слов.

Нина Дмитриевна — прекрасная мать, хорошая хозяйка, добрая и заботливая бабушка и прабабушка. Ее очень любят родные и близкие. У информантки есть подруги, часто навещающие ее, рассказывающие о своей жизни и слушающие ее. Движущей силой, способной дать надежду на светлое будущее, является православие и вера в бога. Очень часто в своих высказываниях Нина Дмитриевна, сама того не замечая, упоминает бога: *«Ну, вот ви́дишь, и фсё, Баслови́ Христос», «Господи, гоору, как мы с тобо́й насми́лились, пото́м-то уи, когда́ по́жили мале́нько. Га́лька, как мы и насми́лились е́хать с тобо́й!», «Ма́ма фсё́ ду́мала, итё́ я послéдняя, дак меня́ бог приберёт. А я не умёрла́! Гли́-ко, ещэ́ сво́их пото́мков, робя́т нарожа́ла и вну́ков у меня́ полно́! Вот*

как. А вот уш правнуки идут! Слава бóгу! Госпóдь не обижаёт», «И тебя, ведь, тóже с празником! Севóдня празник-от óбиший! Севóдня не для однéх матерей, для фсех. Это Рождество Пресвятой Богорóдицы дак. Пресвятая Богорóдица, навёрно, родилась в этот день дак. Это всеóбщий празник так-то. Божéственный. Великий», «Ой, Гóсподи, помíлуй!».

В комнате Нины Дмитриевны есть красный угол, в котором представлены иконы. Информантка молится утром и перед сном, перед каждым и после каждого приема пищи, благословляет внуков на долгую дорогу, снимает «переполóхи» с испугавшихся внуков, рассказывает им о боге. Нина Дмитриевна, несмотря на заболевание поджелудочной железы, строго соблюдает пост, соблюдает все традиции православных праздников. Дети и внуки Нины Дмитриевны тоже солидарны с ней в вопросе веры.

При характеристике движущих сил языковой личности Шиловской Нины Дмитриевны следует обратить внимание на «Сон о умерших детях»:

«...На фсю жízнь запóмню... О́чень он интeрeснýй... Мáма три дня перемирáла... И увíдела сон тaкóй. Бýтто, как она́ на том свéте, хóдит и вíдела своево́ мужа, бýтто он сидít, читáет кнiгу... И потом гoворít, бýтто идёт, а поля́на баскáя, а на ней ребятiишки бeгают... Мнóго ребятiишек, нý-ко они́ умирают, дак тóже там... Вот я, гoворít, подхожý и гoворю: «Нет ли моiх-то ребят у меня?» А у неё, ведь, умерло тóже два ребeнка, мáленьких... А её завéдуцáя гoворít, в бeлом халáте: «А вон, там тóже поля́на, там тóже бегают».

«На этой моiх нeтока, пошла́ дáльше. Идý, гoворít, на фторýю поля́ну. Ой, гoворít, вот, кто, гoворít, одeт, ф носóчки одни́, ли́бо ф тря́почки другiе... Ну-ко рáньше ф тря́почки заку́твали. Они́ фсе, гoворít, и разлохмáтились штúчки-то. А кто, гoворít, в ботiночках, тот в ботiночках и бeгает. Я, гoворít, взяла́ своiх ребятiишек: одново́ на одну́ руку, другóва на другóю. И пошла́. Как тóлько, гoворít, пeрвые дeри прошлá, фторы́е дeри, гoворít, стáла проходítь. Они́, гoворít, у меня́ голупкáм зде́лались. И улeтели. бба. Остáлася одна́, прoснóлась.

Замечательный сон. Голубям нужно фсё бросать. Это дети наши маленькие. Выкидыши делают, аборт делают. Голупки — это эти-вот, фсё. Хороший сон».

В этом тексте отражено мировоззрение Нины Дмитриевны. Она часто любит повторять: «Голуби — это наши дети». Это влияет на поведение информантки: в Череповце Нина Дмитриевна каждое утро ходила кормить голубей, в Никольске информантка подкармливает голодных животных, помогает бедным, защищает обездоленных. Такое поведение подтверждает православное воспитание, веру в бога и высшие силы справедливости на земле. Рассказывая сны, Нина Дмитриевна обозначала, что среди них есть правдивые, вещие, которые полностью исполнились:

Сон о лесорубе

«Вот фсё гадали, да гадали: то кольцо пехнем, то это пехнем. Вдруг суженый к нам придёт. И вот. Я хожу, будто, в лесу. И с ёлки какой-то звук. Я остановилась, смотрю на ёлку. Вот, тоже не забыть её век. И вдруг с ёлки спускается молодой юноша. Во фсём чёрном, в костюме. В пиджачке, красивый такой, хорошенкий. «Ну, — говорит, — я твоя судьба». А я испугалась и говорю: «Так как это? С ёлки-то?» А он мне: «У меня в лесу дом». Ну, што? Вышла за рабочего, за лесоруба. Видишь, сон-то какой. Тоже хороший сон, не забываю никогда».

Муж Нины Дмитриевны Василий Васильевич всю свою жизнь работал в лесу.

Таким образом, в жизни Нины Дмитриевны происходили события, отразившиеся в её снах. Особенностью информантки является вера в приметы:

- *Тепере уже не купяюца.*
- *А мы сегодня пойдём.*
- *А?*
- *Сегодня пойдём с Никитой.*
- *Севодни?*
- *Да.*
- *Так август! Теперь конский волос плывёт!*

- Какой конский волос?
- Ну, говорица, что какой конский волос какой-то. Фсё рáньше нас тóже стращáли.
- Так это чевó такое-то?
- Не знáю я чевó и самá!
- Откúда, бáбушка, конский волос?
- Я и самá не знáю. То говоря́т, итё нельзя́ купáца. Пóсле фторóго áвгуста, пóсле Ильинá дня нельзя́ купáца. Напи́сано ф численнике.
- Почему́?
- Не знáю вот, почему́. Потому́ итё вода тепёре холоднёе ста́ла. Но́чи холодные и вода́ дóлго нагрева́еца.

Нина Дмитриевна искренне верит, что «в озёрах (прудах и реках) обитáет конский волос. То есть, существó, среднее мёжду червякóм и пия́вкой. Он, ёсли кусáл человекá, то срáзу попал в вéну и добирáлся до сёрдца. Никакáя медицинская пóмощь, крóме сáмой экстренной не могла́ спасти́ человекá от немину́емой смёрти».

Нина Дмитриевна как коммуникативная личность использует в речи свой спокойный, уравновешенный коммуникативный стиль.

Нина Дмитриевна владеет индивидуальным запасом вербальных и невербальных средств для актуализации информационной, экспрессивной и прагматической функций коммуникации (лексика, мимика, жесты); умеет варьировать коммуникативные средства в процессе коммуникации в связи с изменением ситуативных условий общения (с родственниками из деревни чаще использует в речи диалектизмы; с внуками, приезжающими из Череповца, Санкт-Петербурга, старается избегать употребление диалектной лексики); строит высказывания в соответствии с нормами избранного коммуникативного кода и правилами «речевого этикета» (повествовательные и вопросительные конструкции, рассказы о событиях в прошлом, оценивающие и осуждающие рассказы).

Таким образом, на прагматическом уровне Нина Дмитриевна реализует себя в речи как мать и бабушка, проявляющая заботу о своих родных и близких людях, стремящаяся соблюдать сложившиеся в обществе нравственно-этические нормы, в том числе и узуальные нормы речевого поведения.

*N. Zubova. Characterization of the Pragmatic Level of Language Personality
Nina Dmitrievna Shilovsky*

The article is devoted to research of the language identity of the resident of Nikolsk of the Vologda region. Object of the analysis is the pragmatical level of the language personality. At the pragmatical level of the language personality the characteristic of the motives and the purposes moving development of the language personality, her behavior, creation of her texts and actually formation by hierarchy of meanings and outlooks in general is important. The main motives of Nina Dmitriyevna are: individual motivation (maintenance of a homeostasis: hunger, thirst, avoiding of pain, support of an optimum level of sugar in blood and arterial pressure) and group (care of the family). A driving force of Nina Dmitriyevna capable to give hope for bright future is Orthodoxy and belief in god. The texts which are written down during communication with the woman are provided as confirmation of the drawn conclusions. Nina Dmitriyevna owns an individual stock of verbal and nonverbal means for updating of information, expressional and pragmatical functions of communication; is able to vary communicative means in the course of communication in connection with change of situational conditions of communication; builds statements according to norms of the chosen communicative code and rules of «speech etiquette». At the pragmatical level Nina Dmitriyevna realizes herself as the mother and the grandmother showing care of the family, seeking to respect the moral ethical standards which developed in society including usual norms of speech behavior.

Keywords: linguistic personality, pragmatic level of linguistic identity, motive, communicative personality.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ДОПОЛНЕНИЕ К ИЗВЕСТНЫМ СЛОВАРЯМ ПЕЧОРСКИХ ГОВОРОВ

Аннотация. В статье анализируются записи русской диалектной речи, сделанные двумя носителями самобытного печорского говора с целью сохранения памяти об усть-цилемской культурной традиции: рассматриваются идиоматические выражения с точки зрения отражения их в имеющихся диалектных словарях.

Ключевые слова: севернорусские говоры, лексикография, фразеология, фразеология.

Факты обнаружения фольклорных и диалектных самозаписей нельзя назвать частыми. Тем ценнее оказываются находки подобного рода. К ним можно отнести и обретения, сделанные студентами и преподавателями Сыктывкарского государственного университета в 2004 г. во время диалектологической практики в с. Хабариха (далее — Хаб.) и в 2011 г. во время фольклорно-археографической и этнолингвистической экспедиции в с. Трусово (далее — Трус.)¹. В первом случае речь идет о перечне устойчивых сочетаний, сделанном, к сожалению, неизвестным автором на четырех листах из обычной школьной тетради в линейку, где на всех восьми страницах записано в общей сложности 185 образных выражений. Во втором случае имеются в виду записи в трех тонких ученических тетрадях, сделанные Марфой Ананьевной Дуркиной (1934 г. рожд.): в тетрадь с подзаголовком «Что вспоминаю, то и пишу» внесен 881 текст, в подавляющем боль-

¹Оба села располагаются на территории Усть-Цилемского района Республики Коми, находящегося на северо-востоке европейской части России, в бассейне реки Печоры и ее притоков Нерицы, Пижмы и Цильмы. Формирование усть-цилемской культурной традиции связывается с переселением на печорские земли последователей староверия в начале XVIII в.

шинстве это устойчивые выражения (пословицы, поговорки, ре-же — собственно фразеологизмы), есть также колыбельные, потешки, загадки, рассказы о праздниках и обычаях, поучения и т. п. В последовательности текстов ни в том, ни в другом случае какой-либо видимой закономерности не обнаруживается — они просто бережно, с нумерацией каждой строчки зафиксированы носителями усть-цилемской традиции, чтобы сохранить память о ней.

Анализировать эти записи можно по-разному. В настоящей статье этот оригинальный материал рассматривается с лингвистической точки зрения, а именно с точки зрения русской идиоматики.

В списках представлены разнообразные идиоматические выражения.

Во-первых, упомянем обороты, которые известны любому говорящему на русском языке. В обоих рассматриваемых источниках находим такие знакомые выражения, как **тише едешь — дальше будешь**; **на чужой роток не накинешь платок**; **ученье — свет, неученье — тьма**; **где тонко, там и рвётся**; **гол как сокол**; **кто рано встаёт, тому бог подаёт**; **око за око, зуб за зуб**; **кончил дело, гуляй смело**; **что посеешь, то и пожнёшь** и др.

Во-вторых, привлекают внимание такие известные же выражения, компонентный состав которых, с точки зрения современного русского литературного языка, выглядит трансформированным. Трансформация устойчивого сочетания может быть:

лексической: **Вежливость города берёт** [Хаб.], ср.: Смелость города берёт (СРПП: 307–308); **Кум да кума — одна сатана** [Хаб.], ср.: Муж да жена — одна сатана (СРПП: 177); **Отольются волку коровьи слёзы** [Трус.], ср.: Отольются (отзовутся) волку овечьи слезки (слезы) (СРПП: 242–243); **С миру по нитке — нагому рубашка** [Трус.], ср.: С миру по нитке — голому рубашка (рубаха) (СРПП: 283–284) и др.

грамматической: **С волком жить — по-волчьи выть** [Хаб.], ср.: С волками жить — по-волчьи выть (СРПП: 279–280); **Соловья басней не кормят** [Хаб.], ср.: Соловья баснями не кормят (СРПП: 312–313); **Яйцо курицу не учит** [Трус.], ср.: Яйца ку-

рицу не учат (СРПП: 371); **Семь раз отмёрый — один раз отрежь** [Трус.], ср.: Семь раз примерь (отмерь), один раз отрежь (СРПП: 296) и др.

словообразовательной: **Маленька собачка до старости щенёш** [Трус.], ср.: Маленькая (малая) собачка до старости щенок (СРПП: 168); **Насилу милому не быть** [Трус.], ср.: Силой милому не быть (СРПП: 195–196); **По одежке растягай ножки** [Трус.], ср.: По одежке протягивай ножки (СРПП: 252–253); **Не вспоминайте лихом** [Трус.], ср.: Не поминай лихом (ФСРЯ: 339) и др.

количественной: **Мели, Емеля, пока твоя неделя** [Хаб.], ср.: Мели, Емеля, твоя неделя (СРПП: 169); **В тесноте — не в обиде** [Трус.], ср.: В тесноте, да не в обиде (СРПП: 62); **Ни кола да ни двора, ни дому, ни лому** [Трус.], ср.: Ни кола ни двора (ФСРЯ: 201); **Волки сыты, овцы целы** [Трус.], ср.: И волки сыты, и овцы целы (СРПП: 129–130) и др.

Разные виды трансформации в одном и том же обороте могут совмещаться. Встречается, например, трансформация:

лексическая / грамматическая: **Без труда не вытнешь и рыбки из пруда** [Хаб.], ср.: Без труда не вынешь <i>рыбку из пруда (СРПП: 41); Ласковое дитя по две матки держит [Хаб.], ср.: Ласковое теля две матки сосёт (СРПП: 157–158); Сытый голодному не верит [Трус.], ср.: Сытый голодного не разумеет (СРПП: 322); Сколько верёвочка ни вьётся, конец найдётся [Трус.], ср.: Сколько веревку (веревочку) ни вить, а концу быть (СРПП: 301) и др.

лексическая / количественная: **Сколько волка ни корми, всё в лес бежит** [Трус.], ср.: Как (сколько) волка ни корми, <a> он все в лес глядит (смотрит) (СРПП: 138); **Чья бы рычала, а твоя-то бы молчала** [Трус.], ср.: Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала (СРПП: 365); **Несчастному жениться — ночь коротка** [Трус.], ср.: Бедному жениться и ночь коротка (СРПП: 37); **Сколько лет, столько и зим** [Трус.], ср.: Сколько лет, сколько зим (СРПП: 301–302) и др.

лексическая / словообразовательная: **Дождать да догонять — всего хуже** [Трус.], ср.: Ждать да догонять — нет хуже (СРПП: 116); **Видит глазок, да не берёт зубок** [Трус.], ср.: <Хоть> видит око (глаз), да зуб неймет (СРПП: 68–69); **Ем, да свой, ты подальше стой** [Трус.], ср.: Ем, да свой, а ты рядом постой (СРПП: 114) и др.

словообразовательная / грамматическая: **Есть ещё порох в пороховице** [Хаб.], ср.: Есть ещё порох в пороховницах (ФСРЯ: 345); **Новая метёлка чище метёт** [Трус.], ср.: Новая метла чисто метет (СРПП: 229–230); **Ворон у ворона глаз не выключнет** [Трус.], ср.: Ворон ворону глаз не выключет (СРПП: 73–74) и др.

Интересны неожиданные концовки или дополнения некоторых популярных русских пословиц, например: **Не плюй в колодец, придётся воды испить** [Хаб.], ср.: Не плюй в колодец, пригодится воды напиться (СРПП: 215–216); **На сердитых воду возят, на горячих хлеб пекут** [Трус.], ср.: На сердитых воду возят (СРПП: 190); **Взялся за гуж, тyani, будь дюж** [Хаб.], ср.: Взялся за гуж, не говори, что не дюж (СРПП: 67–68); **Пьяница проспится да на дело годится, а дурак — никогда** [Трус.], ср.: Пьяница проспится, <a> дурак никогда (СРПП: 272); **Не пойман — не вор, не застал — не б...дь** [Трус.], ср.: Не пойман — не вор (Жуков: 217) и др.

Приведенные диалектные примеры тем более ценны, что лишь два из них (**Маленька собачка до старости шенёш** и **Сытый голодному не верит**) зафиксированы в «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» и только один (первый из двух) — в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» (при условии, что данные лексикографические источники содержат многотысячный усть-цилемский идиоматический материал). Все остальные выражения либо вовсе отсутствуют в названных словарях, либо представлены там в ином виде. Ср. (по очередности упоминания в тексте статьи): **Отольются медведею коровьи слёзы** (ФСРГНП, 2: 152), **С волками живёшь — по-волчьи будешь воить** (ФСРГНП, 2: 253), **По одежке растяни и ножки** (ФСРГНП,

2: 177), Ласковое дитя две матки сосёт, а постылое ни одной не видит (ФСРГНП, 1: 377), Ждать да настигать (догонять) всех хуже (хуже некуда) (ФСРГНП, 1: 237), Не плюй в колодец — <ещё> пить придётся (ФСРГНП, 2: 91), Взаяся за гуж, <так> будь дюж (ФСРГНП, 1: 131) и др.

В-третьих, в рассматриваемых самозаписях диалектного материала присутствует немалое количество устойчивых выражений, которые ни в «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры», ни в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» не встречаются. Например: Широко шагнёшь — штаны порвёшь [Хаб.], Каждая мышка имеет свою вышку [Хаб.], Борода-то густая, голова-то пустая [Хаб.], Губки жмёт, поцелуйчика ждёт [Хаб.], Потасклива, да боязлива [Хаб.], Хвалился и набок завалился [Хаб.], С подружкой дружи — топор за поясом носи [Хаб.], Один зорок — не надо сорок [Хаб.], Дорогому коню дорога сбруя [Хаб.], Не от робкой кобылы жеребёнок [Хаб.], Голо, да форско [Хаб., Трус.], Близко, да ходить слизко [Трус.], Не сумел шить золотом, дак бей большим молотом [Трус.], Сам-то с дровни, а ума с копыл [Трус.], При народе — кумушка, без народа — любушка [Трус.], Тихоньки, да воньки [Трус.], От песен рот тесен [Трус.], От горшка два вершка, от дыры полторы [Трус.] и мн. др.

Можно решительно утверждать, что презентуемые источники, имеющие вид самозаписи, представляют серьезный интерес для диалектологических (а также фольклористических и этнографических) исследований. Содержащиеся в них тексты существенно дополняют идиоматический спектр самобытного говора жителей Усть-Цилемского района и заметно обогащают наши знания о традиционной словесности, бытующей на этой территории.

Сокращения

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры. В 2-х т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.

СРПП — Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000.

ФСРГНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. В 2-х т. / Составитель Н. А. Ставшина. СПб., 2008.

ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.

I. Kobleva. Unknown Dialect Data as a Complement to the Known Dictionaries of the Lower Pechora Dialects

This article deals with the records of northern Russian dialect, which were done by two villagers with the purpose to keep specific Ust-Cilma cultural tradition: idioms are investigating concerning its lexicographical representation in the modern dialect dictionaries.

Keywords: Northern Russian dialects, lexicography, phraseography, phraseology.

ДНЕВНИКИ СТУДЕНЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА И ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВ*

Аннотация. Диалектологические студенческие практики и экспедиции в Педагогическом институте Вологодского государственного университета проводятся в течение многих десятилетий. В статье описываются дневники таких экспедиций, рассматриваются особенности жанра дневников и разрабатывается типология текстов в них. Экспедиционные дневники являют собой ценный источник материала для региональной диалектологии, а также иллюстрируют примененные студентами приёмы популяризации знаний об исчезающих русских народных говорах.

Ключевые слова: экспедиционные дневники, особенности жанра, типология текстов.

Заметное внимание филологической общественности привлекла инициатива профессора СПбГУ О. А. Черепановой записать воспоминания участников студенческих диалектологических экспедиций. В традиционно издаваемом под редакцией профессора А. С. Герда сборнике научных трудов «Севернорусские говоры» появилась новая рубрика — «Воспоминания об экспедициях». В этой рубрике уже опубликованы материалы А. И. Лебедевой, И. С. Лутовиновой, О. А. Черепановой, Л. А. Ивашко, М. А. Тарасовой, Л. В. Зубовой, Ю. Ф. Денисенко, Ю. С. Веховой и К. А. Гавриловой¹.

Плодотворная идея петербургских диалектологов дала стимул к обобщению воспоминаний диалектологов в других регио-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

¹Воспоминания об экспедициях // Севернорусские говоры: межвузовский сборник / Отв. ред. А. С. Герд. Вып. 9. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 263–334.

нах². Каждый из нынешних специалистов «по бабушкам и дедушкам» — так иногда в шутку называют диалектологов — мог бы создать свою серию воспоминаний о поездках в дальние российские деревни, о многочасовых беседах с информантами, об открытиях и находках, сделанных в той или иной местности.

Почему столь востребованы воспоминания такого рода? Душается, они востребованы, во-первых, потому, что диалектологами старшего поколения обследовались говоры старой, еще не реформированной в условиях XX века деревни, а современным наблюдателям приходится довольствоваться наблюдениями над уже измененными языковыми идиомами. Во-вторых, потому, что студенты прежних лет, вслед за своими многоуважаемыми преподавателями, придерживались классических приемов сбора материала по русской диалектологии и могут теперь говорить о высокой степени их эффективности. В-третьих, помимо чувства глубокого удовлетворения, воспоминания дают диалектологам старшего поколения возможность обобщить опыт и выработать для идущих следом советы методического и методологического характера и т. д.

Студентами и преподавателями Вологодского государственного педагогического университета, участвовавшими в диалектологических экспедициях, воспоминания такого содержания еще не писались, однако с 80-х годов ими велись так называемые «экспедиционные дневники». Из них можно и сейчас, по прошествии многих лет, черпать живые картины, актуализируя реалистичные, не искаженные временем воспоминания. За истекшие 40 лет в ПИ ВоГУ накопилось большое количество диалектологических дневников. До сего дня они хранятся на кафедре русского языка, отличаются высокой степенью сохранности и радуют своей информативностью. Ряд из них уже переведен в цифровой формат,

²Экспедиционные заметки: воспоминания, впечатления, интересные события, дневники // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. 1 / Научн. ред. А. Д. Черенкова. Воронеж: ВГПУ, 2013. С. 90–108.

фрагменты некоторых дневников опубликованы³. Задача данной статьи — осмыслить особенности этих дневников с точки зрения их жанра, содержания и особенностей сделанных в них записей.

В обобщенном виде дневник — это 'ведущиеся изо дня в день записи каких-либо фактов, событий, наблюдений и т. п. во время путешествия, экспедиции или каких-либо занятий, деятельности'⁴. Существуют путевые, судовые, педагогические, литературные, девичьи и прочие дневники. Обстоятельно изучена специфика дневника как литературного жанра⁵. В русской культуре жанр дневника был очень популярен (И. С. Тургенев, И. С. Никитин, А. А. Апухтин, М. Ю. Лермонтов, М. М. Пришвин и др.). Он широко использовался в литературном процессе (Дневник Левицкого в «Прологе» Н. Г. Чернышевского, «Демикотоновая книга» в «Соборях» Н. С. Лескова, «Последние листья» В. В. Розанова и др.). Структура дневников со временем заметно менялась, но сущность их оставалась неизменной: дневник был и остается разговором его автора с самим собой, монологом, обращением не к слушателю или читателю, а к себе, в расчете на чтение в будущем.

Применительно к диалектологической науке как лингвистический источник недавнего времени весьма заметен дневник М. П. Сусловой, опубликованный и исследованный коллективом авторов под руководством И. И. Русиновой в Пермском государственном университете⁶.

В экспедициях, работавших под нашим руководством, наряду с ведением рабочих блокнотов студенты всегда оформляли и экспедиционные дневники. Чтение их восстанавливает в памяти участников поездки яркие эпизоды путевой жизни, оживляет ли-

³Зорина Л. Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 130–135.

⁴Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русск. яз. Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. II. С. 406.

⁵Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. М., 2003. 280 с.

⁶Дневник М. П. Сусловой: публикация и исследование текста / Отв. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2007. 264 с.

ца собеседников, активизирует в сознании встретившиеся местные слова и выражения.

Дневник диалектологической экспедиции обычно представляет собой стандартный альбом для рисования или фотографий, заполненный записями членов экспедиционного отряда. Чаще он и создается именно всем коллективом студентов, иллюстрируя тем самым коллективное творчество участников экспедиции. Названия дневнику в разные годы давались разные, обычно соответствующие названиям отрядов: *Глаголь*, *Летописец*, *Логос*, *Словесник*, *Сямжа-91* и др. По объему дневники получались различными, поскольку и экспедиции организовывались в разное время различной длительности — от 10 дней до 4 недель. В дневниках используются рисунки, шаржи, фотографии, аппликации и другие приемы оформления журнала.

В экспедиционных дневниках в основном день за днем описываются события и впечатления членов отряда. Делается это не только «для последующего чтения» студентами (дневник после возвращения отряда из экспедиции сдается на кафедре), но и для того, чтобы увиденное было запечатлено и стало доступным для чтения другим заинтересованным лицам.

При составлении дневника у членов экспедиционного отряда обычно возникает разделение обязанностей: один или несколько студентов придумывают сюжет и соответствующий ему текст, другой рисует, третий, обладая приличным почерком, пишет. Иногда студенты по очереди описывают день за днем, иногда — сами распределяются для написания заметок по тематическому принципу. В итоге получается весьма содержательный источник. В дневники нередко включаются материалы с особой, шутливой стилистикой: студенты стараются показать себя, проявить чувство юмора, собственную оригинальность.

Географически дневники экспедиций отображают работу студентов в Кичменгско-Городецком, Сямженском, Тарногском, Тотемском, Кирилловском, Харовском и некоторых других районах Вологодской области, а также в Санкт-Петербурге — там в 2014

и 2015 годах вологодские студенты проходили практику в ИЛИ РАН в картотеке Лексического атласа русских народных говоров.

Диалектологические путевые заметки, составляющие описываемые дневники, впоследствии находят разноплановое применение: из них вырастают тексты выступлений на областном вологодском радио (передача вологодского журналиста Н. А. Коробова «Родное слово»), публикации в литературно-художественном журнале «Вологодский ЛАД»⁷, главы текста в публикуемых монографиях⁸ и др.

Покажем далее некоторые типы созданных в условиях экспедиций текстов, обозначая их по тематическому принципу.

О составе отряда

Едем, едем, едем к ним, Едем к бабушкам своим! Август 1994 года. *В Режу, на Режу, за Режу...* Давно проверенный маршрут экспедиций ВГПИ. Человек 40 студентов во главе с доцентом Л. Ю. Зориной уже побывали в этих местах. Почти все уезжали отсюда со слезами на глазах: кто-то даже находил здесь свое счастье, кто-то — материал для научных статей... И теперь наш отряд стремится сюда, как в землю обетованную.

В составе отряда — руководитель Л. Ю. Зорина, аспирантка А. А. Баландина, аспирантка Е. Н. Шаброва, студент А. Ю. Зорин. Маловато? Но зато какие силы! Л. Ю. Зорина с сыном в этих местах «пасутся» с 1983 года, Е. Н. Шаброву уже давно заслуженно считают здесь «золотой девкой». А А. А. Баландина здесь впервые, но тоже наверняка полюбит Режу, т. е. местность по берегам реки Режи, и ее обитателей.

Цель экспедиции — опробовать программу ЛАРНГ «Одежда, обувь, украшения». Попутно фиксируем все, что представляет

⁷Зорина Л. Ю. О чём говорят на Хомоськёй стороне // Вологодский ЛАД. Литературно-художественный журнал. Вологда, 2015, 1. С. 232–239.

⁸Зорина Л. Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 130–135.

интерес для Словаря вологодских говоров и для будущей монографии Е. Н. Шабровой о его величестве Глаголе.

О режаках

В Режском сельсовете функционирует небольшое количество фамилий (*Вахрушевы, Востряковы, Игнашевы, Ратушины*). Различать режаков, то есть людей, живущих в деревнях по течению реки Режи, помогают прозвища: Пелагея *Дунашиха* — по прозвищу отца *Дунаёнок*; Галина *Платошина* — по имени бабушки *Платониды*; *Горшиха* — прозвище по прозванию отца — *Горшок*; *Есинец* — прозвище по имени отца — *Евстигней*; *Ратёха* — Апполинария из деревни *Ратино*; *Оля Хавуя* — вот здесь мы не смогли выявить идею и причину прозвания; *Сорочата* — семейное прозвище Вахрушевых; *Чехишина* — женщина из семьи *Чехиных*.

Кажется, по прозвищам не называют лишь Нину Антоновну Вахрушеву (она фельдшер, авторитет завоевала, потому что стала *колоть* людей), Валерия Ивановича Фатиева (уважаемый в деревне человек, народный умелец, к нему надо время от времени *конацце*, обращаться то есть) и Клавдию Яковлевну Игнашеву (она учительница, в этой местности учила не только недавних школьников, но и их отцов и даже дедов).

О лексике конкретной темы

Поговорив с бабушкой Настей, Клавдией Яковлевной Игнашевой и Серафимой Гавриловной Чижовой, мы пришли в недоумение: наверное, так лучше определить ощущение человека, который говорит, сам не понимая, о чем, а к тому же получает ответы на вопросы про это неизвестно что. *Грибки, планчики, морхоточки, кустики, лопотиночка, остебень, парочка* — все это звучит красиво, но означает непонятно что (примерно по тому же принципу дед Щукарь ласково называл свою старуху *астролябией* и *апробацией?*).

Р. S. А *гриб*, т. е. оборка на платье, оказывается, бывает еще и *кошённый*, на нашу бедную головушку!

О гостеприимных хозяевах

Бабушка Настя, неся свежие пироги, приговаривает: «*Что есть в пече, всё неси на плече!*» И снова: «*Жарок да мелок, дак испе-чѣшь пирожок*». У нашего словоохотливого информанта хорошее настроение, поговорки сыплются как из решета:

Картошка, картошка, какая тебе честь!

Кабы не было картошки, чего бы стали есть?

Это посередине стола появляется жареная картошка. «*Свой хлеб да соль, дак хоть у попа стой*», — радуется достатку хозяйка.

Пироги получились вкусные, румяные, пышные, не «укладники», и звучит следующая приговорка: «*Меньше медведя будете бояться: внизу подгорело*».

Из-за стола выйти не спешим. Мы доверяем народной мудрости: *Сколько за столом посидишь, столько и в раю проживѣшь*.

Бабушка Настя считает, что завтрак мог быть и лучше, уточняет: «*Из худых-то вывалилсѣ, а до хороших не дошѣл*». Наша собеседница вспоминает, как в старые времена люди любили после еды и отдохнуть немножко — *чтобы жирок завязался*. И снова звучит украшение речи: «*Отчего казак гладок? Поел да и набок*».

Жарок да парок!

Топим баню. Бабушка посоветовала нам пол голиком *пошоркать*, чтобы грязь лучше отстала. «*А тряпичу-то на предбанье возьмите*», — сказала она. Городские девочки рты пораскрывали: что, где брать? Но все же нашли *тряпичу*. Баня *скутана*, через некоторое время она *выстоялась*: угар вышел, жар настоялся, — и вот уже можно мыться. Взяли мы *хвостанцы*, залезли на самую верхнюю полку, *бзданули на каменку* и стали *хвостаться*.

Но это удовольствие длилось недолго. Жарко. Тяжело дышать. Наскоро *пошоркав* друг дружке спины, еле двигаясь, мы на *коровках* ползем к выходу. Появляется бабушка и участливым тоном произносит общепринятое пожелание: «*Жар в баньку!*» Как, еще жару? С горьким воплем вылетаем мы на *предбанье*. И только окунувшись в речке, оживаем.

О бытовом устройстве

— *А чего ж? Дом пустой, живите,* — сказала нам Ангелина Ивановна Черепанова, племянница покойной *тёты* Насти.

По тропинке, затерявшейся в давно не кошенной траве, мы подошли к старому крыльцу. Отворили дверь, за которой нас встретило ощущение бывшего уюта. Еще совсем недавно здесь топилась, весело потрескивая угольками, печка и пахло пирогами. На окнах висели занавесочки, а крашеный пол был устлан домоткаными дорожками. Деревянные лавки вдоль стен, старинная медная *рукомойница* в углу. Прялка и керосиновая лампа заброшены в чулан. О потерянном рае напоминали только фотографии, смотревшие на новых жильцов со всех стен. Здесь летопись целой семьи: удивительно красивые лица, добрые, умные глаза — это, наверное, наследственное, ведь это всё родственники той самой *тёты* Насти, о которой мы слышали столько хорошего. Ее любили буквально все.

Сегодня нам принесли кота Мурзика. Когда *тёта* Настя умерла, он плакал две недели, а снова попав в этот дом, сначала жалобно замыкал, а потом принялся тереться о знакомые предметы и громко урчать. Нас он очень полюбил: видимо, подумал, что люди, которые живут в этом доме, не могут быть плохими. А еще нам протопили печку, и в дом снова вернулось тепло. *Запахло жировым духом.*

Об общем контексте российской жизни

По вечерам демонстрируется очередная серия фильма «Дикая Роза». Прежде нас (вернее, наших информантов) отвлекали «Рабыня Изаура», «Богатые тоже плачут». А теперь вот — «Дикая роза». Сам этот цветок и прекрасное имя *Роза* чужды скудной деревенской действительности. Слышим поэтому замечательный диалог:

— *«Рожу»-то смотрю.*

— *Не смотрю я никакиё «Рожи».*

Или разговоры в магазине. Чего тут только не услышишь про *жизь нонешнюю!* Ну вот, например: *По «геркулёзу» да по порошку поймёшь, что хуже жить стали. С эдакими «аМаМаМами»-то ничего не сделаешь!*

О деревенском речевом этикете

Диалектологами давно уже подмечено, что в Реже живы традиции вежливого, уважительного отношения к собеседнику. Так называемый речевой этикет представлен многочисленными формулами, неизвестными литературному языку: *Море под корову!* — пожелание тому, кто доит корову; *Пух под ножницы!* — пожелание тому, кто стрижет овцу; *Путём-дорогой!* — пожелание отправляющемуся в путь.

Наши трудовые достижения 4-го дня были вознаграждены новым для нас выражением. Покупки, сделанные Аллой (плащ) и Алексеем (куртка), были по достоинству оценены нашими информантами, и в двух (в двух!) домах по поводу удачных покупок прозвучало одобрительное выражение *Счастливо носить да и за этой лучше нажать!*

О трудностях в достижении взаимопонимания

Пытаемся выяснить, каким прилагательным назовут голодного человека. Но разговор заходит в тупик:

— *Голодный — это плохо. В войну голодали. Траву ели. Плохо.*

— *В других деревнях, например, голодного человека называют голодующим.*

— *Чего? Деревня? Голодующий? Нет, не слыхала такой деревни, нет её у нас. Наверно, не в нашем районе.*

О языковой рефлексии диалектоносителя

Оценить сказанное — задача не из легких. Но иногда оценки рождаются сами по себе, органично, естественно:

— *Культурно — дак едят, а бескультурно — дак хлебают. Вы вот хлебать не станете, есть будете.*

О режских перлах

— Галинка! Пойдём ко мне, у меня яблоки есь!

— Где, баушка, яблоки?

— Вон там — у печурки в кузовеньке. Бери яблоки, лупи их, лупи!

Яблоками, яблоками садовскими в режских говорах (д. Монастырская) называют клубни картофеля.

Итак, мы попытались показать, насколько содержательны имеющиеся в нашем распоряжении диалектологические путевые заметки. Далее представим такие тексты в ином ракурсе — в рамках жизни одного студенческого отряда. Наш выбор пал на дневник отряда «Глаголь», воспроизводимый ниже, потому что именно он обозначает начало многолетнего обследования режского говора в Сямженском районе Вологодской области.

Дневник экспедиции 1983 года в Сямженский район Вологодской области

4 июля. Едем в Режу

Наш отряд «Глаголь» направлен в Сямженский район, в *Режу*. *Режа* — удивительный край с неприхотливой русской природой, незамысловатыми деревянными строениями, сохранившимися древними обычаями.

Автобус *Сямжа* — *Режа* был полностью забит скудными студенческими пожитками, так что местным жителям пришлось потесниться. Дорога была живописной. Наш маленький автобус весело подпрыгивал на каждом бугорке.

Молодые мамы крепко прижимали к груди ребятешек. Наташа Соловьева с нежностью оберегала от тягот дороги пушистого серого котенка, а Марина и Галя, дыша в унисон с автобусом, изгибаясь, как баядерки в ритуальном танце, везли самый ценный груз — 12 десятков яиц. Наши страдания не прошли даром: потери были минимальными — лишь одно яйцо!

В дороге мы познакомились с очень словоохотливой бабушкой. Обратили внимание, что она вещала на весь автобус: «*Врежу, врежу!*» Кому и что она собиралась *врезать*, поначалу мы не поняли. А бабушка просто просила билет *до Режи*, до Режского сельсовета, куда направлялся и наш отряд.

Приехав в Режу, мы сразу заметили размеренную, спокойную, плавную речь, иногда отмеченную простой деревенской ироничностью.

Наш отряд был прекрасно обеспечен, главное — был интерес, желание работать. Но не все оказалось так гладко, как мы думали. Отнеслись к нам сначала очень недоверчиво: авторитет нужно было заработать! А это было не так-то просто.

Расположились мы в двух деревнях — Гридино и Рассохино. В этом деревенском мире такие тяжелые вопросы, например, как, где жить? что есть? где спать? на чем ездить? — решаются легко и быстро. Все, что есть в доме, — ваше, а недостаток комфорта искупается настоящей доброй заботой со стороны тех, чьим гостеприимством вы пользуетесь.

Постепенно мы начали понимать, что у жителей появился к нам определенный интерес, позднее мы не раз замечали, сколько душевной благожелательности проявляли эти чужие люди, которым мы ничего не давали, а только мешали работать.

Особенно нас поразила меткость речи режаков, умение вовремя и с доброй улыбкой пошутить. Слышали мы и рассказы о том, как нелегко жилось «под барином», и «как землю делили», и как многие не вернулись с войны.

Жизнь деревни неразрывно связана с землей, и режаки гордятся своим краем. Действительно, каким красивым показалось нам льняное поле — голубое с зеленым, с синими огоньками васильков! Здесь еще не трудно разыскать образцы старинных одежд, головных уборов. Сколько радостных рассказов связано со всем этим!

Сохранились в этих местах и старинные сказки, песни, заговоры. Во время нашей экспедиции мы провели концерт, который, полагаем, надолго останется в памяти жителей окрестных дере-

вень; запомнятся им и лекции о диалектах, прочитанные Наташей Шишовой.

5 июля. Дикие люди

Первый наш поход — в деревню Копылово. Тщетно пытаемся разговорить разомлевших в солнечном зное старушек. Наташа Соловьёва кинулась в ближайший дом, где в окне мелькнуло живое человеческое лицо: «Выйдите к нам, поговорите!»

Вернулась из дома Наташа с виноватой улыбкой. Женщина категорически отказалась выйти к нам, мотивируя тем, что она... *дикая*. Мы переглянулись. Потом в недоумении мы даже удалились.

В этот же день хозяйка сказала мне: «*Ну и дикая же ты!*» Тут уж было чего испугаться! Неужели вдали от шума городского я так быстро стала *дикой*? Но дело решилось просто: *дикая* в этом говоре означает 'непонятливая, глупая'. Слово употребляется широко, имеет еще значение 'необразованный, темный'. Так, рассказывая нам об этом слове, информатор вспомнил, что еще его теща, не желая что-либо делать, всегда скороговоркой выпаливала: «*Не умею! Дикая, дикая, дикая я старушка!*» «*А вот если сейчас про жену сказать, — добавил собеседник, — обидится!*»

5 июля. Переселение

Наконец-то мы все живем у наших дорогих информаторов! Лена Леонова, Абдулхаева Леночка и Наташа Соловьёва попали в избушку ласковой бабушки Марьи, которая живет в Козлюхине, на самой окраине деревни Рассохино. Сразу же, для установления контакта, мы взялись перебирать картошку в ее «ямне».

Людмилу Юрьевну устроили у симпатичных старичков Николая Кирилловича и Александры Федоровны Игнашевых в деревне Гридино. Их не надо было вызывать на разговор, они сами, без лишних просьб, охотно рассказывали все, что угодно. Вторая тройка девочек поселилась в большом светлом доме в Гридине, где им выделили отдельную комнату.

На новом месте сразу же стали искать информаторов. Молва народная указала нам на Раизу Ардалионовну Соколову как на песенницу и очень общительную женщину. Второй была названа *Лазунькишна*. Этим прозвищем нарекли строгого вида старушку, которая не терпела непонятливых. Когда ее попросили повторить какое-то слово, а потом сделать это еще раз, она вскричала: «*Экая ты дикая! Вот возьму батог, дак сразу всё поймёшь!*» Информатор она, конечно, хороший, диалектизмов в ее речи много, но вся соль в том, что норму-то свою мы еще не выполнили и рисковать собственной жизнью не имели права.

6 июля. Переселение второе

Основная трудность в первые дни экспедиции — это «наведение мостов», установление контакта с собеседниками. Прощай человека уделить приезжим немного внимания, поговорить с тройкой студентов, но слышишь в ответ строгое: «*А чьи вы будете?*» Начинаем издалека: «*Я учительница, а это мои студенты. Зовут меня Людмила Юрьевна*». — «*Юрковна, говоришь? Копыловского Юрка что ли?*» Ну а уж если «*не своих*» и «*не присвоих*», чужой то есть, то и беседовать с тобой не будут.

Пришлось нам от Лазунькишны отказаться: уж больно внушительным был у нее *батог!* А прозвище *Юрковна* надолго закрепляется за руководителем...

7 июля. Заговорили!

Выглянув однажды вечером в окно, мы увидели Людмилу Юрьевну и Алёшку, устало бредущих вдоль улицы. Выскочили из дома, желая пригласить их к нам на беседу. Но Людмила Юрьевна испуганно замахала руками: «*Что вы, у меня и так голова болит!*» Выяснилось, что они с Алешкой отдыхают... от разговоров. Настолько говорливым оказался их хозяин, что у такого бывалого человека, как наш руководитель, голова заболела!

Режаки-то — люди самостоятельные. Уж построят дом — так как крепость: с *передом* и с *задом*, а между ними еще *серёдка* есть,

там хлев находится. Изба срублена *в лапу* или *в угол*. А чтоб дом-то стоял долго и не гнил, *потошник* привешивают.

Половина-то в доме бывает светлая, самая лучшая комната — *горница*. Окна большие, стекла чистые, и *попереченья* крепко склочены. Потолок держит *матица*, а *мост-от* выкрашен масляной краской и блестит. В общем, трудно проникнуть чужаку в дом режака.

В полутьме пыльных чердаков можно обнаружить различную мелкую хозяйственную утварь — *мутовки*, *корчаги*. Нередко посуду выдалбливали из дерева. Наиболее архаичны по форме огромные, метровой высоты *стуетни*. Более тщательно и из более ценных пород дерева выдалбливалась столовая посуда: *ковши*, *ендовы*, *солоницы*. Есть изделия и из бересты: *пестери*, *туеса*, *зобни* и др.

Алёшка в экспедиции

Шестилетний Алёша Зорин отправился уже во вторую в своей жизни диалектологическую экспедицию (первой была поездка в предыдущем году в деревню Наволок Кичменгско-Городецкого района). К поездке в деревни Сямженского района готовились заранее. Алёша получил два задания: от мамы, доцента Л. Ю. Зориной, — узнать клички кошек и собак, от профессора Ю. И. Чайкиной — запомнить 3 самых интересных слова.

Алёша очень звал с собой в поездку отца, рассуждал при этом так: *«Папа, ты тоже сможешь собирать клички. Ну что тут трудного? Спросишь, как зовут кошечку, и скажешь девочкам, чтобы записали»*. Поехали, конечно, без папы, но ребенок был снаряжен для экспедиции подходящим образом: Наташа Соловьева снабдила его самым настоящим рюкзаком!

В деревне Алёша быстро освоился, научился не отвлекать нас от работы. Более того, Алёша сам стал работать! Он запоминал по нашей просьбе некоторые слова и выражения, произносил их: *видко* — ‘видно’; *фультикультянистый* — ‘причудливый, затейливый’; *погода замокропогодилась* — ‘погода становится дождливой’; *зовут зовуткой* — *величают уткой* и т. д.

Ребенок по-своему понимал многое из услышанного. Так, увидев в деревне бани *по-чёрному* (а они действительно темные, мрачные, закопченные внутри и снаружи), все черное стал называть *по-чёрному*, все светлое — *по-светлому*. Так у нас появился даже *петух по-светлому!*

Мы спали в *другозьбе*, в летней избе. Там было много всякого крестьянского инвентаря, лежали связки веников, предназначенных для еды козам. Однажды, рассердившись на Алёшу за непослушание, мать воскликнула, что возьмет березовую вицу и выпорот его. В ответ услышала невозможное: *«Вицы ведь не для того, мамуленька, а для того, чтобы козы ели!»*

К концу экспедиции Алёша вник в нашу методику, заметил, что мы с Галиной Александровной Дружининой часто говорим студенткам: *«Диалектное! Запишите!»* или *«Литературное! Записывать не надо!»* И уже от шестилетнего Алёши мы иногда слышали: *«Это литературное!»*

PS: Даже через месяц после возвращения из поездки ребенок просил дома *глыбку*, т. е. 'кусочек' сахара и говорил *поужалуйста* с сильно огубленным гласным [о].

Сенокос

В июле начинается сенокосная страда. Время забот, волнений и напряженного труда. Колхозники поднимаются рано — едва забрезжит рассвет. Еще слоистый липкий туман покрывает поле и серебрится капельками росы на траве. Вступишь в нее — и она обдаёт тебя веером янтарных брызг. Смотришь — ноги сырые по колено.

От остывшего за ночь воздуха подергивает плечи, шея покрывается пупырышками, хочется глубже спрятать руки в карманы и дремать, зажмурив глаза, с наслаждением вспоминая о теплой постели.

Но едва лучик солнца выглянет из-за туч, приласкает лицо, руки, обогреет своим теплом, сон как рукой снимает. С жадностью начинаешь вдыхать свежий, пахучий воздух и с упоением замечаешь, как на глазах меняется картина утра. Тебя поражают

и травы, и оранжевые, белые, синие пятна цветов, и звон кузнечиков, и пряный ветер.

Это самое лучшее время, потому что на самом сенокосе этого не увидишь: будут мучить жара, несносные оводы, сырая, прилипшая к телу рубашка, белые пятна в глазах от ослепительного солнца, ломота во всем теле и желание скорейшего отдыха.

Надо торопиться, пока солнце невысоко и роса не высохла. В народе недаром говорится: *на травах роса — легче ходит коса*.

Пройдешь *«волок да ещё волок»*, а там и *пожня*, либо *чищенье* — место, освобожденное от леса под сенокос. *Чищенье* представляет собой огромный квадрат. Рядом — низина, после дождя в ней вечно стоит вода. Это *ляга*.

Работы на пожне много, трава по пояс, нельзя ей дать перестояться, иначе такая трава — не сено, не труха. А рабочих рук не хватает. Хоть дело и спорится, оставляют *кулижку* — недокошенное место. С каждым днем она все меньше и меньше. Зато растут стога, навитые вокруг крепких стожаров (*сено огребут да и батог долгий ставят, то и есть стожар*). Иногда стожар *островью* зовут.

Прежде чем стог ставить, делают настил из веток и жердей, *подтон*. Чем выше *подтон*, тем лучше: при *слече* — осеннем ненастье — вода не подмочит сено. Удобно и практично.

8 июля. Вот так сказала!

Карточек уже много. Материала больше во много раз. Мы сидели и оступело глядели на нескончаемые записи в блокнотах. В голову лезли такие вот стишки:

*Я за столиком сижу
И всё карточки пишу,
Всё пишу и пишу,
А на время не гляжу.*

Но посмотреть на время все-таки пришлось. Решили лечь спать, так как был уже первый час. Тщетно пытаемся выключить свет — замкнуло выключатель. Получилось что-то вроде пульсирующей цветомузыки. И тогда Света сонным голосом говорит:

«Не мучайте выжигатель!» По инерции пытаемся записать новый «диалектизм», но потом, посмотрев друг на друга, разражаемся дружным хохотом. Вот так сказала!

В этот же день я поймала себя на том, что пыталась транскрипцией написать письмо своей бабушке!

7 июля. Окато́м крыть

Во время нашего первого и последнего разговора с *Лазунькишной* она поведала нам о старухе *Окатихе*, которая после смерти мужа лишилась рассудка. Говоря о муже этой старушки, Лазунькишна называла его имя — *Окат* — и долго распространялась об этой семье, вообще о деревенской жизни, в частности о том, что ее избу еще *Окат крыл*.

По окончании рассказа Наташа, пребывавшая раньше в задумчивости, спросила собеседницу: «А как же всё-таки избу *окатом кроют?*» В ответ последовало недоуменное молчание... Ведь *Окат* — это собственное мужское имя!!! Хотя и старинное, но все же имя! А мы за лихорадочным поиском диалектизмов этого и не заметили, приняв за очередное «старопрженое слово».

5–7 июля. Гроза

Возвращаясь из Копылова, «ученые-диалектологи» попали под сильнейший ливень с громом и молниями. Огромная туча зловеще посмеивалась над студентами, которые, словно мокрые воробьи, стояли под стрехой какой-то добротной баньки. «А хорошо бы в бане поселиться!» — мечтательно заметил кто-то. Да, в нашем положении и баня — хорошо.

А ужас нашего положения заключался в том, что жители деревни Рассохино, прежде обещавшие разместить нас в своих домах, вдруг решительно отказались от своих обещаний. Ни приветливый вид юных девушек, ни лстивые слова руководителя Л. Ю. Зориной, ни протекция местных жителей, семьи Копыловых, не помогали. Выручили нас все же родители нашего квартирьера Гали Копыловой: нам в распоряжение предоставили 2 клас-

са старой школы. Шикарные апартаменты! Но информаторы-то живут в своих собственных домах!

А дождь все лил и лил. Не выдержав ожидания, Наташа и Марина понеслись под крышу гостеприимной школы. Преодолев дистанцию за сравнительно короткий срок, вымокнув при этом до нитки, замерзнув, у самого крыльца они выясняют, что ключ остался под стрехой баньки. Что ж, в родном доме и стены греют! Стучать зубами на пороге «своего» дома все же лучше, чем где-то в ином месте...

Кончилось все благополучно. Мокрые и усталые, мы все же не унывали: в нашей копилке слов уже кое-что было!

9 июля. Жить хорошо!

Оттоле уже недели две будет, как мы приехали в Гридино. Деревня-то здесь хорошая, старушек много. Только вот *хаются*, что народ нынче всё *выходной*, не хотят понять того, что мы рабобатаь сюда приехали, слова собираем, да всё прежние.

Гостей-то уж, как водится, встречают *загибеньками*. Но хозяйка наша осерчала: у нее сковорододержатель сломался, *дак* пришлось без пирогов *обряжаться*. Нарезали хлеба *хлебрезником* да *заместо* пирогов *скусно* поели. Хозяйка, глядя на нас, всё приговаривала: «*Кощие-то какие приехали! Замертё тут, цый один пьетё! Глянь — одне крыльця торчат!*»

А мы-то всё бегаем по бабушкам, а они от нас будто в *межсерёдку* прячутся! А еще есть у них тут палка такая, *батог* называется. У нее такое широкое применение, что узнаешь, *почем фунт баранок!*

На *коробочку-то* (магнитофон то есть) все записаться хотят, но ведь и говорят многие, как в книжках писано.

Зашли в дом к старушке. Сама-то она хлипкая, *кореватая*. Сказали ей, что поговорить пришли. Она и *бает*: «*Ничего не чую. Гласина-то у вас не больно шумкая, да вы не робкайте! Дверину-то закройте, а то холодковато, так и побормотаем.*»

С разговорами-то и время быстрее *коротается*.

Обратно шли, так такая слякоть сделалась, дождь как ливанул, так пришлось юбки-то *подболокнуть* да рысцой до дома! Домой-то прибежали да на *мосту* так и хлопнулись! *От* было *дивьё!*

Хозяйка опять нас *титорила*: «*Почто не поевши отвернули? Видать, хорошо побегали — весь ужин в один присест опростали!*»

День *коротается*, солнце *закатается*, а у нас ещё ухом не махни, дел невпроворот, и на *вечерину* успеть *надоть*. Наладили *грибочки* да *полёточки*, чтобы местным *парнекам* *погленуться*. А те *бают*: «*Девки-то какие из городу приехали баские, и похаять-то не за что!*»

Так день и пройдет, и подумаешь, на ночь гляючи: и жизнь хороша, и жить хорошо!

10 июля. Пишем стихи

Диалектологам уже хорошо понятен еще недавно совершенно неизвестный диалект. Мы уже сами можем говорить почти *по-режски!* И в часы вдохновения у нас рождаются стихи. Пусть безыскусные, но такие искренние! В них запечатлеваются ситуации деревенской жизни и обороты местной речи. Так, как в стихах горожанки Наташи Шишовой:

*Зазвенела коса,
Прошлась по траве.
Ты коси, коса,
Не тупись, родимая!*

*Дорог каждый день,
Было б солнышко,
А то, гляди,
Размокропогодится –
Сгинет травушка,
А потом уж некому плакаться.*

*Ты коси, коса,
Шире взмах!
Травка ровно стелется,
Не шелохнется,*

Словно волосы девушки.

*Я тебя оселком наточу,
Чтоб блестела серебром,
Чтоб ни бухтинки,
Ни царапинки –
Словно зеркало.*

*А в деревне Гридино
В каждом дворе журавли.
Журавли-то не простые,
Деревянные, большие.
То колодцы водяные с кошкой,
Очапом, с крюком.*

*Шла девица по воду,
С подругами встречалась.
От колодца шла домой —
В ведре вода плескалась.*

*Собралась молодница
По воду да с коромыслом,
Опустила кошкою ведро
И достала серебро
И рассыпала его.
Вот непряха-рассыпаха!
Чернай воду заново!*

*Коромысло мое гибко,
В ведрах плещется вода.
С острегов стекает чище,
Чем в колодце у тебя.*

*На сцене будущий солдат,
Алёша — как герой.
Он песнь про армию поет,
Серьезный весь такой,
Еще стихи читать умеет*

Про корабли и танки,
Наверно, в будущем
Играть он будет на Таганке.

«Мы на лодочке катались золотистой, золотой» –
Лена с Галей затаянули, голос льется молодой.

Красив украинский романс,
Он за душу берет.
Ах, как Марина хороша!
Кто так еще споеет?
А в зале тишина стоит,
Никто ни с кем не говорит,
Лишь бурными аплодисментами
Зал скоро зазвонит.

Наш колодец срублен в лапу,
Ведро на кошку — черпай, раз надо!

Молодежь-то какова –
И поступки, и дела...
Рассуждают две старушки,
Вызывая дружный смех.
Галю с Леной зал весь слушал,
Был большой у них успех!

Мы и кадрили задорную
Умеем танцевать.
Наташа, Света, Лены две
Легко летят, кружась.
Все в сарафанах модненьких,
С улыбкой на лице,
Что захотели сразу же
Кружиться с ними все.

Закончили «Надеждой» — песней.
Что может быть прекраснее надежды
На встречу новую со старыми друзьями?

*Но неохотно уходили зрители из зала:
16 номеров им показалось мало!*

11 июля. Баять не напостывает

Привернули мы на недельку в Рассохино, поселились в избушке на курьих ножках к бывшей ударнице, а теперь, по ее мнению, засранице, славной восьмидесятишестилетней старушке — бабе Мане. И обрадела она нам, как Христу. Еще бы! Мы ведь навели порядок в избе, покрыли стол подобием салфетки и сразу же — для установления контакта — взялись перебирать картошку в ямне. Картошка-то хрушкая, ядреная, да вот в подполье лазать приходилось карачуном, а когда наверх выползали, волосы оборонять пришлось: полная голова была шаму!

Снова открыли западню, второй раз полезли в погреб, хотя и голова у всех кружится, и бабушка чуть не тюкается от усталости. Говорим ей: «Идите отдохните!» Ушла, да вдруг влетела в избу, как молодаяжка, и как заборкает, заборкает: «Девки, вы не бойтесь, когда с моста выходить будете, там полица обломилась. А дверь-то открывать станете — так с крыши потошник упал, не ушибитесь, а то изба старая, а медпункт-то далёко».

Сидим мы, усердницы дошлые, и думаем: а что, если ночью и матица обвалится и зашибет? Но успокоились: не зря же бабушка по ночам за нас молится! А еще иногда она вдруг посреди ночи как запоет:

*Золотого-то колечика
Не буду стаивать,
Не буду милого любить,
Сама себя расстраивать.*

И спрашивает: «Девки! Этого-то в ящик <т. е. на магнитофон> не записывали? Ну ладно, я еще здумаю. Слушайте, сейчас зачну с краю и на голос спою!» И так наша бабушка поет час или два, недаром говорят про нее, что *тороватая* была.

Утром хозяйка встанет часа в четыре и самовар ставит, печь топит, чтобы напечь неудач. А нас спрашивает: «Девки! Вы встанитё, поедитё и пойдитё или поманитё?»

Да, думаем, бабушка у нас клад: не только песни поет, но и стихи сочиняет! И никакая она не *балабошка*, ведь без нас неделю-то вообще не говорит. Живя с приезжими, их не *подтыкает*, указывать не любит. Ее любимое выражение — *указчику прыщ за щеку*. Подумаешь, если скажет, где и что вымыть, как *ворончики* обтереть и *тенету* с *потолоки* убрать, и таз на *мост* вынести, и в самовар воды принести, да лучше с дальнего *колодчика*. Так какие же это указы? «Мне, — говорит, — даром: *делайте, что хочите!*»

Если наша бабуся придет из магазина, то уж принесет *всякого места*: и *дошичек* вафельных, и красненьких *яблочков* — помидоров, и конфет без бумажек, и *стеклянку* с закуской и т. д. А потом чай горячий станем пить, да так, что *куфтырь* чуть не лопнет! Нас она очень любит, с нами-то ей *баять* не *напостывает*, да и нам жаль уезжать: больно хорошая бабушка! И знает много, и видела, и слышала немало. Очень жаль, что сейчас она плохо *чует* и ноги у нее *тосковать* начали. Но вот как *разулыбит* свой беззубый рот, так нам кажется, что нет на свете лучше места, чем эта *избушка* на *курьих ножках* с обвалившимся *потошником*...

12 июля. Подведем итоги

Участниками экспедиции в Режский сельсовет Сямженского района Вологодской области оформлено 2400 словарных карточек, составлен 1 гербарий, заполнен 1 блокнот с фонетико-морфологической характеристикой говора, записаны 4 кассеты общей продолжительностью звучания около 2 часов, заснято 60 кадров фотопленки, заполнена 1 анкета, прочитаны 2 лекции, выпущены 2 стенных газеты, оформлены 2 альбома, привезены 4 предмета материальной культуры с диалектными наименованиями.

Участниками Режской экспедиции в 1983 году, то есть авторами приведенных дневниковых заметок, были студентки ВГПИ Абдулхаева Елена, Копылова Галина, Леонова Елена, Максименко Марина, Пукайчук Светлана, Соловьева Наталья, Шишова Наталья.

Фото 1: Аспиранты А. А. Баландина и Е. Н. Шаброва работают по программе «Лексика одежды» с информантом А. П. Поповой

Фото 2: Участники экспедиции читают страницы своего дневника

В экспедиционных дневниках вологодских студентов, помимо приведенных выше текстов, содержится еще много интересных материалов. Следовательно, такие дневники небезынтересны для региональной диалектологии. Более того, эти путевые журналы иллюстрируют использование студентами приемов популяризации знаний об исчезающих русских народных говорах. Полагаем, что такие дневники могут быть весьма интересны и широкому читателю.

L. Zorina. Student Dialectological Expeditions' Diaries: Peculiarities of Genre and Typology of Texts

Dialectological student practice and expeditions at the Pedagogical Institute of the Vologda State University have been carried out for decades. The article describes a whole number of such expeditions diaries, especially considering the diary genre and developing a typology of texts. Expedition diaries are a valuable material for the regional dialectology and illustrate how the students apply the methods of popularization of knowledge about the disappearing Russian national dialects.

Keywords: expedition diaries, peculiarities of the genre, typology of texts.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Елена Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. E-mail: ep-andreeva@bk.ru

Борисова Ольга Геннадиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кубанского государственного университета. E-mail: leliastom@mail.ru

Бродский Игорь Вадимович — кандидат филологических наук, доцент кафедры уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. E-mail: kodima@mail.ru

Гайдамашко Роман Валентинович — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. E-mail: gaidamashko@gmail.com

Герд Александр Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: msk.philol@mail.ru

Зорина Людмила Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного университета. E-mail: lyudmila.zorina@gmail.com

Зубова Нина Николаевна — соискатель кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. E-mail: nina.karacheva1991@mail.ru

Иванова Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. E-mail: el-ivan@mail.ru

Ильина Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. E-mail: filfak@list.ru

Качинская Ирина Борисовна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: kacza@yandex.ru

Кобелева Ирина Арнольдовна — доктор филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета. E-mail: kobir@list.ru

Комлева Наталья Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. E-mail: k.nati@mail.ru

Лунькова Екатерина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета. E-mail: rina4@yandex.ru

Лутовинова Ирина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: msk.philol@mail.ru

Мызников Сергей Алексеевич — доктор филологических наук, зав. Словарным отделом Института лингвистических исследований РАН. E-mail: myznikovs@rambler.ru

Мызникова Янина Валерьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: janinam@mail.ru

Николаев Илья Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ilya.nikolaev@gmail.com

Новикова Людмила Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета. E-mail: novikova_54@mail.ru

Пурицкая Елизавета Владиславовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН; инженер-исследователь Отдела лексикологии и лексикографии Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: purichi@list.ru

Соболев Антон Игоревич — соискатель Института лингвистических исследований РАН. E-mail: kroikoi@yandex.ru

Соломатина Мария Георгиевна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: solomatina.marija@yandex.ru

Яцкевич Людмила Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного университета. E-mail: vayatskevich@yandex.ru

Содержание

<i>А. С. Герд</i> Языкознание и этнография	5
<i>И. С. Лутовинова</i> Следы древних русско-норманнских языковых контактов	14
<i>С. А. Мызников</i> Севернорусская лексика в восточнославянском контексте	21
<i>Р. В. Гайдамашко</i> Материалы к этимологии метеорологической лексики в русских говорах Прикамья: <i>пахта, ромода</i>	37
<i>Е. В. Пурицкая</i> Лексика старожильческих говоров Эстонии и русские говоры Северо-Запада: к 50-летию выхода «Материалов для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики»	46
<i>Я. В. Мызникова</i> Левобережные говоры Ульяновской области как маргинальный ареал севернорусского континуума	59
<i>И. В. Бродский</i> Этнонимы в составе финно-угорских фитонимов	72
<i>А. И. Соболев</i> Вепское топонимическое наследие Юго-Восточного Обонежья в соотношении с археологическими и историческими источниками	89
<i>И. С. Николаев, А. С. Герд</i> Словарь топонимии и микротопонимии Ингерманландии	112
<i>Л. Г. Яцкевич</i> Словообразовательная категория залоговости в вологодских говорах	120
<i>Л. Н. Новикова</i> Севернорусская лексика тверских говоров: к вопросу о типах словообразовательных значений	141

<i>Е. С. Лунькова</i> Функционирование конфикса <i>на-...-ник</i> в смоленских говорах (на материале отсубстантивов)	150
<i>Е. П. Андреева</i> Фразеосемантическая система режского говора на фоне общерусской фразеологии	167
<i>Н. В. Комлева</i> Отражение мировосприятия жителей Режи в их прозвищах	186
<i>Е. Н. Иванова</i> Семантический и этнокультурный потенциал исторического гнезда слов с корнем <i>*-pek-</i> в вологодских говорах	202
<i>М. Г. Соломатина</i> Проекции народного религиозного сознания в повседневной жизни на примере номинации животных и растений	210
<i>И. Б. Качинская</i> Свекровь и тёща: термины свойства в архангельских говорах	218
<i>О. Г. Борисова</i> Лексико-семантическое пространство говоров позднего образования в генетических координатах (на материале говоров Кубани)	234
<i>Е. Н. Ильина</i> Представления о здоровье и болезни в речи жителей Вологодского края	250
<i>Н. Н. Зубова</i> Характеристика прагматического уровня языковой личности Нины Дмитриевны Шиловской	267
<i>И. А. Кобелева</i> Неизвестные диалектные материалы как дополнение к известным словарям печорских говоров	281
<i>Л. Ю. Зорина</i> Дневники студенческих диалектологических экспедиций: особенности жанра и типология текстов	287

Contents

<i>A. Gerd</i> Linguistics and Ethnography	13
<i>I. Lutovinova</i> Traces of Ancient Russian-Norman Language Contacts	20
<i>S. Myznikov</i> Northern Russian Lexicon in the East Slavic Context	36
<i>R. Gaidamaško</i> Data for Etymology of Meteorological Lexics in Russian Dialects of the Kama Region: <i>pahta</i> , and <i>romoda</i>	45
<i>E. Puritskaya</i> Vocabulary of Russian Dialects in Estonia and Russian North- West Dialects: The 50 th Anniversary of the “Materials for the Vocabulary of Russian Dialects in Baltic Countries”	58
<i>Y. Myznikova</i> The Dialects of the Middle Volga as the Marginal Area of the Northern Russian Continuum	71
<i>I. Brodsky</i> Finno-Ugric Plants’ Names Containing Ethnonyms	88
<i>A. Sobolev</i> Veps Heritage in the Toponymy of the Southeastern Lake Onega Area in Correlation with Archaeological and Historical Sources	111
<i>I. Nikolayev, A. Gerd</i> Vocabulary of Toponyms and Micro-toponyms of Ingermanland	119
<i>L. Yatskevich</i> The Voice Derivational Category in Vologda Dialects	140
<i>L. Novikova</i> The Northern Russian Vocabulary of Tver Dialects: Towards Types of Derivational Values	149
<i>E. Lunkova</i> Prefix <i>na-</i> and Suffix <i>-nik</i> in the Smolensk Dialects	166

<i>E. Andreeva</i>	
Phraseosemantic System of Rezha Dialect and All-Russian Phraseology	185
<i>N. Komleva</i>	
Reflection of World Perception of Rezha Residents in the Materials of Their Nicknames	201
<i>E. Ivanova</i>	
Semantic and Ethnocultural Potential Capacity of the Historic Word Family with the Root <i>*-pek-</i> in the Vologda Dialects	209
<i>M. Solomatina</i>	
Projections of Human Religious Consciousness in Language: Plants' and Animals' Names	217
<i>I. Kachinska</i>	
Husband's Mother and Wife's Mother: Kinship Terms for Spouse Parents in the Arkhangelsk Region Dialects	233
<i>O. Borisova</i>	
Lexical-semantic Timelines of Lately Originated Dialects in Genetic Coordinates	249
<i>E. Ilyina</i>	
The Concepts of Health and Disease in the Speech of Inhabitants of the Vologda Region	266
<i>N. Zubova</i>	
Characterization of the Pragmatic Level of Language Personality Nina Dmitrievna Shilovsky	280
<i>I. Kobeleva</i>	
Unknown Dialect Data as a Complement to the Known Dictionaries of the Lower Pechora Dialects	286
<i>L. Zorina</i>	
Student Dialectological Expeditions' Diaries: Peculiarities of Genre and Typology of Texts	311

Научное издание
СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ
Выпуск 14

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано в печать 28.10.2015. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 14.8
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23

